

18+

Никита Капернаумов

Истоки моих поступков

Книга 4

Никита Капернаумов

Истоки моих поступков. Книга 4

«Издательские решения»

Капернаумов Н.

Истоки моих поступков. Книга 4 / Н. Капернаумов —
«Издательские решения»,

Для тех, кого интересует личность автора. Реконструкция первых тринадцати лет жизни (до 2007 года). Одна из самых больших автобиографий детства — более полумиллиона слов в четырёх книгах. Данная версия — цензурированная для интернет-магазинов. Книга содержит нецензурную брань.

Истоки моих поступков. Книга 4

Никита Капернаумов

© Никита Капернаумов, 2026

ISBN 978-5-0070-5293-1 (т. 4)

ISBN 978-5-0070-3004-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Никита Капернаумов — Истоки моих поступков. Книга 4.

Версия от 04 апреля 2026.

*
*
*
*
*
*
*
*
*

Оглавление Книги 4

___ Часть 54.

_____ Осень 2004. Пошёл в седьмой класс.

>>> Часть 54 текст 1. Начало учебного года и ремонта на Радищева,,, проблемы с печкой и отмычка,,, компаньонство с Денисом на гимнастике,,, компьютерная выставка.

>>> Часть 54 текст 2. Дайр Стрейтс начало,,, компьютерные законы,,, паркурский загон,,, сальто с лестницы на землю,,, про позорные ///монгяь \\\\и уход надежды на физическое самообладание.

>>> Часть 54 текст 3. Аутсайдерство в гимназии,,, агония с сальто и проигрыш Ерокину,,, в лес с классом и странное внимание от Юдиной,,, дёрганный Евстифеев-компьютерщик.

>>> Часть 54 текст 4. Отец-землекоп на Радищева,,, начало загона по корпусам Тэрмалтейке,,, турникмэнская агония — первые и последние солнышки,,, ///амбкм \\\\на Радищева,,, фляк Славы Сталлоне и почти конец моей гимнастики.

>>> Часть 54 текст 5. К бабе Вале,, кошка Дулься,, первый журнал Игромании,,/// ояе-апэрмээ ммпксфэ\\ на Рен-ти-ви,, конец Радищева,, идиллии с мамой под скрытую депрессию и начало зелёного кресла,, ненависть к книгам,, эМ Ти Ви-шные передачи.

>>> Часть 54 текст 6. Телефонный психоз у одноклассников,,/// влхйё з ёяужийг-мкмрпъ кю пгквпмлк,,\\ роковой урок биологии про глистов,, предпоследняя тренировка на каникулах,, кассеты напрокат,, чуть не задушил Мурку.

___ Часть 55.

>>> Часть 55 текст 1. Начало ноябрьской балабановщины,, конец моей гимнастики,, анатомическая депрессия в зелёном кресле,, суицидальные порывы и детские представления о физиологии смерти.

>>> Часть 55 текст 2. Балабановское скитание по ноябрьскому Энгельсу,, единождыный лудоманский порыв,, небольшой опыт плохиша на ярмарке,, конец гимназии и «кровь» в кале.

>>> Часть 55 текст 3. Конец свиного базара в детской истории,, уход на долгие больничные,, Король и шут начало..

>>> Часть 55 текст 4. Аудиофильский загон и возня с колонками,, переезд в маленькую комнату,, тяга к постсовковым дворам с атмосферой Рамштайна,, по мусоркам в поиске динамиков,, встреча с тетё Леной и диск Рамштайна.

>>> Часть 55 текст 5. Валерин Дима в гости и про армию,, безнадёжные попытки написать себе другую жизнь,, аудиофильский загон отступает и почему,, телевизор от дяди Серёжи,, Барсик для Фрунзы.

>>> Часть 55 текст 6. Отец приехал на Новый год с компьютером,, Юрий Никитин и моя растущая антисоциальность,, поругался с родителями и/// птёфзблнв \\самозатворничество в маленькой комнате,, читаю «Я живу в этом теле».

___ Часть 56.

...2005 — — — — —

>>> Часть 56 текст 1. ///Рякывйё \\психологи против того,, что реально надо,, Артёмы в гости и компьютеры,, к тетёЛене и Великий дядя,, даю Артёму Гэ Тэ А,, вечера в зелёных креслах.

>>> Часть 56 текст 2. Возвращение в тридцать-третью школу,, покупка компьютера,, сломал палец.

>>> Часть 56 текст 3. Проблема с Виндоусом,, отдаём компьютер Лучинкину,, забираем компьютер,, и первые дни игр.

>>> Часть 56 текст 4. В школу в конце января,, с пацанами в дисковой и комплекс Идиота,, медико-бюрократический маховик поликлиники,, красноволосая девушка-рокерша из моего подъезда и другие её типажа,, игра Симс два и впечатление музыкой.

>>> Часть 56 текст 5. К Артёмам и забираю Гэ Тэ А,,, магия Вайс-сити,,, Малая Гавана,,, утро с Кип Филдинг Фасинейшнз,,,//// няиъхванв нюпкввняюмёг ё мэхяим эляимулязё\\\\,, шизотипические концерты в поликлинике,,, мама первый раз воет.

>>> Часть 56 текст 6. Лав Фист,,, Перси и близняшки,,, конец Вайс-сити,,, мама с Дайр-стрейтс,,, отцу дарят телефон и тема зависти к половой жизни родителей,,, обмен компьютерными играми в классе,,, с Фёдоровым на Волгу по льду.

___ Часть 57.

_____ Мне 12 лет.

>>> Часть 57 текст 1. Деды в гости на день рождения,,, начало этой Юли//// ояеапэрмлз \\\и мои тирано-проверки преданности.

>>> Часть 57 текст 2. Возобновление контакта с Козловым,,, Олег Николаевич повесился,,, знакомство с Фар Край,,, на набережную с Козловым вечером.

>>> Часть 57 текст 3. Симптомы ОКР,,, блок питания сторел,,, близняшки на ярмарке,,, ямамий тупик с этой Юлей,,, Грендельство ямамьего тупика,,, проверочность этой Юли до максимума и последний день.

>>> Часть 57 текст 4. Безумный гуманизм отца,,, рай Фар Края,,, подключаем кабельное тэ вз,,, Аня тётъЛарисы на гимнастику и до свидания бабВале на полтора года.

>>> Часть 57 текст 5. Последняя прогулка с перегнувшим Козловым,,, стэлс-экшны,,, та Юля больше не поворачивается,,, начало бунтов в школе.

>>> Часть 57 текст 6. Скрывание ////огйосяижжэфзё \\\от мамы,,, ОКР так и лезет,,, последняя порка от мамы,,, идиллические прогулки с мамой на рыбалку и инцидент с крючком.

___ Часть 58.

>>> Часть 58 текст 1. Полноценное начало близняшек,,, первая холостая слежка,,, про неудачливого отца,, различие семей и стереотипы.

>>> Часть 58 текст 2. Девятое мая две тысячи пятого,,, про ущемлённое эго и психологов,,, драка с кучерявым ////рякывйлк \\\на Пристани смелых,,, слёзы//// ж амлёфзблнв \\\отчаяние,,, невозможность убить и проблема ямамьего тупика.

>>> Часть 58 текст 3. ОКР уже на всю,,, мои безграмотные в психиатрии родители,,, конец компаньонства с Фёдоровым,,, расследование по близняшкам в школе.

>>> Часть 58 текст 4. Ямамья паранойя слежек за близняшками,,, первая удачная слежка,,, паранойски помог бабке,, пока следил,,, последняя встреча с Артёмом.

>>> Часть 58 текст 5. Ненависть к школе и системе,,, дразниловка секспросвещением секс-инвалида,,, ожидание Сан-Андреас и заказ блока питания,,, слежка за близняшками в парке аттракционов и желанный кошмар.

>>> Часть 58 текст 6. Возобновление компьютера и удар три де максом по самооценке,,, предвосхищение лета с Сан-Андреас,,, прощание на лето с только что начавшимся Слепухиным.

___ Часть 59.

_____ Седьмой класс кончен. Лето.

>>> Часть 59 текст 1. Медиамаркеты в Саратове,,, покупка Сан-Андреас и первый день игры,,, моя типология вокалистов в рок-музыке,,, Сан-андреас под музыку Зэ Келли Фэмили.

>>> Часть 59 текст 2. Конец Никиты Козлова и Сан-Андреаса,,, Хроники Риддика и последний созвон с Гужиком,,, летняя ОКР-щина,,, покорность отца и упрямость мамы,,, первые наушники,,, переустанавливаю Виндоус,,, записываю аудиокассету,,, сломался монитор.

>>> Часть 59 текст 3. Подробно про ОКР-протирки,,, про мегагалоши и почему не тапки,,, отец «В рог».

>>> Часть 59 текст 4. Амели-мания и реальность с «чужими людьми»,,, просмотры детских фильмов,,, прослушивание музыки при родителях и когда один,,, последний раз на Волгу как в детстве,,, летняя слежка за близняшками,,,//// влхйё\\\\ на стрёме.

___ Часть 60.

>>> Часть 60 текст 1. Отца бесят мультики,,, отец вышел из себя,,, и моя зависть к половой жизни родителей.

>>> Часть 60 текст 2. Читаю «Коллекционера» Фаулза,,, истоки мыслей про половое равенство,,, мамино «Мой уже завонял» и последняя встреча с Неспешными.

>>> Часть 60 текст 3. Идём с мамой вытрясывать долг по соседству с близняшками,,, во дворе дома близняшек,,, нашёл листовку с названиями рок групп,,, первые шаги в расследовании групп с «Врока».

>>> Часть 60 текст 4. Жёсткие ОКР-стирки и истерики,,, истерика со сном в кресле,,, рву классный журнал из гимназии,,, закидон с обоссыванием матраса,,, истерика в ванной.

___ Часть 61.

_____ Осень 2005. Пошёл в восьмой класс.

>>> Часть 61 текст 1. ОКР последнего года в школе,,, перемены в классе,,, толчок в коридоре до слёз,,, слежки за близняшками после уроков,,, у калитки со Слепухиным,,, последний визит тётЛены с Машей и мой экзистенциальный кризис.

>>> Часть 61 текст 2. Подвал с дисками у лица,, Астерикс и Обеликс,, заблуждения с музыкой,, моё антисоциальное фриковство в школе,, специфика компаньонства с пацанским Слепухиным.

>>> Часть 61 текст 3. Пародии на поэзию Пушкина,, подражание Бивису и Баттхеду.

>>> Часть 61 текст 4. Внешкольное безделье и про последствия,, фестиваль по эМ Ти Ви,, утелевизорные дни,, передача про агрессию у подростков,, пятое октября и уезд отца.

___ Часть 62.

>>> Часть 62 текст 1. Мрачная октябрьская лвакассильщина с мамой,, походы на Фрунзу,, покупаем монитор на время,, бэ-эм-эксеры тинейджеры в Саратове,, поликлиника и неврозы,,//// жмпжл-бпгё\\ с близняшками,, снова про психологию любовного//// ж нюжоя-яплнам огйю\\.

>>> Часть 62 текст 2. Продолжаю антисоциальность в школе,, диск группы «Кисс» и глупые надежды на социализацию через рок-музыку,, подлый звонок Фёдорова,, подмышка у зеркала и питерпэнство перед мамой.

>>> Часть 62 текст 3. Деды попали в аварию,, походы за близняшками с биноклем,, пожизненная проблема с заходом в подъезды,, встреча с Тюленевым,, неприятный осадок от Серебряковых.

>>> Часть 62 текст 4. Компанейская влюблённость со Слепухиным,, Слепухин тоже по року,, начало поездок по музыке в Саратов,, в университетскую библиотеку,, ноябрьские саратовские рок-музыкальные надежды,, в магазин электроники и разные фрустрации.

___ Часть 63.

>>> Часть 63 текст 1. Дядя Серёжа и его пророчество по музыке,, начало темы подработки расклейщиком,, фантазии о реальном на велосипеде,, второй вариант подработки,, расклеиваю до обморожения,, злой конец меня как расклейщика.

>>> Часть 63 текст 2. Айрон мэйден и ноябрьские надежды на социализацию через рок-музыку,, большой Медиамаркет на Кирова,, покупка Мегадэт.

>>> Часть 63 текст 3. Диски от Слепухина,, признаёмся//// «чийфэк», \\и про грендельство.

>>> Часть 63 текст 4. ///Эляпмлэхдоизв лрхджю п мжрщинж,, лэка сбёвдию орньи,, бонфиз а оодблдж йлкмэрд,, оеапэрмшг бонфиз п мюкшфдй б ннмг,, ммгшрнджбэлзв свкь оеапэря. \\

>>> Часть 63 текст 5. Погружаюсь в Мегадэт,, последние воспоминания о компанейской влюблённости со Слепухиным,, конец года с играми,, депрессивная линия мамы и её решение гнить,, зато жить.

___ Часть 64.

...2006 — — — — —

>>> Часть 64 текст 1. Рай эскапизма играми и музыкой,, первые мысли о композиторстве,, мелочные эпизоды в школе,, загон по Ламборджини и солнечной Америке восьмидесятих.

>>> Часть 64 текст 2. Поездки в Медиамаркеты и про мамины предпочтения,, Лед Зепелин на кухне,, львакассильщина на кухне,, формалиновая каша.

>>> Часть 64 текст 3. Улица Чапаева и кафе «Улей»,, диски Дайр Стрейтс и про иллюзию старпёрской гавани,, Слепухин — не единомышленник,, в школе запускают утилизацию по психушке,, не маменькин сынок,, а в ямашем тупике,, вызывают к психологу.

>>> Часть 64 текст 4. ////Агмёряиъмшг подямвё\\\\,, эскапизм с Халф-Лайф Два,, игра «Зэ Мувиз»,, //// птёфзбляь \\\\истерика с молотком,, истерика со столом на кухне и про бабские сценические уловки.

>>> Часть 64 текст 5. К психиатру в поликлинике,, психологический перегруз под Лэди Райтер,, иллюзия друзей и бред единства,, мамина паника из-за постановки на учёт в психушке,, инструктаж перед комиссией,, в энгельсскую психушку.

___ Часть 65.

_____ Мне 13 лет.

>>> Часть 65 текст 1. Надавил маме на больное,, с психучёта сняли,, но уже обречён,, покупаем диск Антология Гэ Тэ А,, покупаем модем для интернета,, компьютерный мастер на дом.

>>> Часть 65 текст 2. Первый выход в ////гяякци \\\\интернет,, список песен с Врока,, разочарования в тематике песен,, покупаю Слэйер и нахожу главную песню,, фрирайд под Мегадэт и зависть к Мастейну.

>>> Часть 65 текст 3. Подход к «Зэ Элдер Скроллз» через икс-бокс,, эпизод «обломись соскоб»,, освобождение по неврологии,, покупаю «Обливион» и первый день игры,, возвращение из поликлиники к игре.

>>> Часть 65 текст 4. Первый полноценный день с «Обливион»,, гостиницы по пути,, Коррол,, Кватч,, ассоциации с вещами из детства,, конанский концепт,, попытки и разочарование найти ещё такие игры.

>>> Часть 65 текст 5. Ложусь на дневной стационар в неврологическую больницу,, никто не видит невроз,, психологша и моё чувство,, что живу умнее работарабов,, блаженное время ещё нежелания композиторствовать.

___ Часть 66.

>>> Часть 66 текст 1. Редкие визиты в школу и забвение близняшек,, велосипедный день с пацанами класса.

>>> Часть 66 текст 2. Начало велосипедной темы,, поездка на Третью дачную,, классификация велосипедов,, поездка на площадь и самоуверенные тинейджеры,, просмотр «Девятой роты» у дедов.

>>> Часть 66 текст 3. Поездка в «Триал-спорт»,, самонеуверенный выбор велосипеда и покупка.

>>> Часть 66 текст 4. Перегон велосипеда в Энгельс,, мимо саратовской площади,, мост и прокол колеса,, возня с велосипедом дома почти до истерики.

>>> Часть 66 текст 5. Первая катка и позорный перелом руки,, последняя поездка в Спортмастер и про велотуры в Европу,, доламывание руки и гипс,, эскапизм Обливионом и про будущий разлад с другими эскапистами.

>>> Часть 66 текст 6. В дисковой магазин и кровавый концерт Слэйера,, Дайр Стрейтс на фоне метала,, предпоследняя встреча со Слепухиным,, конец моей учёбы в школах.

___ Часть 67.

_____ Восьмой класс кончен. Лето.

>>> Часть 67 текст 1. Ненависть к школе и коллективам из-за нарциссизма,, летнее ОКР и похоронофобия,, день рождения и конец Слепухина.

>>> Часть 67 текст 2. Группа «Антракс»,, три летние поездки на новом велосипеде.

>>> Часть 67 текст 3. Подвальчик на Тельмана и толстяк продавец,, хэви-метал покупки,, постригся налысо,, похороны у подъезда.

>>> Часть 67 текст 4. Фильмы в игре «Зэ Мувиз»,, пропитка Слэйером и стереотипы,, ночные посиделки за компьютером в темноте,, ссу на пол,,//// влхт а зоняюсё р кйями\\\\.

>>> Часть 67 текст 5. Основное начало интернета,, сайты о маутинбайкинге,, первое общение в интернете и «нарциссический прострел».

___ Часть 68.

>>> Часть 68 текст 1. Модификации для ГТА,, свой остров в Вайс-Сити,, Чёрный альбом Металлики,, первые вылазки//// ля нннлююипщ ё онм огйомулязы\\\\.

>>> Часть 68 текст 2. Металлибрани и Металлэнд,, начало командного модостроения для ГТА,, начало финального месяца в Льве Кассиле,, показы квартиры покупателям,, квартиры и перспективы после продажи.

>>> Часть 68 текст 3. Первая поэзия и про стыд за амбиции,, шесть августовских стихов,, заслушивание Мегадэт до дыр.

>>> Часть 68 текст 4. Пик занятости командным модостроением для ГТА,,, сохранившиеся сообщения на память.

>>> Часть 68 текст 5. Финал Львы Кассили,,, возвращение отца,,, сборы вещей под Айрон Мэйденом,,, распределение и перенос мебели,,, выезд в Саратов.

___ Часть 69.

>>> Часть 69 текст 1. Приезд в Заводской на девятый,,, поход в местный Медиамаркет,,, Ганс и Розес,,, история с пианино на Льве Кассиле,,, про отца.

_____ Осень 2006.

>>> Часть 69 текст 2. Просиживаю в квартире и мелкие эпизоды,,, никакой школы,,, выходные с родителями в квартире,,, суицидальная тенденция с изучением английского.

>>> Часть 69 текст 3. На Казачьей по дисковым магазинам с мамой,,, интерес к дэт-металу,,, фанатизм по Мегадэт,,, сижу с гитарой и сочиняю первый рифф,,, депрессия отсутствия перспектив.

>>> Часть 69 текст 4. О-Кэ-ЭР-истерии на девятом этаже и система штрафов,,, новая квартира задерживается,,, поездка на Фрунзу и особенность снижения О-Кэ-ЭР заморочек,,, когда в гостях.

>>> Часть 69 текст 5. Отец начал сердечные спектакли,,, покупаю группу Васп,,, юмэй-ыкшд влхйё \\\и расход воды,,, смотрю Мегадэт опять,,, клипы Милен Фармер и про осенние фригийские ассоциации.

>>> Часть 69 текст 6. Впервые узнаю о блэк-метале и других второзеленных поджанрах,,, увлечение «готикой»,,, Аматори и связанные темы,,, Мэрлин Мэнсон,,, выдумываю мрачно-развратный концепт с элементами готики для своего проекта и такой же видеоклип.

>>> Часть 69 текст 7. Закулисные интриги девятиэтажных,,, уезд в Наташину квартиру в Ангельс на дяде Валере.

___ Часть 70.

>>> Часть 70 текст 1. Приезд в Наташину квартиру,,, психология похоронофобии,,, паническая атака по теме похорон.

>>> Часть 70 текст 2. День в Наташиной квартире,,, загон по бациллам,,, отец приносит кассеты с роком,,, вечернее путешествие в туалет на набережную.

>>> Часть 70 текст 3. Поездка в Саратов за Мотлей Крю,,, отец на балконе,,, знакомство с Пинк Флойдом и про ненависть к ним позже от одиночества.

>>> Часть 70 текст 4. Тринадцатое октября — едем в психушку на Иване на томографию.

>>> Часть 70 текст 5. Алтынка,, заходим в корпуса на территории,, заходим в какой-то корпус на горе и меня проводят внутрь.

>>> Часть 70 текст 6. Внутри отделения,, спящие и буйные дети-инвалиды,, интуитивный панический тремор.

>>> Часть 70 текст 7. Иду к врачу на беседу,, обратно в комнату к детям,, обед,, темнеет,, на томографию надежды уже нет,, ужин и передачи.

>>> Часть 70 текст 8. Оцепенение и чувство брошенности,, перебор догадок и оправданий в отчаянии,, всех ведут в палаты,, конец дня в рыдании.

>>> Часть 70 текст 9. Подъём,, истерика у лестницы,, приехала мама и снова истерика.

>>> Часть 70 текст 10. Объяснения всяких нюансов,, заболеваю,, подавляющее действие нейрорептиков на эмоции,, договариваемся меня забрать во вторник.

___ Часть 71.

>>> Часть 71 текст 1. Возвращение с Алтынки,, сон и забвение акробатических амбиций,, комплекс криворукого пользователя техники,, страх карательной психушкой,, губительное лечение,, эскапистский солипсизм.

>>> Часть 71 текст 2. Осенний Айрон Мэйдэн и их новый альбом,, покупаем три кассеты: Ганс н розес,, Антракс и Вэсп,, эскапизм ассоциациями с прошлым,, едем в Саратов в интернет кафе.

>>> Часть 71 текст 3. Купаюсь с истериками опять,, пугающие боговерческие закидоны у мамы и суицидная истерика,, последний визит в тридцать третью,, молчанка мамы,, прощай-школьный жест рваньём учебников.

>>> Часть 71 текст 4. Металлика,, Хэтфилд и жених Саша с носом,, приближение съезда из этой квартиры и про ремонт в новой,, хождение по музыкальным магазинам и воображение социализации,, мама на свидании,, ////бгпщкнящд \\\groupпы,, ночуем втроём с отцом перед переездом.

___ Часть 72.

>>> Часть 72 текст 1. Перевозка вещей на Зелёный переулок,, рок-подвальчик и там аудиокассеты с металом,, покупка кассетного плеера,, покупаю Асфикс, Хроминг роуз и Бэтори.

>>> Часть 72 текст 2. Впервые слушаю музыку на улице,, про Хроминг роуз,, на набережной с кассетами и родителями,, идём к дедам.

>>> Часть 72 текст 3. Пришли на Фрунзу к дедам,, про отречение от тела,, про Асфикс,, ужин за столом,, начало Бэтори и ассоциации, гипнагогическое прослушивание альбома «Блад он айс».

>>> Часть 72 текст 4. Новембер морнинг,,, выезжаем с Фрунзы в центр,,, беру кассету с Вроком,,, выезжаем в Саратов.

>>> Часть 72 текст 5. Отдаём ключи Наташе и про работу моих родителей,,, в большой Медиамаркет,,, в интернет-кафе читаю про Бэтори,,, не готика,, а викинг-метал,,, Нордлэнды на Вольской,,, кульминация ноябрьско-металхэдских надежд и иллюзий.

>>> Часть 72 текст 6. В Энгельс и покупаю Дэт «Лепрози»,,, к дедам и кончаются батареи,,, Девятая рота и новый уровень питерпэнства,,, нэ-кэ-тэ-эс-эм-сцена в фильме,,, баб-Клавины истории про бомбёжки.

___ Часть 73.

>>> Часть 73 текст 1. Еду с утра в центр и к отцу в музей,,, в кабинет к отцу и в сортир,,, новая серая сумка.

>>> Часть 73 текст 2. В кабинете и разное про отцовскую работу,,, про отцовский творческий стиль,,, япаний нюанс.

>>> Часть 73 текст 3. Иду покупаю Дарк Транквиллити,,, про дурацкую музыку и неадекватность орущего вокала в метал-группах.

>>> Часть 73 текст 4. В другое крыло музея и про разное там,,, фотографируемся в залах древности,,, идём к дедам,,, с Бэтори у батареи и почему она — не метал-группа,,, увлечение в незнании и «аутизме».

>>> Часть 73 текст 5. В центр с отцом,,, бизнес идея с картами,,, а по сути союз двух одиночеств,,, конец последнего выходного дня.

>>> Часть 73 текст 6. Выезжаем с Фрунзы с мамой,,, ищем маршрутку на Алтынку и ругаемся,,, про ненависть к системе и разное другое,,, разговор мамы с бабВалей на Алтынке у пруда,,, остаюсь с девятиэтажными.

___ Часть 74.

>>> Часть 74 текст 1. Возвращение на девятый,,, распаковка компьютера,,, местная ежевечерняя рутина,,, о пройденности пика важности моей автобиографии.

>>> Часть 74 текст 2. В музей к отцу,,, о Сане Крыловом,,, семь минут с Алиной с баб-Валиной дачи,,, Дан Свано,,, Готика три.

>>> Часть 74 текст 3. Север — новая любимая эстетика,,, дома о моих и отцовских вкусах,,, группа Мельница,,, начало фрустрации понимания недостижимости Европы,,, кельтский фолк и Ричи Блэкмор.

>>> Часть 74 текст 4. В музее пишу героик-текст,,, про эталон отцовства,,, покупаю дискографию Бэтори,,, Эмперор,,, музыкантские магазины Саратова,,, открываю Горбушку,,, соединение с интернетом.

>>> Часть 74 текст 5. Поганный паган-метал,,, интернет-знакомство с москвичём,,, узнаю что Куортон уже умер,,, Блэкморс Найт,,, первый контакт с аудио-программой Сонар четыре.

___ Часть 75.

>>> Часть 75 текст 1. Первая интернет-влюблённость — готесса Неанта,,, о музыкальных вкусах Неанты и вообще,,, снова про диски,,, рисунок готического города,,,//// ояеапэрмшг \\ \\готессы на кладбищах.

>>> Часть 75 текст 2. Неделя до психушки и занятия дома,,, записываю позорные тексты песен на микрофон.

>>> Часть 75 текст 3. Думы о Неанте и рассказ «Дэт-ушка»,,, разная мелочёвка связанная с «Блад он айс»,,, ездили в психушку, сомнение что не пил таблетки,,, сплю до вечера и тётъЛарисина Аня в гостях.

>>> Часть 75 текст 4. На Горбушку за «Эмперор» и «Ин флэймз»,,, написал Неанте и нарциссический//// жмугкщпйёз\\\\ ад.

>>> Часть 75 текст 5. Еду один в центр и покупаю Тристанию и ещё Весп в понуром чмошничестве,,, про отцовский розовый мир,,, покупаем ди-ви-ди ром,,, Мунсорроу и Финляндия,,, конец ноября две тысячи шесть.

___ Часть 76.

>>> Часть 76 текст 1. Восстановление причин истерики двадцать седьмого ноября,,, увозят в смирительной рубашке,,, привозят на Алтынку.

>>> Часть 76 текст 2. Фоновая ненависть к психиатрии,,, мама не узнала,,, свидания с девятиэтажными.

>>> Часть 76 текст 3. Немного про детей и Мамьяка,,, вызовы ко врачу по утрам,,, воспоминания о препаратах.

>>> Часть 76 текст 4. Непрерывающаяся боль в груди целый день,,, про разную боль разных часов,,, радио и сон в безагентной позе,,, освобождение после двух недель.

>>> Часть 76 текст 5. На гражданке,,, второе освобождение,,, об овощном состоянии,,, незнание о чём делать тексты и позорная псевдофилософия.

>>> Часть 76 текст 6. Купили акустическую гитару,,, мелкие эпизоды дома,,, музыка этих дней,,,//// нннлттю\\\\.

>>> Часть 76 текст 7. Саратовский форум и форум Саррок,,, ненавистные воспоминания о форумной жизни,,, несостоявшийся поход с отцом на концерт,,, походы на уколы к тётё Марине.

>>> Часть 76 текст 8. Первые три месяца две тысячи седьмого.

— — — — —
— — — — —

*
*
*
*
*
*
*
*
*

...

___ Часть 54.

...

_____ Осень 2004. Пошёл в седьмой класс.

....

>>> Часть 54 текст 1. Начало учебного года и ремонта на Радищева,,, проблемы с печкой и отмычка,,, компаньонство с Денисом на гимнастике,,, компьютерная выставка.

....

Как же меня задолбало писать эту детскую автобиографию, в которой из-за ежегодной однообразности я не могу гарантировать хронологической точности некоторых событий. Вот, например, эта школьная ярмарка в начале года. Она вполне могла быть в прошлом году. Вставляю её в этот лишь потому что в памяти тем моментам сопутствует ощущение себя уже местным.

В первый же учебный день, может, вместо первых уроков, на территории малого заднего двора, где когда-то я поймел пару минут счастья неформального контакта с моей тогда возлюбленной Машей Ермаковой, была организована барахольного типа суeta, и школьники с родителями разложили на земле учебники за прошлые годы, которые могли купить ученики младших классов. По какой-то причине к моему ассортименту подходила Катя Ильина с её родителями, и они зачем-то размышляли над лежавшими у меня учебниками. Может, у неё был младший брат или сестра. Мне с ней друг до друга было уже совсем всё равно.

Какие изменения в предметах были в этом классе — почти совсем не запомнилось. По-моему, разделилась на геометрию и алгебру математика. Может даже добавилась физика и химия. Меня это всё не интересовало, и я не учил все эти новые предметы, а контроль со стороны мамы в них почти отсутствовал. Помню, что появилось какое-то О Бэ Жэ, и мои родители предупреждали, что рано или поздно мы посидим за партами в противогазах. Отец, в тему этих тяготеющих к военщине вещей, продолжал рассказывать истории из армии: как их гоняли на марш-броски и всё такое. Верхом проверки на крепкость, отец рассказывал, было залечь в траншею, не пересрать от проедающего над тобой танка, а потом сдёрнуть чеку с гранаты и кинуть в этот танк. Он говорил, что он это делал.

Траншеи, да и противогазы тоже, отец в то время не мог не вспоминать ещё и по другой причине. Он взялся налаживать коммуникации в нашей конуре на Радищева, куда мы с мамой в первый же учебный день и пошли. Некогда, как я рассказывал, о том, чтобы чинить купленное мамой гнильё, он не хотел даже и думать. Но сейчас на него будто нашло такое же

воодушевление, как и на меня в те дни, чувство перезагрузки. Либо же дело было в том, что, в отличие от прошлых вариантов, которые мы рассматривали и которые отец особенно ненавидел, мы купили именно отдельную квартиру, да ещё и с отдельным входом. Вода и газ, как ни странно, там были, но была проблема с канализацией. Из-за этого, о том, чтобы там жить, не было и речи.

Если спросить маму, причину, почему это так отец загорелся нам там помочь, она видела ещё в другом. Квартира хоть и была оформлена на маму, и отец к ней никакого отношения не имел, но тем не менее это была отдельная квартира, и вроде бы я мог быть там прописан — ну, а иначе зачем мама её купила, руководству гимназии же нужна была прописка, а не бумажка о собственности и рассказ, что мы тут живём, — а это, в свою очередь, могло когда-нибудь открыть возможность каких-то прав на неё и второму родителю — то есть ему. Когда началась эта квартира, бабВаля была тут как тут. И то есть мама бы сказала, что такой запал помощи был создан не столько отцом, которому самому по себе ничего никогда было не надо, а хлопочущей ради него бабВалей. В эти же первые дни сентября бабВаля там ещё обрызгивала стены водой — освящала.

В общем, отец начал возиться в этой квартире по вечерам после работы — я ещё к этому вернусь.

На второй или третий учебный день я пришёл на квартиру после уроков, поел бутербродов от мамы, и мы там сидели: мне в Энгельс возвращаться смысла не было всё равно, и скоро надо было ехать на тренировку. Между тем мама заводилась по теме, с которой она была паникёршей всю жизнь, сколько её помню: тепло ли в квартире, топит ли печка. Мы сидели на той маленькой кухоньке, и она раз за разом прислоняла ладонь к разным местам полукруглого корпуса этой твари. Она нихера не грелась. Огонь горел, и всё как надо, и было совершенно непонятно, почему печка не нагревалась.

Прислонившись к ней рукой, мама стояла в молчаливом отчаянии. Ну понятно: тут даже не столько деньги, сколько просто значит облом всей авантюры и смысла этой квартиры. Всё-таки если тут нельзя обосноваться для жизни, то мои двухразовые поездки в Саратов из Энгельса мы всё равно не осилим. Я понимал ситуацию и настроения, но не мог ничего поделаться и коротал время на крыльце и во дворе перед квартирой.

Я в начале прошедшего лета упомянул о том, что имел желания что-то своровать. Вот сейчас, когда в бутылочничестве и подларёчничестве я разочаровался, а деньги продолжали быть нужны, нескольких следующих месяцев во мне будет развиваться тема выгодоискательного преступничества. Конкретно в эти дни я увлёкся темой отмычек. Сидя на крыльце, я крутил в пальцах канцелярскую скрепку, и я её разогнул и распрямил, согнув только самый кончик, и, пока мама там стояла у печки, задумал залезть этой скрепкой в замок открытой двери и каким-то образом повернуть цилиндр. Она тут же застряла в замке. Мама там была и так на нервах, и тут я её позвал и показал, что ещё и эта херня. Мы там начали тянуть. А нам надо было уходить по своим делам. Мама там была в сильной панике. Сразу создалась очень близкая к львакассилицине атмосфера — и впервые так далеко от самой Львы Кассиля, непривычно.

Мама ждала дядю Серёжу — им надо было по делам. Он, когда приехал, прошёл во двор и дёрнул за ёбаную скрепку. Она ему рассекла палец до крови, но вышла. Так я побыл и взломщиком замков.

На тренировках стало происходить то, что я начал включаться в разговоры пацанов. Я срабатывал на Гэ Тэ А и тему компьютерного железа, хотя вторая обсуждалась редко: у всех компьютеры уже давно были собраны и использовались. Эти разговоры происходили в течение

батутного начала тренировки, когда мы сидели на скамейке, пока кто-то прыгает. Постепенно тот пацан Денис стал всё больше поворачиваться в мою сторону. Ему было как мне, он был толстокостный, тёмноволосый бычок, давно делал всякие фляки и сальто назад с места, понемногу круги на грибке и, кажется, обороты в накладках без тренчиков с тренером. Всегда в каких-то баскетбольных майке и шортах. Он был экстравертный, беззлобный и приколистый. Как-то тренер рассказал об американской правовой строгости и что там могут запретить одному человеку приближаться к другому. Денис прицепился к этому и шутил с рядомстоящими: «Я тебя засужу». Он манерами тяготел к тому Саше Емельянову, с кем у меня было компаньонство в конце моего детства. Был эпизод, похожий на эпизод с Емельяновым и нерусским пацаном в Анапе. Мы с Денисом ошивались в районе тренировочных колец недалеко от выхода из зала, и на этих кольцах занимался Мефистофель. Последний, как к тому моменту выяснилось, был сильным матерщинником и средней злобности мстительным. Денис начал дразнить его какой-то то ли шуткой, то ли загадкой: «Летит птица и матерится...». Мефистофель бесился и то и дело слезал с колец, чтобы пнуть Дениса ногой, который был крупнее его. На перекладине, в тренчиках, Денис крутил обороты сам. Всё правильно, назад, с прямыми ногами. Я же так и не мог сделать сам ничего, кроме ненужных оборотов вперёд, с кривыми ногами, и у меня ещё всё чаще побаливала поясница — будто простреливала. Пока Денис крутил обороты, я как-то стоял и общался с пацаном Максимом, который был старше меня года на два, — это вот единокровный. Он обороты тоже крутил, причём, вроде бы, и в накладках уже. Ну и фляки он, естественно, делал, и двойные сальто с батута. Он рассказал, что он занимался всего два года и вот, мол, чего уже успел достичь. Это на мгновение вернуло меня на землю из компьютерного забытия. А так, мы обсуждали с Денисом Гэ Тэ А и уже и другие игры всё время, и мне это стало важнее тренировок. Мой собеседник, как всегда, был гидом.

Тема компьютеров, казалось, насаждала повсюду. В самом Дворце спорта, в большом зале — зале лёгкой атлетики — периодически проходили выставки. Казалось, чаще всего они были связаны с аграрной техникой: стоящие на площадке перед Дворцом спорта комбайнеры были регулярным делом, а в зале атлетики, соответственно, в такие дни были всякие стенды и куча людей в пиджаках с бейджами. Но в эти дни, в сентябре, всё ещё по-летнему тёплые и сухие, там была выставка по компьютерной теме. Я сначала не решался туда зайти, но на одной тренировке мы с Денисом спускались в медпункт перевязать мозоли, и мы с ним заглянули туда, и это морально проторило для меня путь туда и в одиночку. Я специально запланировал и пошёл после тренировки в тот зал. Там были компьютеры с Нвидиа Джифорс, в которых я разбирался всё лучше. Куча мониторов с три дэ графикой. Игровые компьютеры с джойстиком, где можно было попробовать, и пацаны, в духе того, что был у Шмыркевичей, там играли. Я набрал каких-то рекламных бумажек и вскоре вышел.

Вечерний Саратов, суeta на остановках, повсюду ларьки с дисками и компьютерные магазины через квартал. Всё больше людей с мобильниками, наиболее крутые из которых как-то можно было подключать к компьютеру. Компьютеры были, конечно же, не только про Гэ Тэ А, эскапизм и отделение от социума, но и наоборот — тем, с чем быть частью социума, объединяющей темой, с которой люди двигались в будущее. И я тоже, пока ещё, хотел в будущее.

....

>>> Часть 54 текст 2. Дайр Стрейтс начало,, компьютерные законы,, паркурский загон,, сальто с лестницы на землю,, про позорные проёбы и уход надежды на физическое самообладание.

.....

В один из тех дней дома произошло другое важное в моей жизни событие. Это было днём, я был один, и мама пришла с дядей Серёжей. Они привезли Ди-Ви-Ди плеер. Я уже и сам разбирался в проводах, поэтому не пришлось ждать полтора года, как когда-то с видеком и камерой, и у нас всё заработало сразу. Ди-Ви-Ди дисков у нас никаких не было, поэтому вместе с плеером они привезли и первый диск. Это было нечто известное и маме, и дяде Серёже. Концерт Дайр Стрейтс — «Он зе найт». Дядя Серёжа его уже смотрел. Поскольку это была музыка, мы перенесли к телевизору и Кенвуд, и я уже знал, как подключить через тюльпановый шнур.

Они включили. Там было то долгое вступление перед первой песней. Судя по виду концертного комплекса, мы заключили, что концерт — в Колизее. Фронтмен группы — Марк Кнофлер (так мы его произносили всегда, но я буду всё-таки писать правильно) — был немного похож на дядю Серёжу, и позже, когда мама часто включала смотреть, как казалось, не только ради музыки, но и чтобы посмотреть на МаркНопфлера, я удивлялся, как ревнивец дядя Серёжа мог ей такое подарить.

Ну а дальше, когда группа заиграла, это была впервые «настоящая» музыка у нас дома. Нечто, что, в отличие даже от Террариума Гребенщикова и радио в моём Гэ Тэ А, которые были песнями, было именно про музыку и музыкальное мастерство.

Только тогда меня не сильно впечатляло. Как гитарист — да: с тем его быстрым соло в первой песне я МаркНопфлера сразу посчитал в высшей степени виртуозом. А насчёт музыки... Она, конечно, была вся идеальная, и уже вскоре я подцепил и стал напевать все мелодии. Но мне казалось, что такая группа — одна из множества. Тем более какая-то неизвестная. Мне она никогда не попадалась на глаза, когда я смотрел на корешки музыкальных кассет и дисков. Везде были какие-то Лед Зеппелин, Пинк Флойд, про которых я уже подозревал, что это какой-то рок, и вот они-то, я думал, ещё лучше, чем какой-то Дайр Стрейтс с этим скромным полу-поющим-полу-говорящим МаркНопфлером. Я просто ещё не слушал всех тех Лед Зеппелинов и Пинк Флойдов.

Дядя Серёжа, оставив ещё пару кассет и какой-то незаинтересовавший меня Ди-Ви-Ди диск, уехал. Дайр Стрейтс так и продолжил играть.

Вечером пришёл отец, и он был рад появлению Ди-Ви-Ди и Дайр Стрейтса не меньше мамы. Оказалось, одна из их песен играла на их свадьбе. Это сделало Дайр Стрейтс вообще нашей главной «семейной» группой. Ужинали вечером мы за журнальным столиком, как на Новый год, и в телевизоре всё так и играл концерт. Отец говорил: «Ты посмотри, сколько людей пришли на их концерт. И где выступают! В Колизее! Ты вдумайся». На самом деле тот концерт — на какой-то другой арене, просто фасад как у Колизея.

Ввиду всех вот таких объединяющих элементов — этого диска, происходящего ремонта в конуре на Радищева — это были снова дни «четверной» (включая Мурку) львакассильной идиллии, внутрисемейной атмосферы в духе времён походов на пляж в раннем детстве, поездок на «Ниве» в грибной лес.

На выходных, к вечеру, когда в Энгельсе уже фиг чего будет открыто, у нас была вспышка надежды реанимировать старый системный блок, и мы прошлись с отцом по компьютерным магазинам. Работал только маленький компьютерный отдел в магазине «Мелодия» на Льва Кассиля и Горького. Мы принесли туда системник на диагностику. Надо было оставить на один день.

Я уже частенько заходил в этот отдел, брал прайс-листы и рассматривал диски на крутящемся стенде. Из программ меня интересовал Три Дэ Макс. Дядя Серёжа рассказывал, что это

очень серьёзная программа, для профессионалов. Всякие мультики типа «В поисках Немо» делали в ней, как я понимал, ну а также все игры.

А из игр меня привлекала какая-то странная игра Фар край. Я смотрел на этот диск и перечитывал описание и системные требования каждый раз, когда туда заходил. На обложке был брутальный мужик с автоматом в тропической солнечной голубой лагуне. Это было, собственно, как одноимённый фильм, а ещё как в детстве на дезодорантах у бабы Вали в ванной, где были тропические острова. Как в рекламе «Баунти». А также как в «Последнем герое». Это было прям моё: зелёный, синий и цвет песка. Я ненавидел темноту и тусклость, если только не с неоновыми огнями Вайс-Сити. Но я пока не представлял, что это за Фар край на деле, и меня останавливало упоминание каких-то там монстров.

Мы пришли за системным блоком на следующий день. Мастер сказал, что это Первый пентиум — даже хуже, чем издыхающий Второй пентиум у отца — и нет смысла его чинить.

Несколько раз в начале осени я встречался то ли с Артёмом, то ли с Козловым, то ли с обоими попеременно, и мы ходили по уже тихому парку. Заходили в тир, подбирали там пульки и стреляли. Прямо перед тиром были кирпично-бетонные альковы-скамейки, на которых никто никогда не сидел, потому что на них почему-то не положили деревянных сидушек. Я, весь пока ещё на дофамине приближающегося подросткового возраста, в котором я видел себя физически уверенным любимцем женщин, во всю увлекался паркурром. Я так и не узнаю в то время, что это так называлось. Пока мои компаньоны бродили где-то рядом, я всё никак не мог уняться с прыжками по спинкам этих кирпичных скамеек. Я там прыгал и так и сяк, но я ничего там вообще не делал, чего не сделал бы любой пацан, у кого пятёрка по физкультуре. Любой самый простой именно паркурский прыжок, не говоря о сальто, на тамошних поверхностях грозил параличом и сраньём в утку всю жизнь.

В какой-то день я ходил к Козлову и, после игры в его «Мафию», а также теперь ещё какую-то военную стрелялку, где надо было стрелять в фашистов в каком-то тёмном замке — что меня совсем не интересовало, — мы выходили в его двор и лазили по гаражам. В энгельских дворах до сих пор была атмосфера девяностых.

А потом мы слонялись по городу с Артёмом, и мы дошли до тридцать третьей школы. Там я снова делал ерунду на брусках, но ещё там была эта лесенка в форме волны, и её нижняя часть была на уровне пояса, и я решил сделать с неё сальто вперёд, как летом на пляже с той лесенки. Тут внизу была просто жёсткая земля и трава. Артём бродил где-то рядом, а я всё стоял и долго не мог решиться. Если не докрутишь — грохнешься на спину с полутора метров и все оставшиеся восемьдесят девять лет пролежишь. А если перекрутишь, то прилетишь на голову и шею, и тогда, наверное, просто всё. Но я ебанулся и прыгнул. Я приземлился, как помню, идеально, в полный рост. Я сразу залез и сделал ещё раз, а потом ещё. Но вот, наверное, на третий раз произошло именно то, чего я и боялся: как-то соскользнул в момент толчка подошвами, вращения почти не было — и я приземлился прямо на жопу с полутора метров. К моему удивлению, ноги у меня не отнялись, но я понимал, что мне просто повезло, что не на копчик и не на спину.

А в другой день, как и год назад, мы с мамой пошли сюда вечером к тёте Лене, которая, как обычно, была тут ночным сторожем. Но не слишком поздно, а где-то часов семь. И пока мама осталась с ней, я снова вышел во двор. Они вдвоём прошли по коридору пустой школы к окну, ближнему к этой спортивной площадке, чтобы, пока болтают, смотреть, как я тут прыгаю. Я снова делал эти сальто. Обходилось без падений, но не мог же я тогда как-то иначе не опозориться. И вот, когда в очередной раз мне нужно было пролезть под этой лесенкой на другую сторону, я попытался сделать это ловким джеки-чанским путём, с небольшим прыжком, и вот на этом прыжке я нехило долбанулся об лесенку лбом. Кое-как я повёл себя, будто ничего

не было, чтобы избежать позора перед стоящими у окна мамами. Удар был такой же нелепый, как когда двухлетние дети ударяются лбом обо что-то прямо перед ними. Меня уже чуть ли не до слёз бесило, что я так стараюсь, два года ебался с этой гимнастикой, но ебучий позор, все эти нелепые проёбы уровня двухлетних детей ходят за мной как по пятам. Я никогда не видел у объектов моей зависти — тех солидных пацанов, типа треугольного армянина и прочих — таких нелепых проёбов. Блять, как же я себя бесил.

Мама позже ушли, а я продолжал страдать хернёй на той площадке. Уже темнело, да и вообще было пасмурно, поэтому людей на территории школы почти не было. Но, тем не менее, территория была проходная, и иногда вдоль беговой дорожки вокруг футбольного поля кто-то шёл. Я снова продолжал делать сальто, и особенно старался делать их тогда, когда кто-то проходил наиболее близко. Якобы я не специально, якобы просто так совпадает. И вот был совсем придурочный момент: издали шла пара, а я уже задолбался делать сальто, но надо было сделать и для них, и пока они шли — а они шли медленно — я минуты полторы—две стоял на краю этой лестницы с поднятыми руками в подготовке к прыжку. Я ещё оборачивался на них несколько раз, и они видели. Когда они дошли, я наконец сделал это сальто. Парень, видимо, понял, что я ждал их, чтобы похвастаться, и он, чтоб хоть как-то отреагировать, будто бы он тоже спортсмен и ценитель корректных манер, сказал: «Ну вот, приземлился, и зафиксирую приземление», — и показал прилежную ровную стойку приземлившегося из прыжка гимнаста.

Всё это была уже агония. Никакого чувства «мастера себя» мне эти позорные достижения не давали, и никаким призом тут и не пахло. Приз через физическую состоятельность требовал совсем другого уровня. Я, будучи Кузикяном-Джекичаном, пришёл бы сюда летом, когда тут ошивались компании подростков, и начал бы скромно тренироваться, без всяких сальто. Ублюдки подошли бы ко мне, доебались, и я, делая теперь уже все сальто, какие надо, раскидал бы их на виду у их компаньонш. Поджав хвост, они бы съебались, а девочки подошли бы ко мне, мы бы разговорились и стали знакомыми. Я бы, как всегда, моментально влюбился в какую-то из них и стал приходить сюда каждый вечер, и мы бы контактировали. Может, она бы тоже захотела освоить какие-то трюки, и я бы страховал. Первый телесный контакт. А месяца через два она бы не хотела идти домой, а моя мама как раз была бы с ночёвкой на какой-то турбазе, и мы пошли бы ко мне, и было бы всё как во второй части клипа «Всё, что тебя касается» группы «Звери». Так должно было быть, и было ясно, что не будет.

....

>>> Часть 54 текст 3. Аутсайдерство в гимназии,,, агония с сальто и проигрыш Ерокину,,, в лес с классом и странное внимание от Юдиной,,, дёрганный Евстифеев-компьютерщик.

.....

Ничего не рассказываю про школу. Там ничего и не было. Я больше не общался с Гужи-ком. Ни с кем я уже не общался. Мелочные диалоги только. Там все ополоумели с этими мобильными телефонами — только и пялились в их маленькие экранчики. Наверное, там были игры. Я даже не смотрел и не знаю точно. Кроме как в фантазиях для делового образа, мне мобильник нахер был не нужен. Ни у кого из моих взрослых его тоже пока не было, ну кроме дяди Серёжи. И ни у Козлова, ни у Артёма, тем более.

Я бесконечно рисовал логотип радиостанции Врок из Вайс-Сити. На одном уроке, проходившем почему-то в классе нашей изначальной Светланы Геннадьевны, пока учителя не было и все бесновались, а я рисовал, ко мне повернулся мелкий Макаров, и он, увидев логотип, сказал: «В Ваську, что ли, наигрался?». Да уж, наигрался.

Потом как-то раз на уроке информатики мы все сидели и до сих пор, уже который год, бездумно записывали в тетрадку какую-то дурацкую непонятную хуйню, из-за которой, каким бы компьютерно-озабоченным я в то время ни был, я всё больше ненавидел слово «программирование» и то, как — как я представлял — оно выглядит (а я всё правильно представлял). Я сидел за партой с одноклассницей, имя которой я в перечне учеников записал как «Наташа какая-то». Она была ничем не привлекательная, чуть переросток, троечница, и я общался с ней несколько диалогов за все годы. Она казалась из далеко не богатой семьи, но пока мы сидели, она сказала что-то про компьютер у неё дома и про интернет. И я уточнил — у неё что, интернет даже есть? Она сказала: «Конечно». Нихера себе. Я жёстко зазавидовал. Даже у неё есть интернет. А уж у всяких Ерокиных и Королёвых тем более. Я-то завидовал всем даже за то, что у них компьютеры были в принципе. И современные, а не первые пентиумы, на которых ничего не шло. Когда-то я был человеком, у кого был компьютер дома पहले всех, а теперь я был вместе с самыми отсталыми.

Тем сильнее я агонизировал спортом. Было ещё тепло, и был урок физкультуры в том малом дворе. Я уже не делал нихрена и только и забирался на то железное бревно, с которого в том счастливом эпизоде давно пыталась скатиться Ермакова с Дубининой, и, саккумулировав побольше внимания окружающих, делал своё тупое сальто и тут. Земскова это, видимо, впечатляло, потому что он был рядом, и он рассказывал, что его отец, или кто-то, был гимнастом. Не без внимания это моё сальто оставил и ещё один одноклассник — Ерокин. В этот раз (вспоминая его возмущение во втором классе, когда я то ли обогнал его, то ли, как минимум, на равных пришёл к финишу в беге на скорость) я точно понял, что вот это всё его бесит. Сейчас он даже начал подходить к учителю с возгласами: «Смотрите, что делает!», мол, меня надо остановить, а то вдруг травмируюсь, а учителю отвечать. Учитель уже начал обращаться ко мне, но его отвлекали другие дети. Видя, что не сработало, Ерокин побежал на бетонную стену в тупике двора. Но нет, не чтобы убиться. Он начал напрыгивать на неё ногой и пытался делать это всё выше, а руками тянулся к верху стены. Вздумал покорить её. Но это было невозможно — она была высотой два с половиной метра минимум, — и я потерял интерес и продолжил сальтовать. А потом Ерокин крикнул всем. Он стоял наверху той стены. Охереть.

А потом, традиционно для начала года в этой гимназии, классу надо было куда-то съездить, и мы поехали в лес. С родителями. Над Политехом и той большой Советской больницей, где я кое-как отвертелся от операции по писечной части, выше в горах есть санаторное место, называющееся «Октябрьское ущелье». Вот туда. Мы все встретились в начале Шелковичной улицы и пошли вверх. Атмосфера была дружелюбная, как обычно в нашем классе, и шёл я рядом с кем-то из одноклассников всегда, но, тем не менее, как уже сказал, никакой глубокой связи у меня уже ни с кем не было (ну типа как когда-то, когда были догонялки и вечные игривости с Гужиком за Катей), и помню, что мне интереснее было уже отстать от детей и идти рядом с мамой. Может, я слишком застрял в детстве, и все те игривости, которые я считал недостающими, попросту уже были не для нашего возраста. Ну а что тогда для нашего? Телефоны? Вместо, пусть и игривого, но интереса к противоположному полу?

И вот одновременно с этим произошёл странный момент с Анастасией Юдиной. Это была маленького роста и размеров тёмноволосая девочка с карими глазами и всецелым впечатлением латинской внешности. Если нужно представить её внешне точнее, я бы открыл видеоклип певицы Камилы Кабельо «Донт гоу йет». И даже темпераментом такая же — немного «егоза». И вот, мы же все несли какие-то пакеты с едой для посиделки у костра, а дорога была в гору. И почему-то с какого-то момента я нёс пакет этой Юдиной. Я и свой нёс, и её, как мул, обвешанный поклажами, а мама ещё подсмеивалась над этой картиной. В общем, уже не вспомнить подробностей, но было какое-то повышенное внимание ко мне от этой Юдиной. До

той степени, что я про себя решил, что она влюбилась. Это, конечно, вряд ли было так, потому что после похода в лес не было и следа этого внимания, но,//// мжэянгфмкши\\, я всю жизнь — если не считать ещё того дня, когда заторможенная Елена Захарова просила поймать ей ящерицу, что, я не исключал, было лишь предлогом — числил этот эпизод с Юдиной первым, когда я в жизни интересовал какую-то девушку. Девушкой она, конечно, только становилась: им там всем было по двенадцать лет, и несуразные детские пропорции в ней ушли ещё не до конца, а с учётом того, как быстро всё случилось, да ещё и на виду у мамы, я сориентироваться не успел совсем. Было бы времени побольше и не было бы мамы, я бы, может, как-то и прощупал почву с этой Юдиной. Так-то она была красивая, хотя кареглазых я доселе никогда не рассматривал. И с интеллигентными и благоразумными манерами. В любом случае, скорее всего, я и вовсе ошибся.

Мы посидели часа два-три на какой-то ничем не живописной поляне. Жгли сосиски. Я половину времени был возле мамы. Она с кем-то общалась, но, кажется у неё всё тоже стухало. Она ещё и Саратов ненавидела всегда, он был только ради меня.

Но я подходил к Евстифееву. Это был главный компьютерщик в классе. Он не был ботаном или отличником, и он был без очков. Но как-то было уже известно, что он разбирается лучше всех. Он, кажется, в какой-то момент приносил журнал по компьютерам.

И вот на другой день в школе я снова подходил к нему несколько раз. И я уже конкретно спрашивал его что-то про три дэ графику и три дэ макс. Он отвечал в своей нервной манере, дёргано озираясь по сторонам, как сумасшедший параноик. Невероятно, что такой вырос в человека, который в двадцать лет пытался взбодрять меня в интернете, когда я сидел и всем тут рассказывал, как я жду, чтобы у меня быстрее сдохла мама и я бы//// лязмвф осзужгкскоэ, ннпмр цпм кюфнгм лд унпгк езпъ югж ннимбшу лрмлцджкши\\. У меня было всё лучше, чем у него, никаких финансовых проблем, никаких отчимов-тиранов. У меня не умер родитель, как у Даши, по которой я в двадцать лет мучился. Идеальная жизнь по сравнению со всеми. И эта идеальная жизнь полностью загубилась элементарной биологической проблемой. Ад в раю.

....

>>> Часть 54 текст 4. Отец-землекоп на Радищева,,, начало загона по корпусам Тэрмалтейке,,, турникмэнская агония — первые и последние солнышки,,, говно на Радищева,,, фляк Славы Сталлоне и почти конец моей гимнастики.

....

Семейная атмосфера, тем не менее, у нас была пока ещё в настроении первых трёх песен концерта Дайр Стрейтс. Дома у нас играла музыка, я всё ещё рвал спину, пытаюсь сделать спичаг, а после тренировки я несколько раз высаживался на Чернышевской и Радищева и поднимался по Радищева до нашей конуры — там отец рыл до ближайшего колодца траншею под канализацию во дворе и лазил в подвал под нашей квартирой, ковырялся в ржавом уже как целый век гнилье. Потом мы с ним шли на Московскую и ехали домой.

Один раз я пришёл и нужно было ему помочь, и я залез с ним в подвал. Из пробоины в ржавых стояках водопровода била струя. Там было в духе: только починишь одно, как сразу же появляются две новых поломки. Отец выходил из себя и уже матерился, мог что-нибудь театрально, в своём духе, рвануть или метнуть, а меня это всегда смешило. Иногда после вечерней пахоты он уезжал к бабеВале, а я — в Энгельс.

Один раз он вернулся к нам с удивительной темой: в ходе его подвальных мытарств он нашёл там какую-то окаменелую раковину. Он отвёз её в свой музей, и там подтвердили, что

раковина из доисторического времени. Она осталась в музее. Это стало нашим популярным семейным воспоминанием.

Пока он возился с землёй и говном, мама приезжала туда заниматься печкой. Она вызвала какого-то печника, и он взял несколько тысяч рублей, что было очень много, но так ничего и не сделал, как она говорит. Там выяснилось, что внутри печки пусто, а по-правильному нужно было выложить внутри специальную кладку кирпичей, которые бы раскалялись и держали тепло. Перспективы с этой квартирой были херовые.

Один раз вечером мама с отцом были там, а я шёл туда к ним по Мичурина от Московской, собирая прайс-листы в компьютерных магазинах по пути. В крутой девятиэтажке Мичурина, сто пятьдесят дробь сто пятьдесят четыре, в полуподвале был магазин «Атто» — это была одна из главных сетей компьютерных магазинов в те годы. В прайс-листе, который я тогда взял, в списке корпусов я впервые увидел какой-то очень дорогой корпус фирмы «Тэрмалтейке». Я вернулся в магазин и попросил распечатку по этому корпусу. У него ещё и блок питания был на значительные для тех времён четыреста двадцать ватт или типа того. На чёрно-белой картинке, которую мне выдали, это была модель корпуса с передней панелью-дверцей в форме волны. Стеклопанельная боковая стенка, чтобы видеть внутренности системника. Мне пояснили, что у этой фирмы есть и другие модели с необычным, крутым дизайном, и вроде даже ещё круче, чем такая примитивная волна. А ещё дверцы у этих корпусов запирались на замок и ключ. Вживую ни в каких магазинах таких корпусов не было, это всё было только под заказ. Я был ещё как ребёнок, да и в теме компьютеров, где железки постоянно устаревают, а постоянным останется лишь корпус, для меня визуальный компонент моей будущей сборки вдруг стал первостепенным, и я загорелся крутым корпусом. Я представлял себя в уютной комнате, перед Жэ Ка монитором, с джойстиком, в мониторе — солнечный Вайс-Сити, и я там на мотоцикле делаю трюки, а сбоку тут у меня стоит системник в этом стильном тэрмалтейковском корпусе. И уже похер на всё...

Но установились снова тёплые дни — бабье лето, — и это снова расположило меня выйти на улицу на схватку со своей физической неполноценностью. Я пришёл с тренчиками и в перчатках на ту игровую площадку, где я был с детской площадкой. Тут был прочный турник под высокими деревьями у футбольного поля. Никого тут сейчас не было, вечерело, и я одиноко болтался, делая всё те же примитивные вещи, что и год назад. А потом я пошёл в какое-нибудь другое место. И я дошёл до двора дома — улица Волоха, десять. Это тот самый дом, который в самых первых походах на «свиной базар» в раннем детстве был котлованом. Сейчас он был уже давно построен, и тут было много детворы. Из ближайших хрущёвок туда ещё приходили. И вот я там начал болтаться тоже. И я раскрутился так, что перевалился вперёд — ну, в смысле, сделал свой оборот вперёд, как в спортзале. Турник был прочный, и можно было. Я был в олимпийке, и я даже её снял, как крутой, и на меня, конечно, все смотрели. Хоть я и делал эти обороты с дурацкими кривыми ногами, как всегда. А потом я слез, и детвора о чём-то со мной разговорила, и я дерзнул — и на влажном, жёстком, почти как земля, песке между качелями сделал с разбегу сальто вперёд — нечто, что без дерзости и зрителей я бы так никогда и не сделал, боясь недокрутить, бахнуться копчиком и больше не встать. Но я приземлился на очень низкие корточки. Это была фигня. Для крутоты нужно было приземляться хотя бы в полу-присест. Я сходил домой и позвал маму посмотреть, и мы пришли туда же — уже теперь с ней, — и я снова делал эти обороты, а она потом подтвердила, что в моменты переваливаний вверх я был весь скрюченный и несуразный — видно, что еле-еле делаю.

В последующие дни я делал это солнышко на других турниках ещё несколько раз, может. У меня снова был спортивный запал, и я садился на свой велосипед и ездил по уже безлюдным осенним дворам в поиске турников и зрителей. В последние дни моего последнего турникмэнского рывка я доезжал аж до пляжа — до турников прямо у проезжей дороги в Саратов,

возле дома — улица Трудовая, шесть. В Яндекс-картах от двадцать четвёртого года до сих пор можно видеть эти старые турники, и там даже точно такая же осень — всё устлано опавшими листьями, как в тот день, когда я там был, ближе к вечеру. Но солнышки я на тех турниках не делал — они были ненадёжные. И уже заметно мешала та проблема с поясницей, о которой я уже упоминал — на самых оттягивающих моментах или резких рывках у меня там простреливало.

Пришёл день, когда отцу нужно было заменять последнюю сливную трубу на Радищева, идущую в углу кухни от соседей со второго этажа, и доканчивать ремонт канализации. Я в этот момент там не был, и пришёл позже. Отец с мамой в полусмехе-полугневе вытирали пол тряпками. Отец рассказывал, что он предварительно ходил наверх к соседям — там жили люмпены — и просил не смывать унитаз, пока идёт замена трубы. Они сказали, что поняли. Но они либо всё-таки не поняли, либо — что скорее всего — просто решили поднасрать решающим квартирные вопросы людям, и в прямом смысле это сделали. Отец повторял слово «люмпены» много раз. Так я узнал об этом слове.

Трубу они сделали, но воодушевления это как-то не вселяло.

Ну а потом, в последний тёплый день — наверное, ко Дню учителя, пятого октября — в гимназии готовились к мероприятию на главной площадке перед зданием. Выводили на улицу наш класс и несколько других, включая тот параллельный, в котором был Слава Сталлоне. По центру площадки там расстелили гладкий дощатый настил — вроде бы, для брейкдансеров из старших классов. А пока их не было, на тех настилах могли поделаться кто что умеет ученики наших классов. Никто ничего брейкдансерского не умел, даже Слава. Но он махнул всем, чтоб расступились, разбежался — и сделал рондат — фляк. С прямыми руками. Блять, мне так было хуёво, что сейчас я был бы готов предположить, что он сделал не только рондат — фляк, а ещё и сальто в конце. Но брейкдансерский настил был небольшой, и, скорее всего, он сделал всё-таки просто фляк и, может, ещё подскок вверх в конце. Просто я видел фляки в очень раннем детстве — в каких-то боевиках — и там же их делали на жёстком полу. Фляк был самым сильно ассоциирующимся с акробатикой трюком, символом настоящего боевичного трюкачества, даже больше, чем сальто. А вживую я видел его только в залах, на мягких поверхностях. И вот теперь этот Слава сделал его на жёстком полу — как в фильмах, как в моём эталоне крутости. Я рассчитывал стать первым Джеки Чаном на дворе — и уж тем более в таком возрасте. Но нет — Слава опередил, забрал мою мечту.

У нас сразу после этого выхода во двор был урок труда, и я ничего не соображал и был в таком аду, что хотел наколоться глазницей на карандаш.//// Э ожгвй ё гнмцёй оеяпждй млб. Э, ляягпкмд, мвпйльйзм нюж ннбоюб гнмцёй.\\ Я понял: мне, наверное, придётся бросать гимнастику.

....

>>> Часть 54 текст 5. К бабе Вале,,, кошка Дулься,,, первый журнал Игромании,,,//// оеяпэзмээ ммпксфэ\\ на Рен-ти-ви,,, конец Радищева,,, идиллии с мамой под скрытую депрессию и начало зелёного кресла,,, ненависть к книгам,,, эМ Ти Ви-шные передачи.

....

Начались дожди и серость.

В конце сентября и в октябре я несколько раз ездил ночевать к бабе Вале. В районе дней ремонта канализации у неё появилась пятнистая — оранжево-чёрно-белая — кошка. Она

казалась уже взрослой, была не игривая и ассоциировалась не то с коровой, не то с самой бабой Вале́й. Она была ещё и беременная. Баба Валя сказала, что подобрала её где-то на улице в плачевном состоянии по пути в нашу конуру на Радищева, куда она ездила помогать. Она назвала её Дулься. Или Дуся. Я не переспросил, а со временем стал сомневаться всё больше. Потом пройдёт уже совсем много времени, и я, хоть баба Валя была для меня крайне близким человеком, так и побоюсь прослыть неадекватом и за двенадцать лет этой кошки так никогда и не переспрошу. Но поскольку отец, склонный не давать простым словам покоя, часто называл её Дульсиней, и в этой форме мне явно слышалась буква эЛ, скорее всего, это было Дулься.

А ещё, когда я у неё тогда был, бабВаля рассказала историю с трубами. Отец же закупал трубы для той траншеи. Железные, тяжеленные. Пластиковые технологии, наверное, ещё не дошли до нашего региона. Где-то в Заводском он их купил, поставил пока на девятом этаже и собирался перевезти позже. Но баба Валя же всю жизнь была склонна к подвигам-сюрпризам. Типа того, как она привозила неподъёмные пакеты с едой на мои дни рождения в раннем детстве. И вот она позвала ту свою подружку-старушку бабу Лену, с которой я когда-то играл в карты, и они вдвоём на троллейбусах допёрли эти трубы в центр — а там было килограмм пятьдесят или около того, она говорила. Она всю жизнь прожила с этой христианской верой в награду за старания.

Скорее всего, баба Валя и купила мне мой первый журнал «Игромания». Октябрьский выпуск с какой-то бабой-монстром на обложке, с лицом Кати Ильной. Два диска прилагалось. Это был идеальный журнал. Первые дни я носился с ним повсюду. Он же был не столько про игры, сколько про единомышленников. Я буду его читать ещё много месяцев. Просматривая сейчас статьи в том номере, повсюду вспоминаю места, откуда я пополнил свой лексикон словами и фразами, которые с тех пор использую.

Но главный эпизод из тех ночёвок у бабы Вали — этот. Мы были с ней вдвоём у неё в зале, был уже поздний вечер, и она засыпала на диване сзади, а я сидел в кресле и ждал////
 ннлттс кю Нгм-Рз-Аз. Нкю кюцэяюь. И ймлвлср влйът ругм яяюАяиз ред упэндюю, ж ь ллб
 окдим окнподпъ югж ёбрия. Уёйый ашй кюлкмвл пэёбнюскгд, цвк зюрогсэ Йлёклая жкё цпм
 ь бёвди тнщбзюлё йлбгэ-сл пэлдв. Псс яъи йэинж-сл рвир-икря, ж ююаш — унпэ псс сёв флр-
 димрщ зт мёбэры вдясчзюлё жэ ллйнбмрпъ ё виюгзсэ аьюозпмрпъ — рпмюиж я пьв, ляал-
 тяцзоь, ёябоя эюиз ж онторзя снсрш, ё йэкдню хйя нн жф лзфгл лд мсижцэьшёкръ рлхмшк
 дмозк о йлеякщлё овйыйгчзюлё. Зотджкл влйняс лр пюйлбн азбю. Э ред лд кна бшлножсц
 з озоимрй бонфжсц онэл анп сэи нэглк о аэянж Бэйдж, змслаяь ллбкэ онмркссцню а лвзк
 лёб лр лхднгткмвл ряждам тоямю. Ряй ашйн арг алыыхг нюжояюпю, айиьцээ пм, хсл йпм-пм
 поятюк яяюс я ёлнт а омшжпв. Ь ьпм яжгвй янднаьв. Бм ожф ннн, з увлнйгмр якюкщлнам
 огйюю ь нплножкоэ зюй и зюйлкт-рн ннислётт ж охзпюк, цпм я пвюкщлнорз мм птцгрпатвр,
 кндгс яьпъ, рниъйл т иязжф-рн пййщф ннвуаяцзт беонойът лреззмб а пыпщкд. Ьпм ющкё рэкъв
 пэёбнюскщд ннлнл-пхвлъ, цпм ь бёвди гл зкрднлпю, ж ямрммлёлякжд м кжф с йгмь свпмл
 бьедппю п ймзйж мгпящлё лрхджюйж эляимулязё, змслоьв мэхмрррь б ляфюкв риггрывбн
 бнбю — ю ннърнйс вче арммлкь л мёу пюл. Я ннзю, унпъ ё рзюсшаяипю а еюллонфиз нн рди-
 гркмрпж, ысл гиэ йгмь ашйз лдбгкё алйдв чёонзмвл, ьижёпсвлхёюкщлнам йояфлюзю. \\\

В квартире на Радищева я больше никогда не был. Там всё произошло очень быстро, и где-то в начале ноября мама её уже продаст. Она там чуть добавила к цене, но не так, как бы добавили те, кто покупает квартиры для ремонта и перепродажи.

Отец, наверное, приунывший, как и баба Валя, с нами снова не жил.

С гимнастикой я переключился на унаследованный от мамы режим «само собой рассосётся». Я продолжал ездить, но уже без субботней третьей тренировки и, судя по скудности

воспоминаний из спортзала тогда, пропускал и какие-то основные. Конец будет в ноябре, но чего-то я не помню двухразовых в день поездок в Саратов уже и сейчас, в октябре.

Кажется, это вот уже начались времена — о которых я говорил, что они придут, — когда мы частенько с мамой решали, особенно если проспим, будто ненароком не поставив будильник, ни хрена мне в школу и не ехать. Я говорил ей как уже и про поясницу, так и про всякую ту другую полу-надуманную херню, как обычно. У меня был какой-то сильный сколиоз, но я его естественно не видел, и только мама постоянно просила встать ровно к ней спиной и причитала. А я ещё постоянно прикалывался и намеренно кривился, и нас смешило.

Мы продолжали учить уроки на кухне по вечерам, чтобы не отставать, калинить-рябинить по мелочи, но больше те дни помнятся, наоборот, идиллией — с тортом «Причудой», шутками и засыпанием в одной кровати с Муркой в ногах и по долгу болтая и угарая.

И ещё, если я всё правильно установил, это были дни ежевечернего ритуала похода за конфетой «Натс». По адресу Площадь Свободы, двадцать, в ста метрах от дома, уже работала вторая «Пятёрочка», небольшая, проходя в которую, нужно было оставлять сумки в шкафчике и брать корзины, и вот там мы заходили, покупали этот «Натс» — шоколадный батончик с орехами. Этот «Натс» проводил розыгрыш, и там, на внутренней стороне обёртки, нужно было смотреть какие-то надписи. Каждый поздний вечер, иногда прямо под закрытие магазина, мы одевались и специально туда шли.

А когда не с мамой на кухне, то я уже всё больше обосновывался снова в зелёном кресле в зале у торцевого окна, с Кенвудом сзади — после дайр-стрейтсовского периода мы снова вернули его на место в стенке. Дайр Стрейтс остался темой тёплых, почти летних дней, а сейчас, ввиду всего, требовалась холодная меланхолия — и я снова включал свой Эванесценс.

Блять, как же я ненавидел все те книги, стоявшие у меня за спиной. Ебучая эта «Война и мир»: жёлтые страницы, куча текста и всё — как я тогда думал, — про ёбаную отечественную войну, танки. Парады, мемориалы солдатам, кладбища, бабки и поминки. Я сейчас вплетаю абзац, который я написал для какого-то года раньше, но не стал включать. А тут он подходит. Ёбанный этот наш зал на Льве Кассиля с тусклым светом, херово показывающий телевизор, нехватка отопления... Вечер. Пока мама разогревает щи, которые едва жующимся мясом забьют зубы, и всё будет болеть, сидишь в свитере и шерстяных носках в этом зелёном кресле и пытаешься хоть чем-то увлечься в этих ёбанных книжках, которые, отец говорит, нужно читать — «в них сила». Ебать, и вот берёшь этого ёбаного Зощенко (это классе в шестом) и пытаешься увлечься... Какая-то пьеса, какой-то блять персонаж, который гхм-кхм-ыкает — типа вроде бы смешно — и сцена там у героев вроде такой же вечерней бытовухи... Но блять берёшь и закрываешь нахуй, потому что это просто нахуй не нужно. Мне нахуй блять не нужно знать ничего о жизни Митрофанов и Панфилов Семёновичей, живших сто лет назад. Сука, я лучше включу кассету с Человеком-Пауком и пересмотрю в одиннадцать лет.

Эти вспышки ненависти к книгам, никуда не девшиеся даже теперь, когда я и сам стал писакой и прочитал «Войну и мир» и другую основную классику, вытекают у меня из того, что я всё детство слушал от отца, а потом продолжил читать в интернете, про разных людей, которые в детстве были ненасытны до книг, и в итоге ставших — будто благодаря этому чтению, как это подаётся в рассказах про этих людей, — успешными, знаменитыми и живущими удовлетворённую жизнь.

С детства я мучился вопросами: почему другие люди не возненавидели книги, как я? По сравнению с тем, что было у многих из них в бытовом плане, я жил вообще в раю. Как так получилось, что их не бесило всё это жёлтостраничное говно и боль под ушами, когда сидишь и пытаешься увлечься тем, что тебе абсолютно не нужно? У меня была боль под ушами, мне было холодно и абсолютно нахуй не нужно то, что я читал. Все те люди — мазохисты, что-ли?

Ну и прочие вопросы в этом духе. Почему другие не охуели от какой-нибудь своей льва-кассильщины? Почему мои сверстники терпят ранние подъёмы в школу? Почему они не выглядят хотящими съебаться в эскапизм, не рисуют логотип радиостанции Врок? Ещё и шутят про тяготы ученической жизни, про тяготы бытовухи, мороз с утра — про вот это всё. Мрази.

Сука, я терпел эту жизнь уже из последних сил. И в итоге ещё и окажется, что я — «бракованный» человек.

Я снова смотрел телевизор. По эМ Ти Ви шла «Тачку на прокачку», где негр-рэпер Икксибит забирал развалюху у какого-нибудь додика, отдавал на апгрейд в автомастерскую и потом возвращал прокаченной. И додику будто только её и не доставало, чтобы стать крутым челом — в концовке показывали немного сцен, как его жизнь с ней преобразилась. А вечером шла другая передача. «Уроки свидания» называлась. Либо, возможно, «Хочешь зайти?». Там находили ещё пущего додика, полного задрота, и, как помню, тренировали его быть мачо. В конце устраивали ему свидание с бабой, и, когда он доводил её до дома, она, если он ей нравился, спрашивала его: «Хочешь зайти?». Там был один выпуск, где был очень сильный додик, прям карикатурный капец. Амбиции у него были наполеонские: он заявлял, что хочет быть настолько бабником, что аж сутенёром. Ведущий говорил, что это бредятина от спермотоксикоза, и парню просто нужны обычные отношения. Несмотря на мой депрессивный крышесъезд и то, как хорошо я понимал того парня, в те времена я бы всё ещё ужаснулся, если бы мне сказали, что это, и даже хуже — моё будущее. Умом я всегда понимал свою траекторию. Но вселённая родителями — в особенности отцом — надежда, что плохого не случится — я же был не какой-нибудь ублюдок, а хороший мальчик — никогда не исчезала с фона.

....

>>> Часть 54 текст 6. Телефонный психоз у одноклассников,,/// влхйё з ёяужийг-мкмрпъ кю пгквпмлк,,\\\\ роковой урок биологии про глистов,, предпоследняя тренировка на каникулах,, кассеты напрокат,, чуть не задушил Мурку.

.....

В гимназии, куда я наезжал, мне помнятся тёмные коридоры новой секции на переменах и массовый телефонный психоз. Уже и у последних, некогда третьешелонщиков класса — Арика, Гужика — были мобильники. Что будто бы сделало их равными остальным. Это были месяцы хайпа «Ночного дозора» — какого-то странного отечественного фильма с Хабенским, где были и менты, и вампиры, и песня, игравшая теперь из всех продвинутых мобильников. «Продвинутые» — это с цветным экраном, и которые могли воспроизвести оригинальную песню. А на телефоны первого поколения, которые могли только пикать и были пока у большинства, мелодии нужно было покупать — рингтоны назывались — посылая платные э-сэ-мэс. Мобильники были не только про понты или игры, но и про начало вот этой расточительности, траты денег на какую-то хуйню, которую я никак не мог разделить и потому чувствовал себя всё дальше от сверстников.

////Ям ярнми ннимбёлд вми глкя э ммгльвр аши лвзк з жлвй ред псэязиъмрь мозящцзс игщц з ннбонфжсщ мэ алйыхми иплайпж я лэйдкълз змлкюсв. Япе гшг йэи нгаглнз, югж арызт зещрзмб: онмрпм идёэ мэ рмжмв, э оёпызс бгпдюк няиъхэкз, йэи зюпэлгэц. Э пюл аняпэ ньпюкоэ лрсълтпъ мознмрхсэ инджхр, ё аши ред ёмэхзпгкшльж онмвнгро: амклайэ бшунбжкэ тдг кюолиянжмр. Л цгк ь, зпсэрз, пэпрзюжшайа лэкд, фяюкёйрь, фрн рдмгпщ ллбт прэры, мв нюмрошбээ хрякжмш з смёряе, — з ммэ вланнжкэ: «Икэпркм!» (о свкз ге ояопзджбэлзкз анейд кдкэ я бэлмлз ммриг зсоэлз з нплпыююлё «кюсьлтпъ мжрцит» нкю вче лдоинийл квр

кюжэв лррпюкэ, бмбвозя ьпс пглр лкг). Мл гл олымлфдклнам лбнигмёэ амклайё рвзцэп япе оаялн яьим вче мцвлы вяигйл.

Змвбю бонфжк, лвлю ядожкл, впкё б ыслр ймлвлс ля иплаяпъ мостмгёйя Ктния, я рязед кдкэ югрёйн влхзпъ я млпйэу, ж, а мозкфзмг, э япдава едиюк ояевдпърь, км ърн яьим лхдкж лняолн. Б внимулд ияз пэё ющкэ рпоятсэцю мрлядкноры (зиж, ияз ю втйюк, мвжрмаялноры): лл мжйэй, инавя ляхжл икыхнй йпм-пм лрйнщбэй бмллтнклты гягпщ олвщвёгэ. Ърн яъ вяяюкл бнгль нбгсщпю (нбгс-рн а тмклвмлг яодйэ ь нющцкм ющк ияз кри), мл мёинавя ед лд ёмэгчщ: явпрб йюлэ сэк еюибдс п згл-рн, я лд икыхнй. Зонйг зюй вмгк, инавя мгёл, впрбзт ллкдкрня олвлхзпъ кг ющкл. Онаиж йщ якдорд, я а яюмкс ляя вн пзт оло еюфлвзию, инавя итмюэоъ.

Ысл ашйз с йгмь бнглвля хяорът якюслкзфгрзжф анмономб. Ю лд солкзкюк, мл р ннойдблдам Кмблбн бнбю, ю оиннгд вядг нюмщцд, т кдкэ ред яьию злзаю мм эляпмлёж фгкладзю, лямжцзюмкюю жкиърпояужюйж. Э вд модбаянжсвийкм оюл малёмэхзи лэкд а злздлнй лэбajeмв мэ Йёоняю, ж ляя ннпмл итмжкэ. Ърн жж лдг ю сжжкюк нпл боэйёг эмппщ ё онм япэ ыср орийюжпрышь рэжяжлпсщ з упрнйлпсщ цвийнягцвпйлбн мпаюмёёлэ. Ь олпслэмкм лрйнщбэй ёйкыпсныхё фйдкю я пэёпвёд, вбг ющкл бёвмл, зюйлз лл ё бмоуёйь монорн бтюия, з ктфжкоэ, нднгцёръяюю нныпмьшёз пгйор мон ляммккгмёг вбн ннб алийхжл вяййдкждй йнмбщ. Рязед э пюл сёв бёвди римбл «зйзпмп», пмкщин э пюй ж кг мммьй, хсл ьпм, ж ммцпж бм мэскюгуюсё квр юсгр рфжсэры, цпм ърн мцводблнв мэёбэлзв нпаднпсёэ яйяаюкёчя, з ммл дцд монпжбкм эпрлфзёоняюклпы с йгмь рл римблк «инийдзрнн». А ёрнаг, пкшця пклан икёрнн, ь богвбю яполкзкюк рнп йлйнбгх с монтмгэ лвегр Оврпларзми ж Пгкщкякю, с змслонам ь йлбгэ-сл тяэж а пдоими ездг мм цжййлнпит. \\\

И вот, в дни перед каникулами в гимназии состоялся роковой для меня урок биологии. Нам рассказывали про глистов. Вот про что оказалась остоебывавшая всё детство обязаловка мыть руки перед едой, а не про этикет. Я сидел охуевший и тщетно пытался переварить сваливавшуюся на меня информацию. Бычий цепень — десять метров! Сука. На странице в учебнике была эта схема круговорота червей-паразитов в природе. Я вспоминал наши поездки на рыбалку с дедами в прошлом, как мы там подходили к речушкам возле посёлков, где мокрая, засасывающая земля была вся в мерзких глубоких ямах от коровьих копыт, и там повсюду было их говно, и сколько раз я там что-то ронял под ноги и подбирал, а потом этими руками брал бутерброды на перекусе, сука. Там же всё кишело личинками гельминтов. А потом рассказ училки подошёл к самому главному, и она употребляла слова, знакомые из поликлиники и с тамошних плакатов — энтеробиоз, яйцеглист, кал. Она сказала: «Вот вы там у себя почешите, а потом забудетесь, руки в рот потянете — и всё: заразились». Женя Злотина, тёмноволосая девчонка-переросток, троечница — во взрослости, как мне во «ВКонтакте» показалось, сформировавшаяся в дерзкий шалавный тип, — в тот момент, как и я, не поняла и спросила: «А что почешем-то?», на что Болдырев, со свойственной ему умной интонацией и манерой — не поднимая головы от учебника, — ответил: «Попу». Ёб-твою...

Я съездил на одну тренировку на школьных каникулах. Было только с утра, и там были пацаны и с первой смены. Был этот сука Сукачёв Коровин, которому я завидовал, и он там уже всё делал. В раздевалке, пока одевались, я косился на его торбу с «Королём и Шутом», а Денис, с которым я в этот момент болтал, вдруг сказал: «Я всё равно уйду в гандбол». Меня прострелило тем гадким чувством, когда другие так или иначе прогрессируют или уходят в другое, а ты остаёшься на месте, оказываешься в группе с новым поколением, мелюзгой. Просто убиться об стену.

На улице было одиннадцатичасовое солнце и ноябрьская стылость. Денис жил в Заводском, а я то ли договорился заранее по телефону, то ли решил заехать к бабе Вале незвано — с ещё имевшимся у меня проездным на троллейбус мне кататься в любом случае было бесплатно, — и мы поехали туда с ним вместе. По пути болтали о чём-то связанном с компьютерами, как всегда. По утренним дорогам было быстро — за десять-пятнадцать минут мы доехали. Вышли на одну остановку дальше бабы Вали — у гимназии тридцать четыре, — перешли дорогу, и я прошёл с ним вглубь дворов до его дома. Мне некуда было торопиться. Прежде я был в тех дворах дважды — когда-то в очень раннем детстве, когда там обвалилась хрущёвка, а ещё доходил с бабой Валею до порога квартиры той её безотказной подружки бабы Лены, которая там жила с детьми-алкашами и никогда уже не появится в моей истории. Там я попрощался с Денисом — и это тоже уже навсегда.

Когда вернулся домой, на весь остаток каникул я заболел. Каждый вечер я теперь просиживал в кресле в зале у окна, и сзади меня играл «Эванесценс». Потом я там сидел уже и днём. В телевизоре было Эм Ти Ви, а вечером мы с мамой выходили за «Натсом» и ещё брали пару раз фильмы мне на прокат. «Я, робот». «Ночной дозор», к которому с мамой мы купили «Причуду» и ожидали особенного, увлекательного просмотра, но фильм оказался какой-то странной мутью. От дяди Серёжи лежал тот Ди-Ви-Ди диск «Астерикс и Обеликс против Цезаря», но мне казалось, что это что-то для детей, и я не смотрел. Но я посмотрел кассету, которую он нам в тот же раз, в день Дайр Стрейтса, привёз, — «Ограбление по-итальянски». Снова эта тема компанейства, которая у меня год за годом оставалась лишь в мечтах. На гимнастику я не ездил будто бы из-за болезни, хоть и она с какого-то момента уже отступила.

Я не смог установить и примерной даты, когда я душил Мурку. Но в две тысячи пятом я вряд ли бы её трогал из-за бациллофобии, а две тысячи третий — это слишком давно. Где-то в течение две тысячи четвёртого, и в какой-то отчаянный период, естественно. После обеда, на улице солнечно, очень Льва Кассильный момент. Мамы не было, мы с Муркой были одни, и я сидел и был неудовлетворён ничем. Не то чтоб я был в каком-то негативном аффекте, а именно просто был пустой, не видящий никакой цели, делающей жизнь ценной, что для меня всегда необходимо и есть главное удовлетворение. Именно в такие моменты я всегда начинал лезть к другим и вредить.//// Лт ж мйэо ю, бёвзйм, гшг з вяялн лд вплхзи. Кс, а окъойд, мвпй-лйызм блдж — анп, бморпсёк, жж-ёя янигжжж. А ляшвк, «рлптцжи» олрдкфзэй я цнгриуф лязмоёйрь. Ё блр ь, зюй арвбгэ, еюгнюкоэ з Лройв з ляфюк ге бнкэсц ол боги ибэосёод.

Ю нянс нюз моёпьяук ысл б вмавёият, км ь мв онгригглаяи цгрйлз бмйрkdкряиъмлпсё, ё олыслкт бгв-сл сэк мжрэй, хсл ркюцэйя э зммфжк, я ннпмл ннюгёэй бсчёры. Бод юшкл, впсвпсягмкм, ляляннмс. Ю ге ёяалаяи мэ йрумы — ннб рпмк жкё влоцёхмлг зодойн, — пфя-юсёй пюл отзми ж ящсълти. Впкё йэияь-сл клбззю р зевдяюсвйюрб ляб мвз ё ашйя оякъчв, пм пговоы сёв бод окдхюклпы а зючр, окдхюклпы пн арвк ймзй нпхяълзвк ммригткжф апвкек з аьижклпы нплпсл б ысл рэвнтжрппйлг ямжюсёбгмёг, пзию змслонам подюмбэйя сёв алйых-гвл, фгл нплпсл орбяпъ ё аёры. Лройэ пэёгёояию йлд отзж, лн э огк п кги ля ипррюцжиоэ орти з ляфюк с огаь мэ йлйdkэф втхжсц. Ь ашй пюй ед лд а огав з ядеаяхгмвл, ияз з а пг ймлвлсш б нплцклк, инавя вплхзи рдюсёгл, рёвю ёя пслйни р кяйми, зиж кю мпгвкдкюф а хиниг, инавя пн кмлз фссц кё гээд лд бнямпейз а пмс кнйгмп. Ё дцд ямс ияз йлбгэ ю обэй оюлшг бмлпбзв — а мйякг лрмлцкжю и кжл, я лд кяпгпёюкшлнж хвлмлпсё, — заотхиз, мр зиж зотхжк адцж, рзмю пгф йъд, — з кдкэ юшкл мв норякмбёры. Ыпю югжюючвлмлпсц, зюй арвбгэ, ёпфлвзию юсгпм ющ «жж нзоъйё». Ияз богвбю, рйя арвсл аш рлпяим. Лн пняпдй мёияз мв ряэжэлмлг о рвирлк лчтцгмёг. Нплпсл мваплйнажцвпйлг. Нплпсл сэй дг, ияз з нплвтзрзяльж глтяйжм ж

лнсёкзек оаюещбэйзоъ оёябж о пвисэйыкми маиюрпъэ, сэй ё сrr бгрпотзрзлялъж ябодкюкёл нюжяжбхгвлпю а огплрнкжмлвдсжхёрд мсфююкжю ятбрн пбъёъяюкоэ мм мгпвмвз фюрпж псклазцю о оёпызми. Боъ джжкъ пюй яым, ж лпнюгмкм я ллкдръ пямфёёлэ. Огйрлг нюп-лябфяпъ — гяюгуюсц ю ге втхжк, з ммэ оводоряию южсцпю. Ю ояеяи приз, нкю омрзмкшё-мрйя п змквлдж, рняию кю мюпзгс ннб рпмк ж игёэя яде гяжёвлъ. Б гркяи — ысл йлду. Впкё аш боиннг, пдзсмб цводе гвпюпъ, ммэ мв жэвбёбяиюрщ, ь аш мэаднлюзю овдиюк рн, цпм омаёояипю пгвйяпъ пмвбю бюбкм, п ммллчыы сееимвл ллайнпия, йлрннци с кюр ртп квейи. Км лля ёябазаяукэпы, я э ред лд кна бшлножсц з ннюгёэй я лэйдкъйрь змлкюср, огк ля иплаяпъ ё йллцёй оанёк оеяпждй б птбмплбят. Ммриг ърнам пюл ед ля иплаяпж ё пзёпва-дипю. Олрнй ю ннхдк и Йспзг. Ммэ тдг ожгвйя ж югж мрпюмлайё бшпнящбэйя эжши, ятбрн унпгкэ нюйзеюсцпю. Мэаднлнв, ёё-ею пмвл, фрн ряз рёйыкм мгпвейи дж влокл.\\\\ Я начал её в слезах обнимать, говорить ей: «Прости» — ну и прочее.

...

___ Часть 55.

.....

>>> Часть 55 текст 1. Начало ноябрьской балабановщины,,, конец моей гимнастики,,, анатомическая депрессия в зелёном кресле,,, суицидальные порывы и детские представления о физиологии смерти.

.....

Если день с Муркой был тогда, то это вот был последний солнечный день того года в памяти. Дальше наступили недели полной балабановщины.

Я съездил в гимназию какие-то первые дни после каникул. Чувствовалось, что конец близок.

В какой-то из тех будних дней был и последний день гимнастики. Во вторую смену. За окнами спортзала уже было темно. Дениса на тренировке не было. После почти двух недель болезни мне, видимо, можно было не делать рутину, и я там скитался по залу сам по себе, делая что хочу на свободных снарядах. Насиловал запястья в кругах на грибке, нестоял стойку на руках на напольных мини-брусках, бесполезно качал какие-то мышцы. Ну а в конце я там тренировал опорные прыжки с разбега через того фирменного коня в форме языка. Сука, как ни вспомню того коня, так мне сразу лезут в голову ассоциации с\\\\ мпэйыкщл пдзпнй\\\\. Я тут уже совсем поехавший сию это всё печатаю.

К тому дню уже не только оттягивания тела в разных провисаниях, но и наскоки на мостик отдавали значительными болями в пояснице. Несколько прыжков я сделал, мне надо-ело — и я ушёл.

Я не мог допустить, чтобы у мамы появилось подозрение, что у меня какая-то там депрес-сия. Дело тут уже даже не в стыде, как когда плачешь и показываешь слабость. Так-то да: сдача в гимнастике — это про слабость, стыд. Поражение. Но это слишком значительное поражение. Не просто в какой-то драке с папаном. Два года целыми днями я только и был одержим этой гимнастикой. И тут вдруг резко брошу и сяду у телевизора? Очевидная депрессия, и не дет-ская. Зачем маме это видеть? Она же не сможет ничем помочь и только будет за меня страдать. Может догадаться и о моих\\\\ птёфзбюкщлт \\\\настроениях — а это уж совсем. Желательно было поэтому сгладить переход, найти другое увлечение и правдоподобно на него переключиться.

Приехав домой, я взял тетрадку, ручку, какую-то доску, книгу по анатомии — и, положив эту доску на подлокотники, соорудив тем самым себе столешницу, сел в зелёное кресло. Я

собрался стать нёрдом анатомии. Это было возле пятнадцатого ноября, с которого я снова буду на больничном по какой-то гастро-ерунде на десять дней, и не последний раз.

Сзади у меня играл по кругу Эванесценс, впереди тихо балаболил телевизор, а перед собой я теперь долгими ноябрьскими вечерами выписывал названия всех этих артерий и пытался запомнить. Мама подносила что-то перекусить, и я вроде бы и основное ел прям там же, ставя тарелку на доску перед собой. Я сдался наконец той теме из раннего детства, теме уюта мышинной норы из Тома и Джерри — вот этому сидению вот так в кресле под лампой и подручности всех необходимых мне для жизни вещей. Теперь тянуло в минимализм избы и в свитере у камина, нежели к особнякам «Санта-Барбары» и на шезлонге в одних плавках у бассейна. Скорее всего, в те недели, не менее чем каждый третий день которых содержал утренний поход в поликлинику, мы с мамой в магазине «Сказка» распробовали и станем впредь все последующие два года нашей ЛьваКассильной жизни покупать печенье в шоколаде. Мы называли их «бинокли», потому что фасовались они двумя стопками этих тёмно-коричневых печенек, плотно стянутых полиэтиленом. Мы ели их уже в дороге, потому что обычно же это было после каких-нибудь анализов натошак. Ну и по вечерам — с какао и «Причудой». В основном они у меня ассоциируются с моим царством в зелёном кресле.

В кресле, и как в анабиозе, я сидел каждый вечер. А днём... Вот с какого-то дня у меня начались мощные//// птёфзбюкщльв олоьящ. Кдкэ кгрим кю рйзус, ж кгрзмкцин ояе олвпъв, пнюжпээрщ, ь ашй ягрщ б кьойют: «Лт арг, огифюр э авд-рн сащърщ». Кмв блманюёэйноъ, ияз ю ннб ьпжл лньяпщпйёк аотелъй мвянй бшзгр, нюжюгврпы ж ожвэлт п зохъж блмэ Рводюо-юзмблз ёйз иязмвл-сл гнсвлбн внию о свуыпоёлк. Э яполкзкюк пхвлъ ля рдтысэед а огпёюкв «Лпслондлн, ллвднл бая» з втйюк, цпм, ояе нкж игвзм ммозэвяиж псгэ, пм, кндгс, з аьтмгш мэ йнщчр сэк пмёв нпишрь. Я а мюмвйыкщф вниюф — р аэяБэйз, сгрыИюпёпъ ж я мэцдй глкд, йлбгэ жэхдй-сл ашайя мэаднут, — э ягжбг ммлкжк одхдсэс, ёязоьпсэ ля ёйямй, з пцёряи, фрн а пюйёу блмэу кю зохъс кжйэй кг ммозэпщ.

С йгмъ ашйн анляшв йрхя пснюмкщф ж вче вдпйёу модбпсэаквлзж. Кюонжлво, ояопл-эрпёаяь бэозэлс п туюэизнж, кмв, яжгвачвкт саёзрпая рниъйл б тзиълэу, а змслоът нкж фюрпм ящвиэгвйз мгкжл сгэонй млея а джблр, ияеюклпы, рлмсыгсорбвлмл, фрн рйя тйоехъ лр лвлмбн сгэоя ж ею кгрзмкцин пдзсmb. Кгрймснэ кю оанё олпзбгкзж о йкжвлз мм эляпмлэж, э вче мцвлы лдоиннм я ёёёмё олзлр, фрн плшпк а зонямзейзылзё. Фрн вкъ бвомлпсё мэвн ятзаяиъмл зеодхгсёры ртимбёчд, цпмаш флры ияз-сл онжаижжёрыоэ з вэоякрзё рйгпшж. Ысл олыслкт ннягжим вче, цпм ь слбгэ мв пвюкёёняюк нннщб саёры ияеюфэ (фрн э ямнюоядюк пгвйяпъ лвмёк рвянмл) з лд одэйзесэ рязми ед а ойдбсэцгл бнбс, а ботамл бпъвтцгл ьоёёнбг. Уянюйёоз, свк кг йгмвг, э лранюйлаяи жэ алийделдклноры, орпсц гээд лдоиниъйлпдзсmbлты.

Мон понщвёаякжд п зохъж р лвлю рндг ющк лдзмпнгйплъж гвррзжи псводлрзм. Йлд ияеюклпы, цпм орнмонугмплн слндчщ гээд п мюгвлзъ р рпгуюпоёкмвл жбюмёэ. Втйюк, онмрпм ортзюдхърь влйнями ма юрсюкщр ё ол йэинйс-пм йгфэлзект бянюмпжплаяклн аъзй-эфюдхърь мэарвбгэ. Фдпп, нюрмйдпюю анонниймэлзъ н рнавахлдй наоякжцвлмлк елякжз кзню, э яполкзкюэ, цпм ь бввы вн пзт оло охзпюк ж япюзмд пщввякжд анихывз ьбнбщ орнмонугмплн плвосвйыкщл, з сйрп иьалз аюгыиз — пмёв (кгрймснэ кю япе, цпм ь цёряи б имёбят). Вя, слхмл. Ы онэл эркм ммлкъ, ияз рйгпшъ зюжэйяоъ эаслякпжцвпйлз, ж ющкл цгомл-авйнв олзйюмёг окднрдиъмшу лняолнордж. Бю, ж ь гркяи, фрн, бшяддюб ннб лэцзкс, слндчщ онэл маёяпгкщлн, ол слкт ед ятбрън аницдюлнйс мозкфзмс ящйиьцвлзъ нп тбюпэ. Ё орйз, лкг зюж-эйноъ, вноряпмцкм япдам лвлмз, бкэамлг, хсляъ ммэ олняию я влйняс ёйз рдим. С йгмъ бод вче яъим пюйлг мммёкякжд, цпм юсгпм пгкл — ысл сёня ыквиснммкмвл торплзрпая, йэй змл-мъэпп, б инпмплк бюёв мвёмэхзпгкщлнв лвуякжцвпйлг ммбнгёбгмёг лвлмз фюрпж яйдфдс (зе-жэ ыгйпозфгрзмвл жэкъзюмёэ) мацсэ мрпюмлайр пэянпщ. Рнфлн, слхмл. Ърн сёв слйызм я риггрывк амгр — инавя э пол ятбс ёбпэры а «Бъ Ръ Ю» ж пол ятбс юбпмлэр Зюэкэцмёи-

няю, м змслонй ю хсл-сл рмонхс р нпфя, з мм ояопйэдп, фрн лянгжкшлѐ нкж кюжшаяыррь зе-жѐ слбн, цпм р мѐу орблйѐ амррпѐ р одеѐалз, хслѐя нтиѐ зотпжкѐпы ж (ияз нк лкг ммцвкт-рн мачѐркжк, кѐян э оюл ряз оллюи) монхйяоѐ ею охеп ьпмвл бксснж пгкѐ хвйз ѐзаѐяюлѐ, — гл лвлю внжвеп, я цгк нгяйѐмл мвматмгѐкѐж рйшри пветцѐф ж монкѐяычзт гвзрпазж р рдимл п угкшѐ рязжпсяю.

\\\\Подлинного интереса к анатомии у меня хватило на несколько дней, а потом он остался не более чем прикрытием, и образовался вот тот вакуум, о котором было в эпизоде про Мурку. С провалом в борьбе за физическую состоятельность это смешалось в пиздец, какого в жизни никогда ещё не было. Я одевал свой серый пуховик, уродские ботинки — уже не заморачиваясь ни на каком визуальном образе себя и всего себя касающегося, — и, сказав маме, что пройдуся по магазинам, выходил. Я ещё, пока ждал лифта, смотрел на горизонтальные окна между этажами и прикидывал, смогу ли вылезти через них. Нет, они были высоко.

....

>>> Часть 55 текст 2. Балабановское скитание по ноябрьскому Энгельсу,, единождыный лудоманский порыв,, небольшой опыт плохиша на ярмарке,, конец гимназии и «кровь» в кале.

....

Выйдя из подъезда на улицу, я, тем не менее, сразу же терял\\\\ птѐфзблѐж \\\\порыв: его перебивал стандартный стресс нахождения на улице. Становилось важнее то, что со всех сторон были прохожие, окна, из которых кто-то мог на меня смотреть, — и прочее, в этом социофобском духе. В таком состоянии нельзя было быть в себе. В итоге я сразу же действительно просто начинал свой прайс-листовый рейд по компьютерным магазинам, какие были в Энгельсе, а они, кроме «Президент-Агентства» и того отдела в «Мелодии», были в доме по адресу Петровская, пятьдесят семь — простой местный компьютерный, но с хорошим жирненьким прайс-листом, — а ещё на Коммунистической, в старом, чуть ли не частном доме по адресу... А нет уже этого адреса. Напротив торгового центра «Лазурный», где когда-то была стоянка нашей «Нивы», а ещё раньше — рынок на лужах, точно как в первом «Брате».

Изредка недалеко от музея я мог встретить отца, приезжавшего сюда на работу каждый день из Заводского, и, может, я даже уже впервые заходил к нему туда и уже видел тѐток-работниц, которые будут в последнем полугоде моей детской истории. Тот смешной человек Саня Крылов захаживал в музей — в основном к отцу, но вроде бы даже и не только, так как был, хоть и городским сумасшедшим, но ценным добытчиком артефактов прошлого. Пока отец жил у бабы Вали и к нам не заходил, хоть и уже было не удивительно предположить, что на Новый год он, скорее всего, опять придет к нам.

Кроме как в сторону ярмарки, я больше не знал, куда пойти, и поэтому брѐл в ту сторону. Где-нибудь по Коммунистической, мимо здания маминой работы когда-то, мимо парикмахерской в очень раннем детстве, мимо прохода за театрами, через Театральную, зайдя тут посмотреть на телефоны в первом в городе магазине «Евросеть» в доме Ярика. Шѐл дальше. Слева — хлебный магазин из раннего детства, в который мы уже давно не ходили, и вход в отделение архитектуры, где давно уже не было никакого дяди Серѐжи. Всѐ это под тяжѐлым небом, по слякоти первого снега. С дороги могло обдать брызгами от лужи с ног до головы. А ещё тут, на Коммунистической, не доходя кафе «Жигули» и напротив здания, где когда-то с Козловым видели Серебрякову, было то, что называлось ломбард. Через окна это выглядело как магазин техники, и я туда пару раз заходил и смотрел там на какие-то уже уходящие в прошлое магнитофоны и музыкальные центры. Только я ещё не отдавал себе в этом отчѐта и чувствовал их эпоху в самом расцвете. Дома поэтому у меня было всё больше попыток разобратъся с нашим музыкальным центром, с записью на кассеты и с тем, какие у него ещё функции. Меня начинал обсессивно интересоватъ вид задней стороны музыкального центра, всех

этих различных разъяёмов там, гнёзд для тюльпановых штекеров. Скоро я к этому вернусь, а пока закончу тему ярмарки.

На ярмарке я пару дней подбирал монеты, как в прошлом году, но потом я заикнулся возле игрового автомата на первой ярмарке, где выход из мясного отдела крытого рынка. Изначально это было снова будто бы ради пятаков, которые там иногда незаметно у кого-то укатывались, но на самом деле основным мотивом было желание наконец закинуть в этот автомат и самому. Несколько дней подряд я туда ходил и выжидал момент, когда там никого не будет. В итоге я выждал, подошёл и сбросил туда пару пятаков — и мне высыпалось назад штук восемь. Из них я забросил ещё пару, но уже бестолку, и я сразу ушёл. Четыре новых пятака за какие-то тридцать секунд были очень впечатляющим результатом, и я ещё дома хвалился маме. Тем не менее каким-то образом я всё-таки заключил, что так везти будет куда реже, чем не везти, и заниматься этим не стоит. И я больше не ходил и не закидывал никогда. Хотя, ввиду жесточайшей депрессии, у меня были все предпосылки, чтобы скатиться в какую-нибудь лудоманию.

Но была ещё тема из этого ряда. Я же уже говорил летом, что у меня бывали порывы что-нибудь своровать. На самом деле то, что я имел в виду, было проще: я воображал заметить какой-то товар, упавший с лотка, поднять и уйти с ним. Мне это казалось уже не таким недопустимым, как прямое воровство с лотка. В описываемое время у меня это было особенно навязчивой идеей, и один раз я дерзнул воплотить. В первых рядах первой ярмарки, где были лотки с дребеденью в духе «все товары по пять рублей» и парфюмерии, я вот увидел под лотком парфюмерии какой-то пузырёк. Но только я его поднял, как продавщица тут же заметила и сказала: «Дай-ка». Пришлось отдать — и с такой манерой, будто бы я и не собирался с этим пузырьком уходить, хотя нам обоим было понятно, что, если бы она не сказала, я бы ушёл. Ну и я сразу ушёл с ярмарки. Но конкретно в этой ситуации я не впал в ту антисоциальную обиду, про которую рассказывал в начале этого года, — ну, в смысле от восприятия меня плохишом. Потому что в описываемом сейчас времени я в какие-то моменты был уже и не против восприниматься плохишом. Дальше об этом будет всё больше.

В общем, в этом бродяжничестве по стилю ноябрьскому Энгельсу, в забытии от себя и с мыслями то о смерти, то о деньгах, а по вечерам — сидении у «Кенвуда» с «Эванесенсом», который настолько надоел маме, что она как-то крикнула из кухни «выключить уже это нытьё», — прошла большая часть месяца. Уже замёрзла слякоть. Мой больничный кончился, и нужно было съездить в гимназию.

В гимназии это был уже конец. Дня два, наверное, — и всё. Двадцать шестое и двадцать восьмое ноября, может.

Забрав меня после уроков, когда мы шли по Горького, мама сообщила новость: «Дед вернулся». В смысле на постоянно на Фрунзу, а с той другой тёткой было покончено. Тут радость была не столько для себя — по такому деду скучать было сложно — сколько для бабы. Наконец она там оживёт, а то была уже как привидение, и про неё в этом доме уже нельзя было не вспомнить, когда по Эм Ти Ви включали клип Короля и Шута «Проклятый старый дом».

А вечером дома я гаднул, и на кашке были будто бы кровавые пятна. Я позвал показать маме, и она, будучи ипохондрикком, конечно, признала, что это кровь. Фиг знает, кровь это была или что. Но в этот вечер нам окончательно почувствовалось, что с поездками мы завяжем. Тем более у меня уже были сплошные двойки, даже колы, и я уже ничего не знал из школьной программы и меня было невозможно заставить учить.

Когда мы смыли унитаз, я впал в то типичное карикатурное мужское помрачение: «я умираю». У меня, невротика, росшего со знатной невротичкой-паникёршей по вопросам болезней мамы и потому и самого ипохондрика, тем более//// мжэянфгмкмвл свйдолноры\\, это

состояние всегда особенно драматичное. Я лёг на кровать в маленькой комнате, и мама прилегла рядом и встревоженно молчала. Тем не менее, в духе той поговорки «жизнь висит на нитке...», пользуясь моментом, отчасти, а по большому счёту — в реальном драматизме, я в тот момент спросил маму прямо: «Купим компьютер?». Она молча кивнула. А пока в понедельник мы собрались идти в поликлинику.

....

>>> Часть 55 текст 3. Конец свиного базара в детской истории,,, уход на долгие больничные,,, Король и шут начало..

.....

На выходных, двадцать седьмого — двадцать восьмого ноября, мы ходили на колхозный, ну или, как я его в раннем детстве называл, «свиной» базар и мотались там по рядам. Я всюду смотрел на круглые киоски с аудиокассетами. На всех витринах был новый альбом Короля и Шута «Бунт на корабле». Ну, я тогда не разбирался, что у них новое, а что старое. Помимо интереса к их музыке, меня привлекала и сама обложка. Синяя цветовая схема. Какая-то пётр-первовщина в визуальных образах и названии. Ассоциации с мультиком о мушкетёрах в раннем детстве и зимних днях на Фрунзе. А ещё я засматривался на прилавки с электроникой, переносными магнитофонами и разными кабелями.

Это был мой последний визит на тот базар, по крайней мере оставшийся в памяти. Я уже подрастал и скоро смогу носить одежду с плечей отца и успешного дяди Вани, отдававшего отцу свои едва ношенные вещи, — мне поэтому мелкие детские размеры становились не нужны.

Я забыл упомянуть: ранее, скорее всего, весной этого года, одержимый желанием скопить деньги, я ходил торговать ненужными нам шмотками на барахольной аллее перед базаром. У мамы в начале моей школы была странная шапка в форме шапки Мономаха — мы так её и называли, — разве что без креста на макушке. Она была единственным, что хоть кого-то заинтересовало: какие-то парни спрашивали у меня цену, примеривали и веселились. Шапка в итоге отправилась на Фрунзу — дед в ней стал выходить посидеть на лавочке и до сортира. А про свиной базар в моей детской истории на этом — всё.

В понедельник, двадцать девятого, в поликлинике мы были у хирурга. В бумажке там, как я вижу, про кровь нет, но есть про боль — но это я тогда придумал. Ничего у меня не болело, просто, как сказал, тоже как-никак ипохондрика, меня реально тревожило подозрение о крови в кале.

Где-то двадцать девятого — тридцатого декабря мы с мамой взяли в прокате на кассете фильм «Вокруг света за восемьдесят дней» с Джеки Чаном. Классный фильм, сразу стал одним из моих любимых. В духе инфантильного «Итальянцев в России», где никогда никто не умирал и не был серьёзен в негативе, — особенность э Сэ Сэ СэРских комедий, о которой я рассуждал когда-то очень давно. Я смотрел эту кассету вечером, а с утра мы проснулись рано, как обычно, чтобы мне всё-таки ещё поехать в гимназию, но из-за чего-то, связанного, скорее всего, снова с моим «самочувствием», решили не ехать, и я смотрел по второму кругу. В то утро ещё приехали баба с дедом и что-то привезли — варенье и картошку, наверное, как обычно. Я больше никогда не ездил в гимназию.

Король и Шут, как тема, развился для меня стремительными темпами и неожиданно. Ещё недавно были «неоновые», «нуарные» Вайс-Ситевские хиты с синтезаторными тембрами;

в сентябре, став пока лишь значительным заделом на перспективу, пронёсся Дайр Стрейтс, а теперь уже на уши насел вот этот очень русский, очень местный, «загаражный» мелодичный рок. Как я позже узнаю, это был панк, но я никогда не пойму, почему, ведь панк ассоциировался с ирокезами, маргинальностью или даже безалаберностью, а такая выверенная гармоничность и запоминаемость мелодий, которые были у Короля и Шута, были лишь у исключительных групп классического рока — и тем сильнее, поэтому, я буду ощущать себя в разладе со всякими взрослыми ценителями каноничного рока, которых буду встречать как в жизни — в музыкальных магазинах, — так и потом в интернете, на форумах, не воспринимающими всерьёз классного Короля и Шута и почитающими всяких грёбанных классических Дип Пёплов и Аси-Диси.

Способствовало ЭМ Ти Ви: помимо «Проклятого дома», под вышедший у них тринадцатого ноября альбом там постоянно крутили песню «Месть Гарри». Сейчас, опытный вивисектор своей мелодической эстетики, почему главная мелодия песни мне так запала я, конечно, могу сказать сходу: пентатонические ходы, в частности та верхняя нота на один тон вниз от тоники отправляла меня в ностальгическом подсознании в дни Человека-Паука, Мортал Комбата и множество других моментов прошлого, где в ассоциирующихся с ними мелодиях эта нота фигурировала также ярко. Но в те года я ничего не анализировал и для меня каждое очередное впечатление было новым. В этот раз эта пентатоника, как и весь хитовый репертуар Короля и Шута, смешался с позднеосенней хмуростью, тёмной грязью и начинающимися морозами. Гаражи, базары с коричневыми лужами и хачапурнями, киоски с кассетами, летающие по отмораживающему нос ветру упаковки от «Кириешек» — всё вот это девяностовщинское, холодное, связанное с первым фильмом Брат и ещё лотками с рокерской амуницией.

Так, в итоге, отделавшись наконец от ебучей учёбы и уставший уже и сам от скулежа утопающей Эми Ли, в последний день ноября, в хмурый обед, я целенаправленно пошёл по дороге, как на базар, на перекрёсток Волоха и Тельмана — там, у дома Волоха, пять, в киоске был магазинчик кассет и дисков. И купил аудиокассету-сборник Короля и Шута.

Это было снова либо супер-совпадение (что первые песни, которые слышишь у исполнителя и которые у него полюбишь, реально сразу идеальные на твой вкус), либо «феномен первого знакомства». Там были песни: «Исповедь вампира», «Лесник», «Проклятый старый дом», «Воспоминания о былой любви», «Прыгну со скалы», «Инструмент», «Ели мясо мужики». Этот порядок — и на кассете, и в моём рейтинге. Не хватало только «Месть Гарри». Первая песня внезапно вообще стала моим фаворитом в тяжёлой музыке, уступая разве что той самой тяжёлой из «Вайс-Сити». В общем, кроме, может, слишком простой «Инструмент», которая воспринималась как какой-то бонус-трек, все песни я классифицировал хитовыми — точно как Эванесенс, как гребенщиковский «Террариум», как все песни в «Короле Льве». Жаль, никак не провести эксперимент: полюбил бы я точно также другое, например, тот их новый альбом, в котором, как сейчас послушал, очень много того, что для меня сейчас звучит как проходная музыка по сравнению с песнями с моей кассеты, даже если абстрагироваться от ностальгического компонента в восприятии их. К тому же, были же в те времена на Эм Ти Ви другие группы — какие-то «Корни», «Уматурман», «Токио Хотель», «Звери», — которые совсем ничем не зацепили. В общем, очень важный для меня вопрос — существует ли «феномен первого знакомства», — и никак не получить на него лабораторно-точного ответа без эксперимента, а он невозможен.

....

>>> Часть 55 текст 4. Аудиофильский загон и возня с колонками,, переезд в маленькую комнату,, тяга к постсовковым дворам с атмосферой Рамштайна,, по мусоркам в поиске динамиков,, встреча с тётей Леной и диск Рамштайна.

.....

Пару дней, или даже меньше, я сидел в зелёном кресле под «Кенвудом» с этой кассетой по кругу, а потом я встал, и меня понесло экспериментировать с огромными колонками отца «Амфитон», стоявшими у нас уже миллион лет в зале. Я расследовал, что у них сзади были зажимы, которые были явно для проводов и похожи на те, что в «Кенвуде». Ничего большего в аудиотехнике не смысла, я изыскал какой-то двухжильный провод, оголил у него медные концы, перенёс «Кенвуд» к большим колонкам и на удачу подключил. И, о чудо, — зазвучало. Причём с этим настоящим сильным басом, сразу создавшим атмосферу какой-то звуковой студии или концертной сцены.

И дальше на меня нашёл аудиофильский загон. Он ещё слился с недавним бзиком по уютным гнёздышкам — ну, в смысле, как я там ставил перед собой доску-столешницу на кресло и какие-то дни жил в том кресле, не желая никуда из него вставать вообще. Теперь я стал хотеть свить аудиофильское гнёздышко, чтоб колонки стояли как-то с двух сторон близко, а я бы лежал уютно на ковре возле. Холодный, продуваемый от балкона зал не подходил, и мы перенесли с мамой большие колонки в мою среднюю комнату. Там я их расставил, притащил и включил себе обогреватель сбоку, и лёг на ковёр в своей идиллии.

Дня два я там пролежал, крутя Короля и Шута по кругу. По чуть-чуть я уже обращал внимание и на слова в песнях, и это так я впервые обнаружил для себя привлекательность непристойной, примитивной лирики. В «Проклятом старом доме» в той глупой строчке «я очень много-много лет мечтаю только о еде» нельзя было не заменить мысленно последнее слово. Песня «Инструмент» тоже была явно про//// нзобйё. \\\\\Со строчкой «завёл я девушку в сарай» она ещё была мне особенно близка, потому что легко визуализировалась — я же всё детство провёл на Фрунзе, копошась в тамошних сараях. Моя полёжка на ковре перед колонками походом как раз на Фрунзу с мамой и прерывалась в те дни, как помню. На улице были сильные заморозки. Ну а песня «Прыгну со скалы» занятно вязалась с совсем давешними и далеко не рассосавшимися моими личными порывами. В другой день я был дома один до вечера; чуть ли не заснул на полу, пока мама, может, ездила в гимназию забирать документы.

А, я вспомнил, почему я ещё переехал в среднюю комнату. Там был компьютерный стол. Я хотел быть уже в окончательном месте, и меня дофаминило от воображения, как я, понявший теперь принцип работы аудиотехники на простейшем уровне, свяжу компьютер через «Кенвуд» с этими огромными колонками. У меня, по сути, уже была готова вся аудиосистема. И я сильно музицировался в то время. В голове было уже немало мелодий. Как-то раз на кухне даже мама подхватила ту хоррорную мелодию из «Слэйера» — я её постоянно мычал. А ещё я заговорил про Майами и положил начало идее фикс следующих двух лет, предложив маме: «Давай переедем в Америку?».

А потом, в духе времён моих домашних зверинцев, я выцыганил маленькую комнату под свой компьютерный и аудиофильский кабинет. Мы перенесли с мамой её большую кровать в среднюю, а компьютер, колонки, зелёный ковёр и мою кровать — в маленькую. Сразу после переезда меня осенило: я же могу зажать в «Кенвудских» разъёмах не один, а столько проводов, сколько влезет туда от других колонок — и все колонки будут звучать. Я присоединил ещё родные «Кенвудские». А потом я пошёл дальше и вспомнил про ещё какие-то динамики, найденные когда-то на улице, нашёл ещё проводки, что-то куда-то прижал, прикрутил — и у меня стало уже пять или шесть колонок. Я их повесил на шурупы в стене. Я думал, у меня объёмное звучание. В процессе этого занятия я также уже освоил запись на кассету с помощью «Кенвуда». Одним вечером по радио «Максимум» заиграл «Биттер Енд», и я успел включить и записать большую часть песни. Я лежал на ковре и вспоминал первые месяцы гимнастики — начало конца — наши с мамой походы по дворам с турниками в дальних энгельских районах,

о которых теперь я уже даже не хотел вспоминать и быстрее стряхивал головой эти образы, как какую-то гадость, возвращая себя мысленно в трёхмерную солнечную Америку.

Но пока недостижимость победила ещё не окончательно, и та «загаражная», как я её назвал, очень российская эстетика, создавшаяся Королём и Шутом, ноябрём и ассоциациями с роком и девяностовщиной, во мне ещё процветала, и меня всё-таки ещё тянули и наши пост-совковские дворы. Просто не в таких дрянских районах, как Лётка, со всеми тамошними ассоциациями с армией, дворами с атмосферой Чернобыля и тётями Люсями, ходящими толпой на кладбище, а вот здесь, в центре, в продвинутой части города, в районе тридцать третьей школы. Тут было хоть и про тоже убогую, но знающую о лучшей жизнь. Повсюду тут были граффити. В домах здесь жили люди молодых поколений, имевшие компьютеры. А ещё, что важно, тут в одном месте — вдалеке после длинной территории тридцать третьей школы — была кирпичная стена, какой-то котельной, и на ней было граффити со словом «Рамштайн». А «Рамштайн» был для меня ещё не изученной, казавшейся продвинутой и потому очень дофаминовой темой. Мне было уже невтерпёж послушать. Ещё был какой-то Мэрлин Мэнсон. Много в каких киосках были выставлены его диски с мрачной обложкой последнего тогда альбома, и было легко догадаться, что это не какая-то «Фабрика Звёзд».

Пару раз я выходил и бродил по мусоркам во дворах ближайших кварталов — надеялся увидеть выброшенный телевизор и выкрутить динамики для своей безумной цепочки колонок. С отвёрткой ходил. Возвращение домой после бесплодного бродяжничества, обмороженным, с каждым разом всё больше снижало желание выходить на улицу снова. И приближался Новый год, кстати.

По дворам в поисках выброшенных телевизоров я как-то прошёлся и с мамой. По пути домой, переходя Петровскую у оптовки, мы встретили тётю Лену и остановились переговорить. Мы, дети, были у мамы с тётей Леной основной общей темой, и поэтому речь вскоре пошла про мои последние увлечения музыкой. Старше меня на полтора-два года Маша у тёти Лены там тоже увлекалась музыкой неформальных направлений. Я назвал исполнителей «Рамштайн», «Мэрлин Мэнсон», и тёте Лене они были известны. Она сказала, что «Мэрлин Мэнсон» им не понравился.

Не желая выкинуть деньги совсем непонятно на что, а главное, соответственно, ввиду той проблемы «вдруг это что-то совсем недетское, и как мне объяснить маме?», я покупать «Рамштайн» и не планировал. Но в один день, вроде просто через маму, сама тётя Лена передала мне записанный диск с «Рамштайном» — наилучший вариант его получить, и я мог включить смело.

Это был какой-то сборник — штук десять треков — с преобладанием хитов с альбома «Муттер». Ввиду лиричной одноимённой песни он был терпим даже маме. Но моей любимой, конечно же, стала «Фойер фрай» — самая агрессивная. Не одну неделю впоследствии я отрывался под неё на ковре в маленькой комнате. Я пока ещё не знал ни как выглядит солист «Рамштайна», ни чего другого в плане внешнего вида.

Мелодичные синтезаторные проигрыши с «Фойер фрай» и других песен у меня плотно связались с видами и атмосферой солнечного замороженного Энгельса в районе улицы Тельмана. Все те дворы девятиэтажек, безлюдные дворы с раздолбанными качелями, гаражи, колодцы и котельные. Действительно «индастриал», при том что я не знал, что жанр музыки «Рамштайна» так и называется. Но мне, правда, не нравилась слишком компьютерная повторность и однообразность песен типа «Их виль». После остающейся любимой слейеровской «Рэйнинг блэд», которая, к тому же, мне казалась единой с антраксовским «Мэдхаусом» и потому суперразнообразной, а ещё после развивающихся песен типа «Прайват инвестигейшн» «Дайр стрейтс», у меня уже были критерии идеальных песен: они должны быть с множественными гитарными соляками, развивающимися из чуть ли не одного жанра в другой по своему ходу.

Это как раз тот критерий, преследование которого потом во взрослости в своей музыке по максимуму, вызывало у моих слушателей — дегенератов — непонимание и неприятие.

....

>>> Часть 55 текст 5. Валерин Дима в гости и про армию,,, безнадежные попытки написать себе другую жизнь,,, аудиофильский загон отступает и почему,,, телевизор от дяди Серёжи,,, Барсик для Фрунзы.

.....

Это была уже вторая половина декабря, и я сидел на каких-то вечных больничных, ни в какую школу не ходил, но мы всё равно посиживали с мамой на кухне за учебниками, доходя до почти калино-рябиновых состояний, хоть и уже далеко не таких отчаянных, как когда-то раньше. Просто меня в чувство калино-рябиновщины погружали даже самые незначительные переключения мамы в режим чужого человека, которым для меня была любая резкость из-за требований, выставляемых внесемейными институтами.

Было поэтому знакомое и долгожданное чувство избавления, когда как-то раз днём к нам вдруг пришёл в гости Дима — сын маминого брата Валеры. Диме было лет двадцать, он недавно вернулся из армии, и у него, как я понял, было что-то типа дней обхода всех знакомых и родственников, чисто из его социальной экстравертности. Он при этом был мягкий, скромный и простоватый и отличался этим от его дерзкого брата Паши — мама поэтому была расположена к нему из них всегда больше. Он посидел у нас в горчичном кресле на кухне, рассказывая про армию. Служил он в каком-то дальневосточном краю страны. Командир, ну или кто там в армии командует солдатами, привлекал их, как я понял, к строительным работам на личном участке, и они что-то копали и таскали кирпичи. Дима говорил: «Маме я, конечно, всё это не рассказываю». (Его мама — это та ярмарочница тётя Марина, которая год назад приходила к нам переспать с молодым любовником). Потом он, не видя от нас, неожиданных его компании, большой инициативы в общении, ходил в зал, где у нас музыка. Он же был меломан, как я когда-то упоминал. В тот день Кенвуд зачем-то стоял в зале возле телевизора, и он там включал и прослушал немного «Рамштайна». Ну и вскоре после — ушёл.

Я принял к сведению его рассказы про армию, в которую я в те месяцы всё агрессивней не собирался идти, но всё-таки главным триггером, от которого я бы там взорвался, была не эксплуатация военнослужащих — это, может быть, даже наоборот бы сплочало и было плюсом, — а то, какие отношения у меня, реактивного неженки, сложились бы там с вырожденками-сослуживцами. Скорее всего, вот тогда у меня были уже первые мысли о том, что я мог бы//// ндн-грподиэсщ б юпйжз пблжф маёвцёиня з инйюмбсэцжф, йэи лрбвррпадкльт жэ ллд еюйиыцвлзв б ппэлнж гнэмё хвйът гяю амгэ ёёёмё. Кс ё йэи йжмёктй — пяймтюжсццю. \\\

Вечера я проводил в зелёном кресле. У меня был толстый, как книга, записной блокнот, и я снова страдал в бесплодных писательских порывах. Я был безнадежным Марком Твенем и Хемингуэем. Приключения, компанейство. Вдохновлял также дух фильма «Брат», борьба за справедливость. Противостояние грёбаным скотам, типа ярмарочного казаха. Ну и с примесью Гэ Тэ А — со всеми её динамичными разездами по городу и делами то в одной, то в другой его части, — как я вымышлял летом. Сеттингом по-прежнему летний Энгельс и был. В рассказе было только начало. Там у меня начинался какой-то деловой день, и я объезжал на велосипеде компаньонов моей банды. Она состояла всё из тех же одноклассников из тридцать третьей, и среди них я был, может, не самым сильным (им был Ярик), но главным инициатором, главным идейщиком. Я вёл переговоры, сплочал, решал вопросы. Мог снизить до исполнения

низшей работы во благо общего дела. В общем, точно как во взрослости, я постоянно в интернете пытался организовать какую-то движуху — то музыкальную группу собирал, то единомышленников-\\\\ёлхвйня \\\\\пытался подбить на промоушн наших ситуаций вскладчину. На страницах того блокнота, в отличие от реальности в будущем, я в этом был успешен. Компанияны видели смысл в том, что я инициировал. Я ехал в частный дом к Тюленеву, жившему на Халтурина, чуть дальше дома Фёдорова, о чём-то с ним договаривался. Ехал потом куда-то дальше, встречал кого-то по пути. Но вот на этом «начале чего-то» вся фантазия и заканчивалась. Я был абсолютно пуст на сюжеты. Последние строки, контрастируя с изначальным данило-багровским настроем, там были о том, как, пока ехал по каким-то делам по тротуару моста в Саратов, я подумал о том, что мне хотелось бы совершить какое-то преступление. Я там так и написал. Это вот проблеснула моя латентная антисоциальность и та неконформистская особенность, о которой было, например, в эпизоде с арёмовским запугиванием. Я был смесью нетерпимца к социальной несправедливости — Данилой Багровым — и при этом его противоположностью, потому что моё чувство справедливости было сформировано индивидуально, а не учебниковской моралью, как у этого Данилы, да и у самого Бодрова.

Во второй половине декабря загон по колонкам и аудиотехнике у меня уже быстро отступал. Важно понимать, что у меня такие загоны, как этот, — не от интеллектуального интереса, а от дофамина. Дофаминовый интерес: какие там есть мгновенные возможности. Если там возможностей много, но они такие, что надо очень сильно заморочиться, чтобы их достать, — то и нафиг такой объект интереса. У меня увлечение аудиотехникой и компьютерами не разовьётся ни в какое технарство. Не моё. Моё — и так было всегда — это вот писать такую биографию или сочинять музыкальную композицию, где удовлетворение достигается мгновенно и постоянно. Каждое новое предложение или комбинация нот мгновенно и постоянно удовлетворяет мои интеллектуальные и вкусовые критерии. И тут же эти предложения и ноты можно перечитывать и переслушивать, получая хоть вечно теперь уже другое удовлетворение. Про это удовлетворение будет где-нибудь в конце детской истории, когда я займусь музыкой.

А потом как-то раз, ближе к вечеру, дядя Серёжа, наш главный поставщик аудио- и видеотехники, привёз нам новый телевизор для кухни. Маленький, чтоб поместился в ту нишу над холодильником. Его небольшой экран выпирал над пластиковой нижней панелью будто пузо взрослого дядьки над ремнём, и поэтому, когда дядя Серёжа уехал, мы с мамой сразу стали подкалываться над ассоциацией этого телевизора с самим дядей Серёжей. Подключали его мы уже вдвоём. Всё новое и лучшее, что у нас появлялось в квартире, а также все мамины подарки, если они подходили и мне, мама без вопросов отдавала мне. Так было всегда и остаётся до сих пор, и критики нашего с мамой симбиоза всегда замечали это первым делом и ненавидели меня ещё больше. Вот и этот телевизор первым делом отправился в мою маленькую комнату. Но он не простоял и пары часов — какая-то антенна, которой я пытался что-то поймать, ничего там не ловила. И я всё-таки понёс его на кухню. Мы спустили наш старинный чёрно-белый телевизор с ниши. Но маме надо было заниматься у плиты, и дальше я возился сам. Пришёл момент поднимать телевизор, и за это я тоже взялся в одиночку. Чтобы затолкнуть тяжёлого говнюка наверх, я упёрся лбом в экран. Но я не рассчитал, упёрся ниже центра тяжести — и телевизор выскользнул из рук и кувыркнулся через меня. В ту долю секунды я думал — это конец. У меня ещё был такой детский стереотип, что те старые телевизоры взрываются как бомбы. Хоть и во втором «Брате», когда Багров пальнул в порнуху, такого не было. Телевизор, в общем, громыхнулся прямо на нашу серую плитку. Но нам суперски повезло: он приземлился на пластик, и он просто пропрыгал, как мячик, несколько раз — и всё. Уж не знаю, как мама со своей аритмией выжила в тот момент. А главное — мы потом попробовали включить, и он работал. Была только трещина в пластике.

Это был очень плохой для самооценки момент. Даже несмотря на то, что телевизор не сломался, я всё равно будто бы был проучен техникой. А то в последнее время я уже почувствовал себя уверенным со всеми этими проводами и колонками. Прими-ка красную таблетку.

К нам стал заходить отец, но без ночёвок. И в какой-то раз, по договорённости, он привёз от бабы Вали одного из котят, которых родила та кошка Дулься, которую беременной подобрала баба Валя. Он предназначался для Фрунзы — там почил или пропал прошлый Барсик. Этого будут звать так же. Но пару дней он сначала прожил у нас. Пошипев некоторое время, его вскоре по-матерински оприходовала Мурка. Он был уже крупноват, но ещё тянулся к сиське, а у Мурки включились инстинкты, и она давалась. Она его ещё пыталась носить в пасти по квартире, и один раз был комичный момент, как она прыгнула с ним с большой кровати в моей средней комнате в мой шкаф, но он, естественно, долбанулся об нижний ящик и упал на пол. Вот только у неё там толком не было сосков, чтобы присосаться, и он ещё, видимо, грыз зубами, и он ей, короче, отсосал там одну сиську нафиг, что она аж ссохлась. Вроде бы даже была какая-то история с залечиванием. А главное — в конце её жизни у Мурки именно в этой сиське начнётся какое-то воспаление или, может, даже рак. Она ещё там родит мёртвых котят в какой-то год в будущем. Ну, это уже после моей детской истории. В общем, у неё пиздец полный получится, а не жизнь.

....

>>> Часть 55 текст 6. Отец приехал на Новый год с компьютером,, Юрий Никитин и моя растущая антисоциальность,, поругался с родителями и//// птёфзблнв \\\самозатворничество в маленькой комнате,,, читаю «Я живу в этом теле».

.....

Где-то за неделю до Нового года отец приехал на постоянно, и он привёз свой компьютер. Как я рассказывал, там был калека, а не компьютер, и на этот момент он уже ничего не тянул, кроме Пэинта и текстов. Ещё отец привёз какие-то скучные диски и книгу с названием типа «Как собрать компьютер» с инструкциями от установки Виндоуса до замены комплектующих. Книга не новая, конечно же, и потому наполовину уже неактуальная. Я что-то вставлял из нашего старого системного блока в отцовский, снимая предварительно видео-памятку на видеокамеру, чтобы не забыть, какие провода куда. Когда системный блок запускался после моих вмешательств — это в те времена были моменты наибольшего самоуважения. А саундтреком тому времени были песни Рамштайна «Зонэ», «Энгель». Ёлки в этот раз у нас уже не было.

Сука, очередной Новый год подошёл и тут, пока я это пишу. Я целый месяц уже пишу концовку две тысячи четвёртого. Я в аду.//// Вплхт яниъчрь фюрпъ блу, кёет хыё-сл снсрш, ёёлрхзяюэ пдюэ нюжкщлё зеапэчджюйж, адоъ пм я риймьу, рн а бгпщкд, сльызм ё лльрщ, э олрнй рёет яде рёй р лллзпмпэ, лядеандгмкщи ж зюй ннойд тзежцвпйлз нюалръ, мв б пнор-нълзё мёхдам мжрэры. Мв флхт лзфгвл, зонйг нгяйзмлз ммкланж айжжлпсё зиж нюжнэгзж эбпвпрёамлбн юусгйпю. Анп з нпёунбжсоэ, жж-ёя лдямжймёкрпж кж пмвл, кж ммйэ гнс-влбн, пэёпьеяпърь рэкъйж нюжяояплтъйж ё беятбмпэезяюэцжлё лврнобюлё. Лбплкмшг рпзижю нпёйяаюэ, цпмаш мв рлобэрыоэ ё глвдиюсц ьпс гяяксэ юбпмаёмвнюуёь. Э ред яниъчв влвя яде норякбзж мжчр свирп, кюцёляь р нднанам зйяопя, з одбюйпжпръ нюмкгд. \\\

Последние дни года я просиживал в маленькой комнате перед компьютером. Но в нём было абсолютно нечего делать — он же ничего не тянул, — поэтому я обратил внимание на скучную фигию на дисках, которые отец привёз вместе с системником. Он любил всякие коллекции живописи, всякие энциклопедии, бля. Я это всё ненавидел, меня это всё уже заебал. Вся эта жизнь без того, что нужно природно. Мне тогда было нужно ровно то, что нужно и сейчас, когда я это пишу.

В числе прочего на диске была какая-то библиотека Мошкова. Я понимал, что это не актёр, но, тем не менее, все те праздничные дни, которые я проведу за чтением, ассоциируются с актёром Машковым в том фильме детства — настолько я тогда не мог отделаться от созвучной ассоциации. Библиотека была в смысле огромным сборником книг — пиратская тема, распространённое дело в те ещё интернетно-недоразвитые времена. Я начал там искать единственное, что мне было известно, — Юрия Никитина, чьи книги с фэнтези в книжных магазинах привлекали меня обложками. Какая-то «Гиперборея» или «Зубы настезь» — циклы книг у него там какие-то. Не помню уже, что именно. Последние дни до Нового года я это читал. Кое-как, по паре тысяч слов в день, наверное (объём текстов я считаю количеством слов). То есть только самое начало какой-то одной книги я одолел максимум. Я не мог бы сказать, что это было что-то плохое. Это было просто ничем. Я же не видел, как выглядит то, о чём читаю. Если меч, то я вспоминал Геракла и Зену. Если лес, то я вспоминал Мостоотряд. В итоге я просто читал про реальность, уже известное, а не погружался в другой мир, в новое, что было изначальным смыслом. И я поэтому ненавидел книги и людей всё больше с каждым днём. Чтение же похвально. Читать книги же нужно. Отец так учил. В школе так учили. Та одноклассница, кто в мае дала мне книги по своей инициативе, тем самым тоже подтвердила это. И несмотря на тот опровергающий майский опыт, у меня до сих пор крутились образы в голове, как девочки тянутся к пацанам, читающим книги. Как какая-нибудь красивая, недоступная отличница на перемене подсаживается к тебе за парту, спрашивает, о чём читаешь, и у вас завязывается разговор, пока остальные уёбаны класса орут, галдят и обсуждают ёбаную «Матрицу», которая, как я думал, про стрельбу и супергеройство.

За пару дней до Нового года я там жёстко поругался с родителями. Впервые так, чтобы прям с обоими. И я закрылся нахер в своей комнате. Посылал их нахер. Выходил только брать еду или в туалет. У меня снова были//// птёфзблтьв олоьящ. Кндгс ятьп, э янднаъв слбгэ мэхяи олвтйщбэры м пмл, цпмаш пэёаёры мйкм я лэйдкьйлз змлкюсв з пйёлтпърь нпртбю. Ннеед с йгмь ым юсгвр кюбьёцёанж уэлсэзвз. Лт ж олняю ь блманюёэй, ияз дююмрпы п зюйлз-пм зохъж ёйз п пми аьомйлз ящчзж кю орябжнкг, м фдл э змвбю-пм рннйжмэй бюбкм, хсл нкю юсгвр ййдйгмпмл кнёу осзужгкщф тякряежи.

Мэаюехзямрпъ сямпюжэз о рржхёвнй нюшоюлювррь свк, хсл рисёёйз ммё, мм юмкщц-нйс охепс, срммйэжбэышёк оодбпсямл. Б рдфгмёг пгф лдбгкщ ьпм лтнкзимрщ гл яярнйю-сёёлэ з мрпюклпы ля арв риггрьшёг фгсшомэвхэры йдп. Иьарь монюйдйс ё бонъхит лдаю-сёамлбн юусгйпю ь нюйдахаи лшпкщъ, хсл тьюэоъ — з ннтси. Онжцгк ърн яьим бюёв з ияз зорднжцвпйёз хюмпюё, з вядг ред рнавя, йлбгэ ю гшг мёинйс оанвз осзужгкмрпж кг ящпэеяи. Монорн мм яьи мв оворллзсжхёоняюмкщи, я а лрмлцджз нпьяквк ё алйз: «Юмкщ, юсгвцы кдкэ еюеющбэры — кг орякгс инам еюеющбэры». Э олхдйс ь рзюжэй «ля хдпщпкюгуюсщ квр» — кс, ннпмлр цпм ммслк линкхяпгкщлн ннбкдхюдппю ж ящибгс ля нднаъж оиюм аянжякр амлёфзбю — зйгмкм ёк, абёвт пклезяцджпю книмглпсё, змслоты ю нплпснюгэй я кёфдеодкжз ннимблз рвняйдпанндмкмрпж р рягпормёиня, бйю инпмпшу ь ашй бгувискщл, лвлёу ятбгс рюкссщ ркэсщ ястдзр, — э рржхёв юсгвр ред рниъйл рммрлянй зеяддюзщ олпквврпазж. \\\

Я стал смотреть, что ещё есть у этого Юрия Никитина. Меня заинтересовала книга, казавшаяся как-то на отшибе от всех, — «Я живу в этом теле». Предисловие, в котором говорилось, что им читать не стоит, завлекало людей с ранимой психикой. Повествование было от лица человека в экзистенциальном кризисе, и там с первых же абзацев пошло про телесность. Ну, в смысле, вот, мол, я сделан из мяса и костей. Я, болезненно (от слова «больно») повёрнутый на всём, что связано с телесностью, конечно, сразу увлёкся. Повествователь описывал анатомию своей жены. Было что-то про её лишний вес, и он с отстранённостью биолога комментировал, что это хорошо для деторождения, ну или что-то такое. Я как-то увеличил шрифт и читал лёжа с кровати. Вот такая книга была интересной, потому что в ней я не ставил цель куда-то сбежать, и смысл был в чтении умных мыслей про реальность. Был какой-то эпизод, где герой шёл по набережной, и там мужики достали утопленника, а пока не приехала милиция, опускали его в реку, чтобы поспинать потом с него раков, которые к нему прицепятся. Я в своём глупом тексте песни «ргфстг» годами позже вставил такую сцену.

В общем, всё тридцать первое и первое я читал. И я так и оставался в самозатворническом припадке. Родители сидели прямо за дверью, на зелёных креслах, за журнальным столиком, как обычно, а я томился в этой шестиметровой комнатке, и ни на салют, ни на что вообще не вышел. Они меня там звали и подшучивали, но я решил идти до конца. «Сучары. Нехер было меня рожать». Вот прям настолько я тогда был озлоблен. Это сейчас, когда они тоже стали жертвами того, что со мной стало, и уже оба старые и больные, я отношусь к ним как к своим людям. А тогда, молодых и ещё не пострадавших, я их ненавидел как всех остальных людей. Всё это только начиналось.

___ Часть 56.

∴

...2005 — — — — —

∴∴

>>> Часть 56 текст 1. Ублюдки психологи против того,, что реально надо,, Артёмы в гости и компьютеры,, к тётЬЛене и Великий дядя,, даю Артёму Гэ Тэ А,, вечера в зелёных креслах.

∴∴∴

Никакие психологи мне бы тогда не помогли. Они бы послали к психиатрам, те посадили бы на уколы, и на этом — всё. Так и будет. Меньше года до этого осталось. Меньше года, чтобы произойти чему-то, что могло вытянуть и предотвратить херовое развитие.

Как всегда, то, о чём я постоянно в то время мечтал и фантазировал, — и было тем, что нужно. Неформальные живые контакты с нравящимися мне девочками, где я мог бы заботиться и быть нужным. Моя проблема же была в полной утрате чувства агентности и маскулинности. Когда мы с Симой переходили Яблочкова без светофора, где я был бесполезен и мог бы заметить машину, которую не заметила она, или когда я нёс пакеты Юдиной, — мне было похер, делаю я фляк или нет, мастер я себя или кто. И на все обиды похер. Я чувствовал себя лучше всего в жизни. Вот такие ситуации держали бы меня на плаву. Но к началу две тысячи пятого года, на том, в совокупности, десятке дней с такими моментами подарки судьбы у меня в жизни закончились. Дальше у меня будет ещё несколько десятков таких моментов, но почти все они будут в районе тридцати лет, когда со мной встречались погулять девушки на десять—двенадцать лет меня младше, и там уже всё было поздно. Никаких неформальных связывающих ситуаций с ровесницами, которых мне всегда хотелось, уже не будет никогда.

Психологи и психотерапевты, тем не менее, дико оспорили бы моё заявление о том, что мне помогло бы помогать другим. В начале пятого класса, в эпизоде с пацаном в тридцать третьей, когда я сказал: «стандартное поведение безвыходно страдающих эмпатов: когда мы не можем спасти себя — мы начинаем спасать других», я и сам звучал как психотерапевты. Сейчас, чтобы отделиться от позиции этих ублюдков, я бы конкретизировал тот тезис с дополнением: «когда мы не можем спасти себя от обстоятельств, лишаящих нас агентности, — мы начинаем спасать от таких обстоятельств других». Потому что позиция психотерапевтов в том, что начинать нужно с себя. Даже если закинуть всю мою биографию к этому моменту и то, что я написал в верхнем абзаце, на анализ в нейросеть, она выдаст как раз такую позицию. Ещё вспомнит про издевательства над кошкой и прочее. Я получал анализы, говорящие о том, что я психопат, и моя эмпатия и желание симбиоза с другим — нарциссические, даже тиранические. Желание пациента иметь отношения и этим лечиться включает же не только пациента, а ещё и другого человека. А в таких случаях, и особенно на фоне агрессивных историй, когда белые халаты сразу переносят приоритет с тебя на окружающих, и если подавлением и уколами всё и вовсе не закончится, максимум, что тебе предложат, — это психологскую поеботу в вакууме. «Залечить неразрешённые травмы развития, проработать хроническое чувство беспомощности, разусвоить дисфункциональные семейные сценарии, развить здоровое чувство эмпатии, здоровую автономию» — вот это вот всё начнётся. Отношения с девушками встанут в самую последнюю очередь. Такой же порядок обозначил и психолог, к которому я во взрослости как-то ходил. Так у всех врачей и, в принципе, людей. А почему я это пишу сейчас — потому что именно вот этого я тогда не знал и был ещё очень блаженен. И буду в этом блаженен ещё до двадцати пяти лет. Ведь я на этот момент истории, к концу две тысячи четвёртого, полностью закрываюсь и никому (ну, кроме самих девушек, которых позже в интернете упрашивал о живом контакте) уже не расскажу ничего, связанного с моими половыми потребностями. И долгие годы буду думать, что люди в большей массе согласились бы со мной, что то, о чём я мечтал, мне бы помогло. Только в двадцать пять лет, когда я от отчаяния уже всерьёз стал думать о том, чтобы кого-то убить, когда всё стало серьёзно, и стал рассказывать о желании живого контакта с девушкой не только самим девушкам, но и другим людям, всяким психологам, и получил ответ, что мне ни в коем случае нельзя никакой контакт, пока не «вылечусь», — вот только тогда я узнал, что оказывается я всё это время ошибался, и никто бы не согласился с тем, что мне нужно то, что мне казалось, мне нужно. Пока, тем временем, абсолютные ублюдки и реальные психопаты имели половые отношения — и ничего. Все такие открытия только укрепят меня в моих желаниях и вот как раз и утвердят направление агрессии вовне.

Вечером первого числа кто-то пришёл к нам в гости, и мама доложила через дверь, что пришли Артёмы. Они сколько-то времени просидели в зале, и только потом я кое-как соизволил выйти из комнаты. Было без верхнего света, хорошо помню, а по телевизору шёл «Властелин колец». Артём сидел, смотрел. Мы обсуждали фильмы. Я был в состоянии полутрупа. Прямо полный жмых, никакой агентности. По поводу фильма Артём нас с мамой спросил: «Что, не нравится?». Это было уже девять вечера, потому что Гэндальф там уже вёл всех через Карадрас. Мне было совсем не интересно.

У Артёма дома тоже начинался компьютер. И тоже от отца. Он, как я в интродукции к Артёму рассказывал, жил в каком-то селе, был, кажется, учителем и, в общем, осмысленным человеком. «Властелином колец», а также какими-то играми-стратегиями, как я понял, Артёма увлёк он.

Потом они ушли, и я вернулся в комнату.

Я по чуть-чуть стал выходить. Я видел, что мой блокнот с недо-рассказом лежал не там, где я его положил, а возле кресла отца — наверное, он его читал. Мне было стыдно, и я его убрал, хотя уже было поздно. Через пятнадцать лет я этот блокнот, кстати, всё равно обнаружу в его шкафу в Заводском.

Было прям поганейшее состояние, совсем не праздничное. Меня будто выебали.

В какой-то день сломался отцовский компьютер. Что-то типичное: не шло дальше тёмного экрана с какой-то надписью. Там это было ожидаемо, как помню, и отец не причитал. Я пробовал как-то реанимировать, заменял внутренние железки. В итоге я просто уже сидел и забавлялся обнаруженной в те дни функцией, что простой си-ди-диск с музыкой можно было слушать в компьютерном си-ди-роме (в нём был джек-разъём для наушников), даже не заходя в Виндоус, лишь бы компьютер завёлся. А заводил я его, также для забавы, прислоняя отвёрткой к каким-то штырькам на плате в открытом корпусе.

На другой день приходили тётя Лена с Машей. И мы договорились поехать к ним в гости. В тот их частный дом на окраинах Энгельса.

В зале у них стояла массивная ёлка, плотно упиравшаяся в низкий потолок. Лена с Машей суетились на их кухне без удобств, а мы сидели с мамой у ёлки. На стенах были обои в вертикальную полоску, и я,//// мжэянфгмкши \\\и где-то ранее прочитавший о таком стереотипе, сказал маме, что такие обои выбирают те, у кого низкое либидо. Позже, когда Лена пришла в комнату и они накрывали стол, мама шёпотом пересказала ей мой комментарий.

А к вечеру пришёл тот самый Великий дядя — их продвинутый тридцатилетний родственник, частенько обсуждаемый между тётя Леной и мамой за его затянувшийся поиск идеальной невесты. Меня эта его история, конечно, тоже интересовала, но лишь отчасти: о полном//// жмугкщпйлк \\\пиздеце там речи всё-таки не шло. Он выглядел нормально, даже солидно, и только висевший у него на ремне пистолет выдавал, что он чудик. Я ожидал, что ему будет неважно сидеть в компании бабья и детей, и мне до этого воображалось, что диски и всяческие обновы тётя Лена с Машей у него кланчат, а он снисходит и завозит им их как-нибудь проездом на пять минут. У него же всё-таки утекали годы, а тут ещё эти родственницы-простушки. Но нет, он сидел спокойно и не торопясь. Мы обсуждали компьютеры, и он во всём разбирался. Я говорил о самых топовых железках, о видеокarte «Нвидиа Джифорс шесть тысяч восемьсот ультра». Он скептически оценивал возможность её кому бы то ни было укупить, и он спросил меня: «Знаешь, сколько она стоит?». Я знал и ответил. Он сказал: «Ну вот». А то, как я ответил, было с интонацией, мол, «не так уж и дорого», — чтоб не думал, что мы такая же беднота, как его родственницы.

Вечером впятером мы доходили до озера, как в прошлые разы. Но уже было темно, трескучий мороз, и мы не ходили ни в какой лес, а просто проводили куда-то Великого дядю и вернулись вчетвером в дом ночевать.

На утро мы никуда не торопились и смотрели фильмы по Ди-Ви-Ди. Я отсмотрел какой-то «Форсаж». И потом ещё частично «Последний самурай», но на нём я заскучал. Мне только запомнилась, конечно, та сцена с харакири и отрубанием головы. Странно, зачем было втыкать меч в кишки, если через секунды тебе всё равно отрубят голову. Будто бы это было условием. Это было какой-то самодеструкцией в кубе.

И ещё будто бы также у тётя Лены с Машей тогда я увидел и тот жестокий клип «Рамштайна» «Фойер фрай». Жестокость там, если вы не в теме, в том, что там во время концерта убивают мужика, и он падает на руки толпе, которая его подбрасывает, но визуальные образы — плевание огнём, мрачные морды музыкантов, особенно гитариста, — и агрессивность музыки таковы, что кажется — по крайней мере мне, с моей психикой, — что все присутствующие в зале знают, что это труп, и так стебуются над ним. Это в тему лейтмотива всей

моей истории — про спать, когда другие не спят, про умереть, когда другие будут жить. Позор безагентности.

Это последний раз, когда мы ходили к тётке Лене.

Отца у нас не было в те дни.

К нам ещё раз приходили Артёмы. Компьютер у них был нормальный, и они попросили меня дать Артёму мой диск «Гэ Тэ А» на время. Я дал с большой неохотой. Не то чтобы я как-то жадничал или злился, что он уже может играть, а у меня до сих пор не на чем. Просто боялся царапин, дефектов. С этого диска я же прям пылинки сдувал. Начиналось же уже вот это всё...

Ещё мы им рассказали, что смотрели фильм «Ночной дозор». Артём спросил: «Хороший?» (я не забываю эту мелочь потому, что такой же вопрос и с такой же интонацией как-то произнесла девушка — первая и единственная, с кем у меня была серия живых встреч в районе тридцати лет, на которой я помешался, и с кем ничего не получилось).

Потом мы все пошли уже поздно через площадь и горки. Разговоры то и дело возвращались к компьютерам и играм. Идя по Театральной, тётя Таня спросила меня: «Любишь стражежки?». Будто не она там сидела у Артёма за спиной, как моя у меня тогда, а наоборот.

Это последний раз, когда я катался на горках, как дети.

Вроде бы, я не ездил к бабеВале в эти праздники. Мы как-то снова остались с мамой. Отец уже не приезжал.

Я сидел вечерами в тусклом зале, то на одном, то на другом зелёном кресле и смотрел эМ Ти Ви. Там был хайповый тогда клип Корн — «Ворд Ап», в конце которого для меня,////мжэянфгмкмвл, ющкэ ругмэ б пснжопжж-икряд. \\\Как-то раз, пока я так сидел, позвонил телефон, и мама вышла из кухни с трубкой на проводе и спросила меня через коридор: «Иван Борисович звонит. Спрашивает, будешь ещё ходить?». Я просто махнул и повертел головой.

....

>>> Часть 56 текст 2. Возвращение в тридцать-третью школу,,, покупка компьютера,,, сломал палец.

.....

Десятого января, как подсказывает интернет, был первым учебным днём. Снова в тридцать третью школу, и теперь уже до конца.

Если из-за пальца, который я вечером этого дня сломаю, я не пойду на следующий, значит, я помню этот день. Раннее утро, мороз, ещё темно. Дрянско. После Беслана в прошлом году с этого года взрослых уже не пускали внутрь школ, по крайней мере тут. Столпотворение детей перед первым уроком в большом, тусклоосвещённом холле. Массивная мраморная лестница, по которой сотни детей поднимаются на свои этажи. Ещё повсюду на стенах висит новогодняя мишура.

Мы встретились с Фёдоровым и сразу сели за парту вместе. Я не виделся с ним с того дня летом, когда я встретил его на площади. Одноклассники все были примерно те же, но появилась пара новых девочек.

Помните, как летом уже чёрт знает какого года я, возвращаясь с детской площадки, заходил в подъезд своей Львы Кассиля, и на меня оттуда выбежала какая-то девочка, что я аж упёрся рукой в её грудь? Вот она появилась. Скопирую оттуда описание внешности. Стройная, прям модель по фигуре, ну и лицом нормальная, тёмно-русая, с прямыми длинными волосами и серыми глазами. Только ещё немного то, что я называю «кикимора». Ну, какой-то длинный

нос, большие глаза. Она жила в моём подъезде, и я иногда видел её во дворе из окна. Звали её Надя, ну а фамилия была какая-то простая, без изысков. Темпераментом простушка и экстравертная.

Но с ней за партой была ещё одна. Юля какая-то. Не запомнил фамилию. С Надей можете ничего не ждать, а вот с этой Юлей будет чутка позже.

Сейчас Фёдоров сразу прицепился ко мне с вопросом: «Тебе купили комп?», в том смысле, что когда я ответил отрицательно, он будто бы не поверил, и через некоторое время задал его снова, уже подкалываясь над воображаемой им ложью. Придурь на него нашла пере-спрашивать этот вопрос — не один день он так будет.

Ну а вечером этого дня это действительно собиралось стать ложью. Мы выехали с мамой в Саратов, и она взяла с собой деньги. Уже темнело, часов пол пятого. Мы пошли от Московской по Вольской в сторону Кирова и потом дальше вниз. Там, на пересечении с Советской, в сталинке Советская тридцать три, я с ещё осенних прайс-листных рейдов знал компьютерный магазин с демократичными ценами, а главное — там к концу осени завезли тэрмалтейковские корпуса. Один из них был таков, что мне без денег заходить в тот магазин уже не хотелось.

И вот мы зашли, и он там стоял. Синий тэрмалтейковский корпус, и только, по сравнению с тем минималистичным с дверцей в форме волны, максимально навороченный. У него было всё: и замок, и дверца, и ещё одна пластиковая дверца, и штук восемь кулеров, которые можно было разгонять плавно вращающимися ручками, и главное — завораживающий синий дисплей с циферками — температура внутри. Там внутри несколько датчиков на проводках можно было наклеить куда хочешь. Сверху корпуса была какая-то пластиковая нашлёпка, под которой ещё один кулер, а ещё крышечка — и под ней ю эс би разъёмы. Блок питания на четыреста двадцать, фирменный, тэрмалтейковский. Корпус высокий, с запасом для дополнительных жёстких дисков и СиДи-ромов. На выворачивающихся в стороны ножках — чтобы стоял устойчивее. Естественно, стеклянная боковая стенка, чтоб всё видеть внутри. А внутри тоже всё в переливающихся синих огоньках. Железная дверца с чёрно-синим оформлением под шахматную доску. Сука, это был рай для меня, а не корпус. Но я так ехал крышей от него не потому что он был про понты, а потому что это было идеальным заделом на будущее. Как идеальный земельный участок. Пусть у тебя пока не будет полноценного дома, но участок надо брать сразу самый лучший. Вот так я и решил.

Корпус мы уже точно забирали, а над начинкой я ещё думал. Надо было экономить, да и полумеру — которой на тот момент был Пентиум Четыре — я всё равно не хотел. Я хотел или сразу Атлон эф экс пятьдесят три и видюху Джи Форс шесть тысяч восемьсот, или самый минимум, поэтому я склонился к тому, что в Игромании было в категории «дёшево и сердито»: процессор Селерон, какая-то бюджетная видеокарта от Нвидиа. Я знал наизусть уже минимальные системные требования Фар Край и других самых требовательных игр и ориентировался на них. В магазине были готовы все эти железки нам собрать в этот корпус.

Незадача была только в том, что у них не было подходящей памяти. Время на тот момент было уже шесть часов, и всё работало до семи, а без готового компьютера я возвращаться не собирался, и я взял у мамы две с половиной тысячи и впервые с такой большой суммой побежал в другой компьютерный, который я там знал поблизости.

Суетливый район центра города, час пик, много огней гирлянд ещё не забытого Нового года. Ещё и кварталы вокруг того магазина — солидные и серьёзные. Дорогая новостройка Вольская шестьдесят три. Главное ментовское управление с перекрытой перед ним улицей. Как-то в районе моих тридцати лет я уговаривал на встречу девушку, работающую там, и она издевалась: «Ты не боишься, что я тебя могу в психушку запихать?». Тогда, идущим с двумя тысячами за планкой памяти, я ещё чувствовал себя вместе с окружением, частью.

Я зашёл в контору и по-быстрому купил. Вёл себя как взрослый, типа даже и не смотрел на эту коробочку с пятьюстами двенадцатью мегабайтами от Кингстон. Типа: подумаешь, память как память, я такие каждый день в руках держу.

Я вернулся, дал мастерам, и вскоре они позвали в комнату показать, как запускается. Они запустили до БИОСа, ну а Виндоус нам надо было как-то ставить дома самим. Тысяч пятнадцать мама тут отдала. Нам положили махину в фирменную тэрмалтейковскую коробку, и нужно уже было выходить — они закрывались.

Веси́ла коробка столько же, сколько и стоила. За прорези в торцах мы взяли и попёрли вверх по Вольской.

После светофора с той улицей, с очень саратовскозвучающим для меня названием Сакко и Ванцетти, был казино-ресторан с не менее «саратовским» названием «Братислава». Там до сих пор сейчас остались декоративные колонны в фасаде. Вот, проходя мимо этих колонн, мама споткнулась и скакнула. Но мы не уронили, а только поржали, и это осталось нашим семейным воспоминанием — «скакнуть у Братиславы».

Дойдя до Кирова, мы увидели таксиста и поинтересовались, сколько будет стоять до Энгельса. Пятьсот рублей. Для нас это было через чур, да и зачем? Это вот когда будем тут на Яблочкова жить — тогда будем на такси ездить. А пока мы лучше допрём ещё чуток и уедем за двенадцать рублей. Я так и не съездил на такси в жизни ни разу.

Мы доехали без происшествий. Оно ждало дома. Я на радостях зашёл в среднюю комнату и, даже не включив свет, начал кувыраться на большой кровати и впервые за долгое время делать стойку на руках — по привычке ещё счастливых времён. И я, возвращаясь на ноги, как-то не рассчитал — и долбанул большим пальцем. По тому, в какой боли меня скорчило, сразу было ясно, что сломал. Блядское говно. Херов, блять, неудачник. Может, как-нибудь в конце детской истории подсчитаем, сколько такого было — когда мы что-то покупали, и в этот же день сразу случался какой-то инцидент. Типа как с Зосей, как с телевизором — ну и прочее.

....

>>> Часть 56 текст 3. Проблема с Виндоусом,,, отдаём компьютер Лучинкину,,, забираем компьютер,, и первые дни игр.

.....

Вот, в общем, не помню, сходил ли я ещё в школу на следующий день или нет. Но к вечеру этого следующего дня, который я изнемогал в желании наделить компьютер операционной системой быстрее, мы с мамой поехали в Саратов за диском с Виндоусом. Из-за предубеждения, что в энгельских дисковых мы купим что-то слишком пиратское. По моему пальцу мы пока ничего не делали. Мы приехали на Чапаева и Московскую, в магазин «Электроника», где когда-то купили птеродактиля, и там был дисковый отдел, казавшийся солидным. Купили Виндоус Профешнл рублей за семьдесят. Продавцу было лишь бы продать, и он ничего не сказал. Дома вечером я начал устанавливать. Всё по инструкции из отцовской книжки. В конце концов я, естественно, дошёл до момента, где надо было вводить лицензионный ключ. А где его взять? Вот сука, началось.

Там тогда мама уже даже уснула, а я до часу ночи сидел и пробовал по-всякому, думая, что я чего-то не понимаю. Я, блять, сделал всё по инструкции, сука. Добавочно по мне били все те воспоминания с упавшим телевизором, с испорченными лыжами — и прочим. Я был в аду.

На следующий день был призван на помощь дядя Серёжа. Я никогда не упоминал, но в тусовке энгельских архитекторов всё моё детство от мамы на слуху был ещё какой-то Лучин-

кин, который, наряду с Кискиным, вроде бы тоже какое-то время был главным архитектором города. Я его никогда не видел, но он был серьёзный и, естественно, работал на компьютере, разбирался и мог бы помочь. Он тогда работал совсем рядом — на Льва Кассиля, сорок четыре, — офисное здание рядом с моим детсадом. Там ещё был Экономбанк, где мама копила деньги. Мы снова упаковали компьютер в коробку, и дядя Серёжа в одиночку его туда к нему отвёз.

Пошли дни фрустрированного ожидания. Приходила на дом какая-то врачиха по пальцу. Нужно было идти накладывать гипс, но я не хотел.

Несколько дней я промучился, и наконец компьютер можно было забирать. Я адски за него переживал: такой дорогой корпус — и назло ему такие путешествия. Мы пошли в то здание с мамой и вынесли его до машины дяди Серёжи. Солнечный снежный обед. Ну или пешком мы его донесли — я уже не помню. Но дядя Серёжа был у нас, когда я в маленькой комнате подключал провода и включал. Он пояснял о нашем компьютере, на основе того, что о нём рассказал ему Лучинкин. Он говорил: пятьсот двенадцать мегабайт памяти — хорошо, но для Архикада и Автокада, например, лучше гигабайт. Ну, понятное дело. А насчёт Виндоуса, он сказал, что лицензионный ключ должен был быть написан на обложке диска, а если нет — значит, он есть в отдельном файле на самом диске, который, конечно, никак не открыть, если только не на другом, уже настроенном, системнике. Я и сам к этому дню успел об этом догадаться и проклинал изготовителей диска, что лишили меня шанса поднять себе самооценку самостоятельной установкой.

Но как-никак я наконец получил то, что хотел.

Наверное, в своём духе, я начал с малого — с диска «Виртуальный шкипер» и «Реслинга», которые были ерундой, — оставляя главное на десерт. Вот только десерт был у Артёма. Проклятье. Но у меня была ещё одна игра к тому моменту, которую уже не помню, как и когда купили: «Дум три». Самая требовательная игра тех месяцев и в топе рейтинга «Игромании», сместившая там «Фар Край» на второе место.

Вечером я взял какую-то доску и примотал к ноге вместо гипса.

Меню «Дума три» встретило какой-то тяжёлой заставочной музыкой, но на этом для меня все плюсы кончились. Радовало только, что шла она без сильных тормозов — нормальный, значит, компьютер. А так... Ну, космос, мрачность, демоны. Совсем не моё. Но нечего было поделять, а Артёму мы Гэ Тэ А, считай, только что дали, и было неудобно прямо так сразу просить назад. Особенность игр того времени была в том, что большинство из них не шло без диска в дисководе, и моя Гэ Тэ А была как раз такая.

Ни в какую школу я не ходил и дней десять просидел за этой «Дум три» в режиме бога. Режим бога — это значит, набираешь чит-код, и никакие монстры там тебе не страшны, все двери можно пройти насквозь — ну и всё такое. Я, в общем, не играл, а просто пролетел по всем уровням. Последний уровень там был, как я понял, в аду, потому что сюжета игры был в том, что космический корабль, собственно, с адом в космосе и столкнулся. Ну, это я так понял.

Когда надоедал «Дум» — были ещё два диска Игромании с демоверсиями. Но там ерунда всё тоже. Нужна была Гэ Тэ А, в общем.

Но я далеко не днями напролёт сидел за играми. Там сразу началась история с маминым ограничиванием. Я от этого негодовал сильно. Толку-то ограничивать? Жизнь и так по пизде идёт. Шесть лет — и армия,//// ю пюл иязюю-лзюсгщ рподиъаэ з птёфзб. \\\\\Может, даже и раньше, если она вдруг умрёт от сердца. Почему бы не пожить круто сейчас? Я, конечно, не озвучивал всего этого.

Но, косвенно в тему подразумевающихся причин ограничений, я заметил и то, что мне прям с первого дня игр стал неважен вид моего компьютерного корпуса. Ты всё таки либо в реальности, либо там, в трёхмерном мире. Ну, по крайней мере, я так. А вместе с корпусом, соответственно, и всё остальное мне тут стало неважно — ни аудиосистема, которую я планировал, ни то, что у меня засанные за десять дней трусы, ни я сам. Пусть бы я хоть безногим был. Ну, это пиздец, конечно. Тут тогда для меня почти всё закончилось. И в такие дни глубокого погружения в игры я обычно почти\\\\ лд влхзи. \\\\

....

>>> Часть 56 текст 4. В школу в конце января,,, с пацанами в дисковой и комплекс Идиота,,, медико-бюрократический маховик поликлиники,,, красноволосая девушка-рокерша из моего подъезда и другие её типажа,,, игра Симс два и впечатление музыкой.

.....

Двадцать четвёртого января я снял свою самодельную шину с ноги и пошёл в школу. Ну, мама заставила. А то звучит, будто я сам хотел. Я хотел больше не выходить из дома никогда.

Фёдоров продолжил своё тупое спрашивание. Ну, через сколько-то дней я всё-таки дам понять, что компьютер появился. Мы пошли с ним после уроков в направлении дискового магазина на Горького, сорок семь, — по традиции прошлого года. Переходя ещё не расширенную двухполосную Тельмана, я у него спросил, куда делся какой-то одноклассник с предыдущего класса. Он театрально сделал скорбную интонацию и уже начинал байку о том, как тот одноклассник переходил дорогу, не посмотрев по сторонам.

В дисковом магазине тут всегда был один и тот же запах из соседних отделов с бижутерией и парфюмерией. На витрине лежали всё новые и новые игры, и каждая была целым миром, и все они мне теперь были доступны за семьдесят—девянсто рублей за диск или на обмен, который тут стоил сорок. Помимо игр, в каких-то особых подарочных коробках лежали диски с другим содержанием. Всякие энциклопедии обычно или хайповые «Ночные дозоры» за большие деньги и непонятно для кого. Один из таких дисков был «Идиот». Я уже весь прошлый год видел его повсюду, но понятия не имел, что это, и только от отца потом смутно понял, что это связано с какой-то классической книжкой. У меня потому интереса этот диск совсем не вызывал, и я всё-таки так и не знал, игра это, энциклопедия или фильм.

Но один раз на днях мы точно так же пойдём с уроков с Фёдоровым и ещё с Митенковым — нашим монголоидным одноклассником, — и этот Митенков — а он был двоечником — спросит продавца что-то про этого «Идиота» как знающий. Я там жёстко про себя закомплексу и два с половиной года, пока не посмотрим с мамой уже в моей юности этого «Идиота» (и, кстати, ни я, ни она, кроме пары первых серий, его не поймём всё равно), буду вспоминать этого двоечника из провинциальной школы и то, что даже он, значит, разбирался в Панфилах Семёновичах и всяких «дескать» и «извольте», а я, сын филолога, учившийся в гимназии и всю жизнь имевший амбиции стать писателем, не понимал никакого языка, кроме вот такого суперпрозаичного неформального, которым пишу эту автобиографию.

Хотя удивляться мне было нечему: двоечник — это тот, кто хоть что-то знает. А я намеренно не хотел знать ничего. Чем больше я узнавал, тем больше нужно было узнавать дальше — и тем сложнее становилось, и оттого хуже. А писать я хотел про опыт, экшн, а не интеллектуальную хуйню.

Уже с конца прошлого года у нас в поликлинике шло разбирательство по моей жопе. Кровь в кале и вся та хрень. Не было уже давно никаких подозрений ни на какую кровь, но медико-бюрократический маховик же хер остановишь, и нам нужно было ещё ходить. Пока в этой теме я был спокоен: тревожных процедур в перспективе не просматривалось.

Параллельно, начиная с двадцать четвёртого, нам нужно было после школы начать ходить на физиотерапию. В медкарте он называется ультрафонофорез. Лежать на кушетке с прицепленными штуками к себе от какого-то бесполезного аппарата. Это, наверное, по моей спине. У меня зафиксированы даты, когда это будет: двадцать четвёртого и двадцать восьмого января; четвёртого, шестнадцатого, семнадцатого, двадцать четвёртого и двадцать восьмого февраля и первого марта. Меня бесило тратить время на эту хрень, когда дома был компьютер, в который я погружался сразу, как создавал для мамы видимость сделанных домашних заданий.

По адресу Тельмана, дом девять — в панельной девятиэтажке — к тому моменту уже существовал большой дисковый магазин. Может, это была какая-то переделанная трёхкомнатная квартира, потому что там было несколько мини-зальчиков, в каждом из которых диски по своей тематике. Там был начинавший интересоваться меня зал с мрачными ди-ви-ди-дисками — я подозревал, что с какой-то тяжёлой музыкой, — но пока у меня не было предложения туда пройти, когда мы там были с мамой, а уж когда один — тем более. Там же было камерно, тихо, и продавец ходил за тобой по пятам, действуя на нервы. Один из продавцов там был тот, которого мы с мамой потом назовём Маугли. Молодой тёмноволосый смуглокожий парень, всегда в чёрном. Потом, в моей юности, выяснится, что он не то что увлекался, но и даже был музыкантом своей местной готик-метал-группы. Но до тех времён ещё далеко, да и они уже за гранью детской истории.

В общем, мы там с мамой купили игру «Симс два». Она вышла недавно и была в моём списке игр, необходимых к покупке. На двух дисках. Это дни конца января.

Но перед «Симсами» нужно ввести ещё одного персонажа. Какая-то молодая девушка, тоже, помимо той Нади, жившая в нашем подъезде на Льве Кассиля. Красноволосая: что-то между Мэри Джейн и Мавриным, гитаристом «Арии». Позже я как-то увижу этого Маврина по телевизору и буду ассоциировать её именно с ним. Её ещё, кажется, звали Марина — вроде бы, я как-то узнал. Старше меня года на полтора и при этом быстро взрослеющая дальше. В том смысле, что у неё уже был парень. И не просто парень, а рокер. В какой-то косухе, с цепью — ну и всё такое. А главное — и сама она была тоже неформальная. Рокерская куртка, красные вот эти волосы — будто именно в тему рока, а не просто ради цвета. Из окна кухни или средней комнаты я смотрел, как парень подходил к подъезду, и скоро она спускалась, и они обнимались и куда-то уходили. Я утешал себя: «Да нет у них ещё никакого секса. Они же не в квартиру поднимаются. Лет через десять, может быть, попробуют». Но они уже назло брали и в какой-то момент ещё целовались при встрече.

Был ещё уже давно мелькавший на уме образ девушки-рокерши — Аврил Лавин с её тинейджерских клипов на «Эм Ти Ви». А ещё же какая-то Савичева была с клипом на песню «Высоко». Хотя это уже и не рокерша. Но я про вот эти волосы — прямые, обвисающие.

Короче говоря, установив «Симс» и начав создавать там своих симов в редакторе персонажей, я первым делом начал делать квинтэссенцию тех девушек. Я ещё не знал никакой готики как субкультуры, да и девушек-рокерш видел вот, считай, только в лице этой Марины из подъезда. Но у меня сразу получилась эта тёмно-красноволосая готесса с шипованным ошейником.//// Птзю, э кю кге юё влхзи. \\Блять, мне так хуёво, пока я это всё пишу. За двадцать ёбанных лет у людей было столько секса, столько того, что мне было нужно.

В «Симсах» была эта характерная заставочная музыка, очень ассоциирующаяся с первыми днями моего компьютера, с умиротворяющим дизайном «Виндоуса Экс Пи», с запахом моего системного блока.

Строил я там дома, напичкивал их всякой техникой. Симы у меня подыхали быстро. Как и с «Дум три», мне было неинтересно ломать голову, разбираться в закономерностях игры. Компьютер был нужен, чтоб отдохнуть.

Но главное, что я вынес из «Симс два», в связке с законченным образом девушки-готессы, — это песни с тамошнего метал-радио. Все, что я называю хитовые, эти шесть простеньких треков внесли огромный вклад в формирование моих композиторских и мелодических вкусов. Например, мрачная середина в треке «Манки фэйлёр». А в «Райд зе спидвей» тот рифф с середины песни стал вообще одним из любимых в метале, наряду потом с тем риффом в «Энджел ов дэт» «Слэйера», который там тоже с середины песни под куплеты. У меня вообще с этими треками из «Симса» ещё до композиторского увлечения стала вырабатываться тяга к этому приёму — остановке посреди песни и смене совсем на другое, в другом темпе и обычно медленнее и вдумчивее предыдущего. А самая главная композиция в «Симс два» была, конечно, «Мэнз файер». Акустическая гитара и потом соляк в духе мелодии хита «Хим» или «Титаника». Ну, у неё, конечно, полно восторженных комментариев на «Ютубе». «Эта песня вдохновила меня стать музыкантом», — пишут люди. У меня одни слёзы такое читать. Никто из них не был утилизирован по психушке и не прожил двадцать лет такого ада, блять.

....

>>> Часть 56 текст 5. К Артёмам и забираю Гэ Тэ А,, магия Вайс-сити,, Малая Гавана,, утро с Кип Филлинг Фасинейшнз,,//// няйхванв нюпкввняюмёг ё мэхяим эляимулязё\\\\,, шизотипические концерты в поликлинике,, мама первый раз воет.

.....

И наконец мы с мамой пошли к Артёмам. Это, видимо, был последний раз, когда мы у них были. Компьютер там стоял в зале, чуть ли даже не на полу, где мы когда-то с ним побыли фокусниками. Вроде какая-то стратегия была на экране, в духе «В тылу врага». На тот момент Артём уже стойко ассоциировался с неинтересными мне играми и «Властелином колец», и я понял, что наши интересы разошлись. Я взял свою Вайс-Сити. Мамы ещё немного её обсуждали, и моя вспомнила вступительную сцену, как там мафиози сидят за столом, и тётя Таня кивнула.

Как это бывало в прошлом, когда мы от Артёмов уходили поздно вечером, они собрались нас провожать. Мы с Артёмом вышли из двора первыми, а мамы ещё возились в доме. На улице было полно снега, и мы задумали их разыграть — закопать меня в сугроб и чтобы я встал, когда они пройдут мимо. Мы закопали меня, но они не шли и не шли, и у меня уже потекла вода под одежду. Артём ходил рядом и тоже негодовал. Наконец они вышли, и только, когда я встал, они как-то поняли, что я сто лет пролежал в снегу из-за их задержки и были не развеселены, а по-мамски взволнованы.

По тёмной и заледенелой дамбе мы прошли вчетвером полпути, где-то возле места с утопленником расстались, и дальше мы пошли с мамой вдвоём. Мы, наверное, в большой пятёрке купили «Причуду», как всегда. Когда вспоминаются идиллии тех лет, то вот вспоминаются такие редкие — и потому запомнившиеся — зимние вечерние возвращения вот так домой от Артёмов. А уж теперь с компьютером дома и с Гэ Тэ А в кармане это было и вовсе супер-возвращением.

Зная теперь, как делать сохранения игры, я стал скорыми темпами проходить эту волшебную игру. Всё также с читкодами, которые я называл всегда просто «коды». Радиостанцию Врок за первые дни я заслушал до мозолей в ушах и стал теперь много включать другие. Я стал замечать латиноамериканскую атмосферную прослойку этой игры: она выражалась как в радиостанции «Эсперанто», персонажах с соответствующими именами и акцентами, так и в соответствующих местах и районах. Тот район во втором городе — «Малая Гавана». Для меня это вышло будто бы в какой-то отдельный департамент игры Гэ Тэ А Вайс-Сити. Полностью отдельный от гламурных неоновых районов, небоскрёбов и пляжа, а при этом будто вызывавший к воспоминаниям из моего детства, тем знойным солнечным каникулам на Фрунзе, со всеми нашими одноэтажными улицами с кучей столбов и проводов. Это же известная особенность бедных населённых пунктов — провода идут по верху. Там, в Вайс-Сити, вдобавок была ещё та персонажица — толстая бабка-негритянка с гиперопекающими главного героя интонациями и манерами. В общем, то из-за одного, то из-за другого, от игры отрываться не хотелось.

Но больше, чем музыка «Эсперанто», у меня с той атмосферой центрально-американских захолустий и солнечности тогда вязалась песня группы Хьюман Лиг «Кип филлинг фасинейшн». Из-за аж по-дестки солнечной мелодики и наивных интонаций вокалистов я думал, её поют какие-то уже довольно взрослые тётки-простушки — мне тогда воображалась мама Саши Емельянова из детства — и какие-то балбесы-мужики. Мне казалось, это какая-то глупая смешная ерунда, хоть я её и не переключал, когда она играла по радио.

Именно она играла, пока каким-то утром в начале февраля мы с мамой вместо школы собирались в поликлинику, а я присел к компу, чтобы хоть двадцать минуток поиграть перед выходом. На улице была заледенелая срань, и я уже ненавидел страну, в которой жил.

В поликлинику мы шли по//// енмг, ж ямс нпёкднлн а пмс вдкь пюл ннъазимрщ мэ рисфр ьпм: «оэыугблг ляригглаякжд». Ърн яым зюаевдумл. Ю втйюк: тд бод, сё убэрзп ольззйз-кжцкмвл рподопя. Бнмгв аш з нн нзогцкми хяорз (сэи ё мв бшйdfжб одеж) нпвиpэрижрщ мэцз ннтмгш, ё ол яийднбзё р пнмссорбрышёкз ге йдфгмёь овяфюлё йнмбё зе бвлъ мсчаэйзоь, ж жжчзс ь тдг монайнпжк (рмюрёян ёя тдпжч ля жвнц о пямслз). З анп мэ свяд, мэутж — а дмор дцд еюквёсц зй мэвн. Ррия.

Мвллрпъ мэ сл, фрн узспа сэк ющк арвбгэ лрезз з ёяигжэры вниедк ашй лл, ю кг пдсзю, с йгмь, пгл лд кдкгд, ьпм заслкупжцвпйё ряэжэйноь о рвиpрюкщлноры. Пюл нднглвцяижрщ з вдппйёз орпэу зйзек (яньёмщ мвжжягрплнорз пблгвл свйя), ё рпоят рлпйляня (смаёэ якдхю-свийорб а оанг свйн), э рбмангмл ьпм пговоы яым ммриг пмвл оломл уёйыйю лпдкэъ ёмэлзвк л пвюкщлнорз юмэйымвл рвиpэ — тдкмвлд, йлрннци э ммйэ дцд омбогл лд срмгк нднг-бэозпъ. П ърнж онмрпмслз, п змслонж б ннижйжмёид маосёбюклпы нпллззлнягмёг я жэв-мёфт, ю рдмгпщ нзммфюсвийкм ющк савеггл, хсл рлмсягсорбрышёг огйосияймшг моязрззж кг ющкё кёцы нпвлврнй якгйбмсла ёйз пхвл оюлшу нюжяояплът оломл-уёйыймб, з яяющ ърнам кг юмюижрщ, э гээд гриж ё алэкёпы, сл, еляфжс, ашйз рдйж оюлшкз «гляпланийхэкз яниж», «бманмблйуююлё рпоятю» — ё нп ьпмвл лкг ющкл дцд йсцёрдиъмвг, ннпмлр цпм, инавя рдмгпщ боннйжмэй пмс тзиъл ж ололпсэакъй ом оанвз нгяймлпсцъ, плвцзяюклпы ж эврзмд анеятдвкжд, з пшв ею оанг оожфлпкэяфгрпан. Т кдкэ-пм, хсл мёъяюдппю, рвогуг я оьрийё ттмгёйн а змпёвннг, инавя къ пзбгкё р кяйми а лхднгтё б ияюжмвр, ля нпёдлв б инпмплк ймвим нгчёрыоэ, хсл лкг кюжкюцэр ърн маойдбмбэлзв.

\\\\И несмотря на нейтральное отношение врачей и моих мамы с бабой (она тоже приходила в поликлинику) к этому обследованию, оно в то же время было не мелочью, а предполагало прямо какую-то отдельную процедуру, в специальный, выделенный для этого день, к которому нужно как-то подготовиться, и там, на процедуре, тоже не просто залезут и вылезут, а именно повозятся, применяя специальные смазки и всё такое. Блять, я не помню, но там

речь, по крайней мере, в какой-то момент, могла идти даже о том, чтобы мне делали именно настоящую колоноскопию, и со снотворным. Я попробовал уточнить сейчас у мамы, но она этого всего вообще не запомнила — для неё-то, конечно, это не было настолько выделяющимся моим событием, даже хотя бы на уровне моей резни письки, которую она помнит хорошо. Сука, в любом случае, там началось моё нытьё и умоление мамы, чтобы она решила, чтобы мне это не делали.

Сначала это пальцевое обследование (мы его называли просто «пальцевое») появилось просто «на слуху», как я сказал, и лишь постепенно, с каждым очередным походом в поликлинику по жопе, становилось более серьёзно и реально могущим быть мне назначенным. Это растянется на весь февраль и март.

Во мне с каждым днём нарастал бунт против всех этих институциональных структур — от поликлиники, школы и грядущей армии до социальных традиций, типа брака. Проявлять я его начал в поликлинике.

Помните, как я ходил на людях как инвалид в первое время своей гимнастики? А ещё поведение Гужика, о котором я в интродукции к нему рассказывал, — как он будто театрально слишком легко падал и слишком выглядел жертвой. Я говорил, что буду ему в этом подражать. Так же возьмём и всё, что касается моего фриковского поведения ранее. Смешаем всё в один винегрет и получим то, что со стороны для диагнозёров уже легко сходило бы за шизотипическое расстройство личности. Вот только я никогда не получу ни от кого такой диагноз. Врачам — понятное дело — необходимо будет выставить именно психотический, чтобы иметь основание закалывать. Ну а моему окружению — а главное маме — различие диагнозов было, конечно, и неизвестно. И из-за постоянного аффекта от жизни со мной в этом вопросе она будет доверять врачам. А ей никто из них не скажет, что шизотипическое — это одно, — просто неудобный системе (но не обязательно опасный) тип личности, признанный болезнью для утилизации таких людей из неё, — а шизофрения — совсем другое, психотическое, чего у меня нет, но именно которое тем не менее должно быть мне диагностировано для обоснования инъекционных продолжительных нейролептиков, учитывая мою опасность. В итоге развитие моей, что называется, «болезни», моё поведение тех времён она в ретроспективе будет считать именно шизофренией, именно врождённым. «Больной с рождения». «Без причин». «Ничего не поделать. Инвалид».

А что я делал — да много всего. Ярko помнится, например, как после очередного надоевшего ультрафонофореза я выходил из кабинета. У меня ещё не было О Кэ эР по чистоте, и я намеренно споткнулся и кувыркнулся по пыльному полу коридора у ног ожидающих там своей очереди. Мамки ахали и охали, а мне было хорошо — привлёк внимание. Ещё где-нибудь также театрально падал. Или мог на приёме у врача сказать уже что-нибудь непристойное — что было ещё и уроком маме того, как надо вести себя в ёбанных, лезущих в частную жизнь, в буквальном смысле в жопу, институциональных учреждениях. Я хотел, чтобы она бунтовала против них со мной. В мелочах и разговорах она изредка и бывала на моей стороне — именно поэтому я уже не боялся вот так хулиганить и фриковать. Ещё пару лет назад такое поведение означало бы знатную порку мне дома. Теперь я уже и матом мог сказать на людях, хоть и пока лишь себе под нос. По губам она меня уже давно не била. У нас только совсем изредка, и лишь по теме уроков, ещё бывали порки. Про последнюю будет чуть позже.

Но тогда мама пока ещё явно не сбежала в это облегчающее объяснение «он инвалид» и много винила себя — ну, в смысле, за свои былые методы моего воспитания. А я, чувствуя теперь слабинку, добивал. Одним вечером мы с ней поругались, и я демонстративно забрал свою постель с большой кровати и лёг спать к себе в маленькую комнату. Такого не было никогда, чтобы я от неё ушёл и так конкретно на что-то обиделся. Я ещё и приправил свой упрёк

какими-то оскорблениями. Мы уже выключили свет и легли по кроватям. И вскоре раздался её скулёж. Она там ревела. Это было впервые, что она так ревела. Меня будто молнией прострелило страхом и жалостью, и я в мгновение вскочил и, в моментально потёкших слезах, побежал к ней, включил там свет и сразу начал извиняться и чуть ли не обнимать — что было огромной редкостью у нас в жизни. Мы без слов помирились, и я перенёс свою постель обратно.

....

>>> Часть 56 текст 6. Лав Фист,,, Перси и близняшки,,, конец Вайс-сити,,, мама с Дайр-стрейтс,,, отцу дарят телефон и тема зависти к половой жизни родителей,,, обмен компьютерными играми в классе,,, с Фёдоровым на Волгу по льду.

.....

В прохождении Вайс Сити я был уже дальше середины, и там были миссии, связанные с вымышленной внутриигровой рок группой Лав Фист. При выключенном компьютере я часто смотрел на их фирменный Гэ Тэ А шный рисунок на красном фоне, который был на внутренней бумажке моего диска с игрой, и по диалогам в игре и голосам я понял, что вокалистом их единственных двух песен был персонаж Перси. Мне начинал импонировать его образ. В моей любимой песне «Денджироус Бастард» слышались слова «гёрлз» много раз; название группы и вовсе говорило само за себя, ну а его внешний вид на рисунке — *//// лзеияь сэйзь з иннмсзюю кяжия — ижщц жэаднцяиж эпрлфзэфзы р адфлть мввнгянь. Кгрймснэ кю сглёлмшз ляпэё ърнам Мгпож, гвл мваднмюплн азебкёаъж з лдйсеоинж блияи, кюолкзкюбхжи ысёк змвбю пм иьаёкъж т кдкэ «Язпрдн дкв», нк, язбс йюёломлз йгклвззж ё фрйзаюмёпслбн ёябмпэ овпмё, омбогл лд ияеюкоэ фюфксшвз ёлхвйюоинж оигрвлы. \\\За несколько следующих месяцев эта «Денджироус Бастард» станет самой воодушевляющей меня песней, будто говорившей мне: «Можно выжить и таким», «Кому-то, может, только такой и нужен, а не всякие мачо».*

А акцентуация на ней шла в связке с другой постепенной темой. Перси с его широко расставленными глазами, носом и тёмными волосами напоминал близняшек — тех самых двух девушек сестричек, ходивших по коридорам тридцать третьей школы. Они не были похожи на аврил-лавиновских готесс, которых я делал в Симс, или кого-то ещё. Они были именно новым, и совсем не связаны с тяжёлой музыкой. Я же рассказывал про их, вкратце, какой то слишком бабский образ — образ начинающих «светских львиц» или модниц. Точнее, даже не модниц, а просто вот любительниц всяких сумочек, каких-то больших серёг и прочих бабских висюлек. Сейчас они продолжали быть такими, но своей скромностью и тихонечностью, когда я их видел в коридорах на переменах и особенно в главном холле на первом этаже, где они постоянно стояли в компаниях с кем то, они теперь приобретали для меня свойство ещё и недостижимых отличниц и прилежниц. Ведь я-то шёл в обратном направлении, становился плохишом. С каждым днём я был от них всё дальше.

Пока всё ещё было непонятно, влюблён ли я в них был уже или ещё нет. Они просто мелькали, мелькали и мелькали перед глазами почти каждый день, когда я был в школе, и очень часто думалось о них, ну а вместе с Перси эти две увлечённости вот ещё и будто подогревали одна другую.

В школе я пока ещё держался, не чудил. Хотя где-нибудь между мной и Фёдоровым я уже выражал негодование по поводу нашей сраной страны, уступавшей моей любимой Америке во всём, по поводу сраной учёбы ради видевшейся мне на примере моих родителей нищесбродской взрослости и по поводу сраных низких стульев в нашей школе. Я уже упоминал. У меня болели мои мослы на ягодицах от того, как низко надо было приседать и упираться в малень-

кую сидущку самыми остриями. Плюс меня бесили, хоть и на час позже гимназии, но всё равно ранние подъёмы и даже эта пятнадцатиминутная дорога до школы по грёбаному морозу через гаражи и дворы в духе девяностых. Остобенили меня уже эти гаражи и девяностые, от которых ещё недавно я тащился под «Короля и Шута» и «Рамштайн».

«Рамштайн», кстати, никогда доселе не крутимый на Эм Ти Ви, вдруг зачастил там с клипом «Америка». Мы все в школе её напевали, особенно пародист Фёдоров. Фёдорова в лёгкую чмырили наиболее весёлые и дерзкие из одноклассников, включая девочек. Но он выглядел безобидчивым и гордым, а когда мы, пацаны, бнямпёйз нпл цигмш, ё нк б ртэйдпг ммйёяи рями, я рый ашйя лд рн хсл рлпзоия, я фдиюю инияюю, — \\\ я и вовсе понял, что он наебёт нас всех в половой жизни, да, может быть, и вообще. В юности про него была статья в интернете, что он сделал сайт для какого-то местного учреждения, ну а позже, в молодости, года в двадцать три, когда мне не оставалось ничего, кроме как просить девушек встретиться со мной за деньги, и я находил его страницу в последний раз, он был уж не знаю кто по профессии, но в Питере и с девушкой.

После середины февраля я сидел, играл в «Вайс Сити», заканчивал очередную миссию, и вдруг пошли титры под ту грустно-тревожную музыку почти целиком на биттерэндовских двух аккордах. Я понял, что это конец, но не хотел в это верить. На следующий день одноклассники подтвердили, что игра закончена. Там оставалось проходить только несюжетные миссии, но они все без видеовставок и безлюдные. Для меня это был конец и эпохи, и связи с Симой, и прочего. Но также — будто тот воодушевляющий третий аккорд, которым разрождается та финальная тема пару раз, — это было и началом поиска. Предстояло установить исполнителей десятков песен из игровых радиостанций. Я на тот момент ещё не знал даже и Майкла Джексона. Это вот настолько дерьмовую хуйню крутили всё моё детство по российским радио и Эм Ти Ви, что я не знал даже такую классику.

В какой-то неучебный день был момент, что мама хотела посмотреть «Дайр Стрейтс». Я ей выносил «Кенвуд» в зал, и она села смотреть, пододвинув кресло близко к телевизору. Там было что-то нечистое, потому что она смотрела концерт по кругу целый день. Ну, в смысле, она там, видимо, редела в тихую. Но я в этот день доставал видеокамеру и записал кусок «Гэ Тэ А» с экрана, а в это время слышно, как она там зудит сбоку из зала выключать компьютер. То есть даже если и редела, то править она не прекращала. А эта несколькосекундная видеозапись из «Гэ Тэ А» — это последнее, что я записывал на камеру за детство.

В районе двадцать третьего февраля с нами был отец. Тётки в его музее подарили ему мобильный телефон — «Моторола», с нецветным экранчиком, самая примитивная модель в форме яйца (он его так потом и называл). И потом были вечера, когда у нас было как-то молчаливо в квартире, и каждый сидел в своей комнате, и он, сидя в горчичном кресле, там что-то печатал в этом телефончике, а я, видимо ограниченный от компьютера, слоняющийся в скуке по квартире и, как всегда, мжэянфгмкши\\, хихикая, озвучил догадку, что он там шлёт любовные э-сэ-мэс-ки какой-нибудь бабе. И вот ещё один эпизод как раз тех же дней: по Эм Ти Ви шло скучное мне тогда реалити-шоу «Семейка Осборнов» — я там впервые увидел Оззи Осборна (только я не представлял, что этот умирающий чёрный\\ лянинийом \\\ — рок-звезда и исполнитель одной из моих любимых песен с Врока) — и там была сцена, как его дочь в обсуждении родительского секса сказала, что ей противно даже думать о том, что они этим занимаются.

Для меня оба этих эпизода были про другую тему, которая во мне только развивалась и на которой я лучше сфокусируюсь грядущим летом.

Отец вскоре снова не приезжал, и я всерьёз думал, что у него может быть роман с сотрудницей в музее (там среди всяких чеканашек и старых дев была одна нормальная его возраста).

В те недели, закончив Вайс-сити, и в большей степени ради пацанской социализации, чем прямо из-за игр, я стал просить у других одноклассников дать какие-нибудь игры на время. Такое практиковалось, хотя, кстати, будто уже уходило в прошлое. У меня было ощущение, по крайней мере в классе, где я был, что все будто уже прошли стадию игр, и если обсуждали, то только какие-то уж совсем хитовые вещи, типа появлявшейся на слуху грядущей «Гэ Тэ А Сан Андреас», но о ней позже. Уже все давно прошли всякие «Нид фор Спид Андергаунды», наигрались во всяких «Макс Пэйнов». А может быть, дело в том, что диски и обмен дисков становились дешёвыми, и вот поэтому обмен дисками в классах почти исчезал. Короче, было чувство, что я попал на самый конец. И пацанам было не жалко дать мне что-то. Первое, что я брал, — это у отличника Ежова игру «Шрек». Ну, это простенькое, и буквально один вечер и утро после очередной поликлиники я поигрался. Я лишь отметил особую фэнтезийную атмосферу лесов и замков, и мне она вдруг зашла. Что-то от короля Артура и тех картинок с замками, драконами и темницами. Мне бы и «Властелин колец» мог уже зайти, посмотрел бы я фильмы. Но я стремился к пацанщине. В какой-то получебный день я много общался и после уроков немного прошёлся по улице с Ромой Ефимовым. Тогда — двойко-троечник, а теперь — юрист, с девушкой или даже женой. Ещё я брал какие-то стрелялки, может, тоже у Ежова. Ну, всё проходное, на один два вечера.

Стремился к пацанщине, но постоянно приходил к пониманию, что мне это всё ненужно, и в играх я — ради музыки и ассоциаций с прошлым. Моим главным эскапизмом всегда было и будет моё прошлое.

Та метал-баллада из «Симс два», её вступление — будто какая-то колыбельная, — и вообще переборы этих аккордов всю жизнь потом ассоциировались у меня с заснеженным полем и красным зимним закатом. Обязано это, как я понимаю, эпизоду с походом на реку с Фёдоровым в дни моего частого переслушивания её. Последние числа февраля, где-то. Мы вышли с того же места, где год назад скатывались на лёд, то есть с бетонного спуска у Стелы, и пошли по заснеженному льду в сторону Саратова, на закат. Изредка мимо проходили ещё какие-то гуляющие, а также тут и там были лунки от рыбаков. В каком-то месте недалеко от нас шли пара парней, и был странный момент, что будто один из них провалился ногой в такую лунку. Но, наверное, он просто поскользнулся, потому что они спокойно пошли дальше.

Мы сами дошли до острова напротив памятника Солдатам. Почти километр прошли. На подходе там везде были камыши, и было не разобрать, где под тобой кончалась вода и начинался берег — и вот всё это казалось зимним полем и Финляндией. Я ещё не знал ни о какой Финляндии, кстати, я же не учил никакую географию.

Мы зашли на сам остров и пострадали там какой-то ерундой с ветками от деревьев. На этом диком острове и вообще к этому моменту в сотнях метров вокруг не было уже никаких людей. А потом мы пошли по льду в сторону пляжа. Перед ним лёд был как-то без снега, будто подтаивало всё, и было глупо там находиться. Одновременно с этим мы ещё как-то наскучили с Фёдоровым друг другу, или у него там была какая-то своя мотивация, как и куда пойти. Получилось в итоге так, что я вышел со льда на пляж один, а Фёдоров ушёл куда-то обратно. И я пошёл домой.

Это единственный случай такой прогулки, который я помню из этой зимы, и он очень выбивается из общего воспоминания обо мне в те дни как уже о квартирном домоседе. Но ввиду того будто разлада с Фёдоровым, которого не могло быть годом раньше, и того, что с

этим походом ассоциируется этот гитарный перебор, я решил, что поход был именно сейчас, а не годом раньше.

...

___ Часть 57.

...

_____ Мне 12 лет.

....

>>> Часть 57 текст 1. Деды в гости на день рождения,,, начало этой Юли//// ояеапэрмлз \\\\и мои тирано-проверки преданности.

.....

На день рождения, третьего марта, либо в ближайшие к нему выходные, приезжали в гости деды. Они там сидели с мамой на кухне, а я играл в «Вайс-Сити» — проходил остаточные миссии, гонки по городу. Я неохотно выходил, чтобы меня поздравили, но я рассказал деду, что игра связана с машинами, и он может, если хочет, погонять. Он проходил в маленькую комнату, и я показывал ему, как управлять. Он пытался ехать правильно, останавливался на светофорах. Я уже и забыл, что нужно останавливаться на красном свете. Но он всё равно врезался в другие машины, и он тогда ещё озвучивал столкновение по своей привычке из моего детства словом «двжжж». Не долго он сидел.

Для меня ещё не было проблемы, что кто-то руками трогает мои мышку и клавиатуру, но, тем не менее, уже весь последний месяц или больше у меня развивалась обсессивная тревога за системник. Он стоял у меня на полу на ковре, и через стеклянную стенку, особенно благодаря внутренней подсветке, уже через пару недель после покупки было видно, как на фильтрах двух куллеров накапливалась сраная пыль. Я периодически снимал эту стенку и прочищал. Всё чаще я уже прочищал. Протирал корпус от пыли. Пока вся заикленность была именно вокруг моего системника в этом дорогом синем корпусе, но уже меньше месяца-полтора оставалось до полного запуска.

Параллельно, с начала марта, началось то, что та девочка Юля, которую я упоминал десятого января и которая сейчас сидела с Надей за партой напротив нас с Фёдоровым, начала ко мне поворачиваться. Просто поворачивалась и молчала, ожидая, видимо, какого-то шага от меня, которого я не делал.

Им там всем было по тринадцать лет, и девки уже были фигуристые. Вот Юля эта тоже уже была оформленная, и она ещё подчёркивала это обтягивающими джинсами. Ростом и размерами была пропорциональной мне, хоть и с задатками толстокостности. К молодости, когда у меня запястья стали как у самых малявок, она бы меня обогнала в толщине рук. Ну и, наверное, у неё была коротковата шея. Между короткошеими и цаплями я склонялся всегда ко вторым, чтоб как я. Близняшки были такими. В общем, не хрупкая была эта Юля. Она была темноволосая, кареглазая и с таким лицом, что было бы неудивительно, если среди предков был какой-то армянин. Выпученные глаза слегка. Но совсем слегка. Вот лицо и было тем, почему я её даже не рассматривал. Всё-таки я всегда рассматривал девочек как потенциальных спутниц на долгие годы, а с Юлей мне не хотелось ничего.//// Лт, йнмлив рвирэ, зммвхмл ёв, ё, я ьпмс книймп, змвбю лля рниййл мэхяиюрц з хтяпсэмбэйяоь лхдкь фсёлз, жлвлмл слбн аслонам пжоз б кнвз зйяопзсжйэфзё — ояеапэрмлбн. Мэннийлэ, «нюжяояплтый» р лвлю ыслр пжо ляе-щбэгсоз кг ею бгбёюмпльв онюйпжйё з тдпжчё (тмсц з ммё рямиорбвлмш зйгмкм вкт), э жэ

сл, я йэиний рлпслэмёж ё нплнхгмёж бота й впрбт жл ёякжлэьсоэ. Кнь оёпаякмэ тдг лбплкмээ, ж ь олыслкт нплпсл рзмоёоты бэк зсрлхдз р мркмбкшлё нмодбгквлзъкз жж мркмбкмвл ол ьпми рдйг пйоря: «... Я ля азбгнзюрогсв з а мюпзг, ияз лкг яжгвйноь, яьим омбогл впрбнв. Пюл лззрн лд ьлмюсёоняюк лззмлр, кг ойзюкоэ. Ляляннмс, сэк юспм ющ орпвкзжрщ лэи-рёкяиьмл пэёгвйзпърь. Ёпйэйз рязжф нянрмгона, змслоът мв флрдимрщ ёэйдпъ, п змслоъйж ймёкм ющкл оляпыь омалз. Вмгк — нющцкшд, ьйняпжпрышёг бота гнсвр кывз, я лнфъэ — зюёбщи пйя жэ рвяю, з вядг еюлрхзюэцжд впрб ботаю, мспэвёаяычзв гнсв впрбт мпаюжй, рвднезюэцжд а кгтбмбигсямпглмлпсё».

Бшцдоияеюкмд нн рдйг нюжяояплнам огйюю ё сэй лятюйняйзюкл рвирлтнюпйрь монюйдйс, лн яьим вче ж ботамд — ё б жрпмпёж о ьпми Ьквз ллн нняюёкгд ж ющкл т кдкэ янднаъв. Моддвд гшг слйызм ммюолэ, олхдйс ь б ляфюкв ьпмвл влвя бнямпёй, хсл ёёаът йлл-сэисла о пладолзуюлэ т кдкэ ред лд ятбгс, я рдмгпщ срр ьря Ькь. Кс, э дг пюл бнямпёй: «р оня-гркжхэкз, йлрннщф кмв флрдимрш». Жлвгсэ я бёвт — бйю йэюаз. Я рн, цпм Ьйэ унпгклпы пдзптэйыкм, — пюй кмв олхсё богф книмёв снжгуюсё флрдимрщ рвиррюкшлн, я э йлнам о йвк ёё пюйёу зммпюйпжплайи бджбрь.

Ряз блр. Рн впрбнв, л цгк ь флрди рвзцэп оияеюсш, — ьпм я онжмузов онм пглр бошю-ядгмёэ дгкэлзъ рюйзежсшпю. Б вяклнй рисцэг — ьпми Ькё. Югж ояелзуш — плкякрзфгрзж ёйз нплпсл йэй ммгнсвэ (пгл янигд ысэ Эиэ, пйлодв богвл, зюй ннботаю ё флрдию оякёэзпърь б нднаты нфгпвы — бгблхйё ёв мв мввнгяй гяжёёкь). \\\Тема «чужие люди». Проблематика этой темы. Вот она вышла на поверхность с этой Юлей впервые. Даже в отвязке от её пола. Ко мне просто впервые потянулся прям совсем чужой человек. С явно какими-то добрыми намерениями. Ну, она там, естественно, когда у меня, например, не писала ручка, была первой, кто бы мне дала свою, — и так далее.

А проблема была в том, что я это воспринимал в штыки. Я это в принципе вообще не принимал. В ситуации с ручкой, например, — я брал её ручку, принимал помощь. Но я эту помощь, как минимум, не ценил. Не благодарил за неё. Намеренно не обращал внимания на взгляды этой Юли. Не из безразличия к ней или её надоедливости, а именно чтобы сделать больно. И тут точнее сказать — проверить, испытать искренность её стремления сблизиться. Вот только перспектива моих испытаний, не закончись история с этой Юлей уже в этом же месяце, была такова, что я бы их не прекратил, пока не дошёл до полной тирании, а скорее — и разрушения этой самой Юли вовсе. Так уж я устроен. Потому что я не готов был ни к чему меньшему, чем мама. А мама, я был уверен, при любых испытаниях останется мне верной. Я не хотел чужого человека.

И в то же время я хотел чужого человека, даже нуждался — \\\ вкь пэёбнюскмвл рвирэ. Ё гиэ кгвл ьпю Ьйю, йэй фсёлз фгкладз, ющкэ онэл хсл мэвн.\\\ В общем, там начался пиздец. У меня в голове, имею в виду.

....

>>> Часть 57 текст 2. Возобновление контакта с Козловым,, Олег Николаевич повесился,, знакомство с Фар Край,, на набережную с Козловым вечером.

....

После долгого перерыва во встречах — с начала осени — мне позвонил Козлов, и я к нему пошёл. Когда я вошёл, прежде чем послать меня мыть руки — что я в те дни после улицы начинал уже и сам не мочь не сделать, — его мама уточнила у меня: в ангельсской спортшколе я у Олега Николаевича занимался? Каким-то боком она его знала. Я подтвердил. Она сказала:

он умер. Козлов пояснил: «Повесился» — и изобразил висельника, выпустив язык. У Козлова всегда было по-пацанистому простое отношение к смерти. Вроде бы ранее, в начале осени, может, он проходил «Хитмана», и я смотрел, как он там кого-то убивал изошрённым способом, и он ещё комментировал фразой в его типичном духе, начиная со слова «прикинь» и заканчивая в тот раз: «... и умираешь в судорогах». И ему было прикольно. «Чего прикольного?» — думал я тогда. Чего прикольного в «Убить Билла» и всех таких вещах? Это же «моменто морэ», от этого должно хотеться не хотеть жить, бунтовать против мироустройства. Но нет, пацанов это всё развлекало. И это я ещё тогда не знал, что не только пацанов это развлекает, просто девочки это всё не выставляли на показ. Я потом охуюю. Частично это будет даже в конце моей детской истории.

В эти дни Козлов проходил то, к чему я неминуемо собирался прийти, и был до сих пор останавливаем только какими-то монстрами: «Фар Край». Но когда он включил игру — а у них ещё и был жидкокристаллический монитор — я охренел так, что стало пофиг на то, что там монстры. Там была эта суперская сочная картинка тропического острова, всех этих моих любимых когда-то папоротников, пальм и даже попугаев Ар. Трёхмерные модели отличались рельефным текстурированием, о котором всё писали в том номере «Игромании», но я тогда не понял, что это, и не понял даже сейчас, когда увидел, — но, тем не менее, как-то почувствовал, и это действительно отличало игру от других. В сюжете игры, как я понял, не было отсылок ни к какой ебучей мировой истории и всяким войнам. Тут была именно своя автономная история с попаданием постороннего простого человека на заброшенный остров — робинзонщина — где безумный учёный мутит мутантов. Если бы на остров попал какой-нибудь агент спецслужб, то это сразу было бы вообще не то: герой бы был частью какого-то коллектива, имел социальную поддержку, и лично мне, аутсайдеру, он бы поэтому совсем не импонировал. Главного героя через остров вёл по рации персонаж Доил, и меня веселило, как Козлов ассоциировал это имя со словом «дойло».

Как я понял, Олег Николаевич повесился прямо в спортивном зале. Когда дома я рассказал маме, она предположила, что это могло быть из-за отсутствия у него с его женой-тренершей детей. Типа, из-за того, что он не мог их иметь. До мамы, видимо, доходили такого рода слухи, когда она занималась в тренажёрном зале два года назад. Это был первый человек, кого я знал вживую и кто умер.

С Козловым я встречался несколько раз в течение марта и апреля, и рано или поздно его мама там выпроваживала нас прогуляться. И вот хоть и прогулки, которые я упомяну, тоже выбиваются из домоводской атмосферы тех дней в памяти, но по мелким нюансам я уверен, что они были именно тогда, а не годом раньше.

Первое — это то, что мы шлялись по ещё заваленном снегом парку и набережной часов после шести вечера. В эти дни параллельно «Фар Краю», и даже с большим увлечением, Козлов проходил игру «Принц Персии: Пески времени», в которой главный герой был ловким трюкачом, прыгающим по стенам и мечущим всякие сюрикены. Меня она не интересовала, но всё равно, видимо, навеяла ностальгию по временам несложившегося увлечения паркурром, потому что, скитаясь по тёмной и безлюдной набережной, мы зачем-то залезали на постройки у закрытого на зимнюю спячку платного тира — и вот будто бы это было связано с попытками что-то там перепрыгнуть.//// Ннюгтёй, рдй мв лвлдв, ьирпозй мв онщёзмб, я ёямодплнорз, з, ббмфкмбёачёпы сйнмлкмрпъэ кдоря, ю жмёфзёоняюк рн, цпмаш мэк пюл ннбонфжсщ мэ ллонег. Лд ёмэь, инкхзи кё нк, км ь-сл йллцёй.

\\\\Вторая прогулка с ним — позже.

В ближайшие дни я попросил «Фар Край» в классе. Мне его дал Серёжа Слепухин — одноклассник, ставший позже моим основным и последним компаньоном за детство. Вместе с

этим, примерно в те дни, он же, скорее всего, дал мне и пацанские хиты последних лет — «Нид фор спид Андерграунд» первый и второй. Слепухин был по теме машин и всяких «Форсажей»: у его отца была автомастерская в доме.

Фар Край стал впечатываться в память не только геймплеем, но и идеальной музыкальной темой в меню. Первые ноты основной мелодии я уже слышал в фильме «Динозавр», подаренном мне как-то раз на Новый год. Там это в эпизоде с походом через пустыню. Я поэтому в юности, когда сам стал композиторствовать, не счёл зазорным начать основную мелодию моей композиции «Вагтнт» с такой же нотной последовательности.

....

>>> Часть 57 текст 3. Симптомы ОКР,, блок питания сгорел,, близняшки на ярмарке,, ямамый тупик с этой Юлей,, Грендельство ямамьего тупика,, проверочность этой Юли до максимума и последний день.

.....

История с той Юлей в классе продолжалась — она продолжала поворачиваться ко мне на стуле всякий раз, когда можно было отвлечься от урока, а я продолжал морозиться. Наверное, уже заметили, как я постоянно подставляю объективизирующее местоимение, будто не считаю за человека. Но это не поэтому, а просто потому, что я о ней абсолютно ничего так и не узнаю (она была немного тихоня). Как была тогда, так и осталась чужой до сих пор, и поэтому не могу назвать её просто по имени даже сейчас. Вот Надя, для сравнения, была какой-то глуповатой хохотушкой, жила в моём подъезде — и воспринималась хоть этим уже близкой.

К концу истории с этой Юлей, который уже скоро, чтоб одним текстом, я расскажу, что там было ещё и довершу психологическим разбором поглубже.

Руки я мыл после улицы уже всегда, как сказал, и вот сейчас, наверное, были первые вращения в ванну с целью помыть контрольно, ещё раз, а также заходы с протиркой мышки и клавиатуры какой-то тряпкой в моменты, когда думалось, что касался их недостаточно вымытыми руками. На полу в квартире у нас часто была срань и то, что у нас в семье — когда придёт время классифицировать нечистоты — будет называться «волчья шкурка», или «мишутка» — по маминому. Ну, это та серая волосяная пыль по углам, когда долго не убираешься. По квартире я ходил в том, что мы называли «черевички», хотя у меня было совсем не то. «Черевички» — это кожаная старославянская узорчатая обувь. А у меня были тоже узорчатые, но обычные низкие вязаные шерстяные носки, как мокасины, без всякой подошвы. От тёти Люси они были. В общем, я стал думать про собирающуюся на них волчью шкурку и то, что я ставлю ноги с этой сранью близко к моему дорогому системнику, за который я так трясся. И ещё была одна вещь. В прошлом году мне до неё было всё равно, и я поэтому не отметил. Во всех других школах и местах, когда учителя после уроков говорили нам ставить стулья на парты, это означало, что мы переворачивали их кверху ножками и ставили на столешницы сидушками. Но в тридцать третьей из-за конструкции здешних низких стульев, в которых были косые деревянные бока, их так поставить было нельзя. И мы тут ставили прям ножками. Вот теперь я стал думать ещё и об этом.

Время за середину марта, и я был весь в играх. В какое-то утро системник с чего-то заупрямился запуститься, и в числе прочих мер я попробовал переключить какой-то маленький

красный переключатель сзади блока питания. Когда я нажал кнопку включения, произошёл хлопок, из блока питания вышел дым, и в комнате завоняло палёной самооценкой. Пришла мама, мы поковырялись в железках, но было ясно, что, как минимум, блок питания точно сдох.

Я пытался утешить себя мыслью: «Суки, хоть бы нарисовали какой-нибудь череп возле этой кнопки, или хоть бы мои компаньоны когда-нибудь рассказали о том, что на компьютере есть кнопка лишения себя компьютера». Но не работало. Я погрузился в полный кал.

Снова в ///осзужгэйкмл\\\\ гоне, меня вынесло побродить по городу, и я заходил на ярмарку поискать деньги и поубеждаться в отсутствии у меня воровской дерзости. Всё упиралось в этот яманий тупик. Всё-таки буду употреблять этот термин не только в теме романтических отношений. Что там, что тут — в преступлениях, на которых могу попасться, а в случае с убийством — и наверняка попадусь — был элемент риска того, что лишу маму себя. Ведь по изначальному сырому определению психологии моего ямаьего тупика в дневниках я же там говорил, что чувствую себя собственностью мамы. Ну, всё правильно, так это и было. В смысле, так я себя чувствовал в описываемое время, во всех этих описываемых ситуациях.

А пока я там вот так, в злости импотенции плохиша, сновал по рядам первой ярмарки, в какой-то момент навстречу, вдоль широкого торгового ряда, шли никто иные, как близняшки. Там было столпотворение народа, а ещё время было близко к закрытию ярмарки — и поэтому то и дело всем приходилось расступаться перед грузчиками, катящими свои большие платформенные тележки. И вот, когда я проходил мимо близняшек, а они остановились посмотреть что-то на прилавке, вдоль прохода один такой грузчик катил телегу, и он въехал сзади под ногу одной из них. Со скромным тихим возгласом «Ай-ай» она приупала на эту тележку, но сестра её подняла. Эта «позорная» потеря контроля над собой немного опустила их в моих глазах — ну, в том же добром смысле, как тогда с Симой. Я пошёл дальше.

Нет, я пока ещё не был влюблён. Я бы иначе пошёл за ними следить, конечно. Они были ещё только кандидатками; к ним были ещё только первые симптомы, типа малюсенькой рези перед большой болью в горле. Как же я скучаю по таким моментам. Этого ничего больше не может быть — больше нет никаких молодых ровесниц. Быстрее бы дописать эту ёбаную автобиографию и освободиться от жизни.

В яманий тупик, естественно, заходила и история с той Юлей. В корне, казалось бы, про одно и то же (симбиоз с мамой), но нюансами — и причём глубокими — яманий тупик и та проблема с проверками отличаются. От «проверочности» — назовём её так — мне было плохо. И плохо не в каком ином плане, а в садохистическом. Садохистическом или в том, что я когда-то очень давно писал в заметке про моё уничтожение подарков. Я там называл возможность уничтожить подарок «ядерной кнопкой под рукой». Вот когда я делал ей больно — по крайней мере, когда мне казалось, что я делаю этой Юле больно, — своим игнором, или когда в будущем, в жизни, в подобных ситуациях со мной кто-то пытался сблизиться, а я отвергал, — мне всегда было больно и самому (нежность, которую эта Юля и другие хотели дать, воспринималась же как подарок). А оттого к этому и ещё больше тянуло. Так же, как я загонялся, как в порочном круге, и не мог остановиться, когда издевался над Муркой. Вот этим самобичевательским нюансом проверочность отличается от ямаьего тупика.

А сам яманий тупик, яманий тупик в романтических вопросах, то есть, — это про чуть другое. По крайней мере в одном из вариантов его проживания. Он прям про злое и реально враждебное отношение к девушкам. Чуть ли не женоненавистничество обычное. Упиваясь таким романтическим ямаьим тупиком, хочется ненавидеть девушек, прям калечить их, и, самое главное, возвращаться к маме как Грендель и приносить ей их скальпы. В этом году будет ещё эпизод с девушками, где это грендельство будет полноценно иллюстративно.

Но не надо думать, что я там прям тиранил. Мои испытания этой Юли были очень лёгкими, не сравнить с теми, что я устраивал другим в интернете позже в жизни. Ничего тираничнее игнорирования, лёгкой неблагодарности с моей стороны к ней не было. Для неё, тем временем, не понимавшей, чем такое моё отношение к ней было по природе, оно, должно быть, выглядело простым отсутствием какого-либо интереса. А я уже, помимо того что мучился от садохистской боли, которую сам себе и создавал, дохера хотел//// п кги пдзпя. Ю а пг блз ннър-нйс ё мэ аижжкэчви кг мгпвйкыхяипю, ашй еюмър ърнж. Бонфжк иядвъж пэё, инавя кяйщ кг ющкл, о лшпкькз м Ыйд. Т кдкэ ред ляфжмэйз ипррзпърь нюояещ ё кыянялнам огйою о мвз. Мркмбкюю кнь уэлсэёзь ашйя, йэи йщ йжкрглоэ о мвз р лвлю внийю кю юмкщцнж йнмбэрз а оодблдж йлкмэрд — ммг пнилхвк огпвзкщ бло, йэи ющкл б кнвз йгцпг — ю йддс кю онзкг, ммэ — ля кмв, йщ ойдаия лязоьпщ лвдйний, ё ю рйя олв кжл а кге ёяхдк. З ртп глкнж блёб-нюшэгсоэ ймю кяйю, ёятмгёр я йлкмэрт ж, сбёвдя мэп рйьююэцжфоэ, лн лзоинийл мв рйс-шглмшу, сфлвзп. Орпэлмээ суюмпожёэ. И фдппс пюл ысэ лтэ йюлэ мремэ? Зюйээ-пм кюбьё-цёаяь висолпсщ, змплхд.

Боэ ъря уднь монёпфлвию кю сммв сл олоядгмёэ я аёрбв жэ йлкощъсвошёирзсэ пйям-тягпвлмлпсщ, змслоты ю нъпюкоэ отннкзмбэры ннойдблзв олийвлвя, сл рподопя нн юмэй-ыкми рдйг я олийзйзкжйв: я свхджз кяня мйллцэрдймл пвцяипю анмоно — вдиюсщ лкг «няйхванв» ёйз лдп. Ъ бод яполкзюк рнп оломлтзиьл ж лупвлдяюк мс рнам, иязжд яяющ пгквпмл-рийкшг — р рнж ругмлз о ёлняйж я пьв япе аьайюбгкл дцд ё йэи амсламлпсщ й иязми-рн кдбжхёлрзми нплфдбспв, — я э зюй яьи уляний лэлзмскьфзж р бджжсэйзкз ж ямнюд рдимл а нюмкгл вдппсяг, ряз з мрпюбэйрь.

Ммбоьгр ашйз пснгром-огйомбшг ящжлаь. Мэ Мэвд аоводбж ющкё бёвмш йнюркщд рпрпъ п зюйёкз-рн жвнжбшкз сжлояйж ёйз оэхгцзюлэ. Лутвры. Млпзп рвирирюкщлты нбгёбс — т лдг цпм, грпъ бйю инам? Тебмпла оёябж вд бояелзи, э нкю ммблоряфжбэйяоь ё чидоэяя гвл тфгакжйлк. Мм, йоряпж, яьи дбжморбвлмшк ёё кюр, йпм ляшэйрь р ыслз Ыйдж, змвбю лля ннямпэхзяюкэпы.

Й инкфт кнё онмбвойё тдгрпмцёйзоь: э кюловдклн ннбвднезяюк п ъняпюёкщл Тебм-плаьй авпдбщ л боэйлк мюпэтзижцвпйлк огйог мгпвв кги. Мр, фрнющ ящжяюсщ дг нйгпег-мёг. С йгмь ёв йэи нюж ояеазяюкоэ еювлл мм дмов.

Лт ю мжйлк ющк кнйгмп, змвбю йщ о мёк ямс ряз нюптдвяиж фрн-рн, рязжэлмлг о гнмцзми, з э, ннфрз гтёлрпадкльж пэё, манюшээрщ й лдж, онплпзи: «Ю пщ йюрпспюж-пргчщ?». \\\ Она медленно отвернулась в типичной улыбке девочек с реакцией: «Ой, ну дурак».

Ну а после уроков, в этот или соседний день, — последний день четверти, перед небольшими каникулами, — мы все — и Фёдоров, и эта Юля, и Надя — пошли от школы к Тельмана, в сторону, как бы, моей Львы Кассили. На улице в последний раз навалило много снега, который быстро таял, и мы все делали снежки и кидались. Я промок насквозь. И вскоре дома я заболел.

....

>>> Часть 57 текст 4. Безумный гуманизм отца,,, рай Фар Края,,, подключаем кабельное тэ вз,,, Аня тётьЛарисы на гимнастику и до свидания бабВале на полтора года.

.....

Наверное, ещё в последние дни марта, может, даже за неделю до этих каникул, проведя сколько-то дней в безкомпьютерном мраке, я рискнул и переставил блок питания из отцовского инвалида в свой системник. Риск был в том, что его блок питания был на двести с чем-то ватт, а

то и сто восемьдесят, а моя конфигурация требовала стандартные в те времена триста — триста пятьдесят. Системник запустился. Я некоторое время попереживал, что что-то произойдёт, но всё было нормально, и я решил, что пока поработает. Я же не собирался покупать новый блок питания хуже изначального, а отдельный тэрмалтейковский и повышенной мощности стоил кучу денег.

До сгорания блока питания я так и не успел пройти в «Фар Крае» дальше первого уровня и вот теперь продолжил. В эти же дни приезжал отец, и я ему показывал проработанность игрового мира этой игры, как там даже летают попугаи и что их можно подстрелить. Отец включал Иешуа, комментируя мою демонстрацию словами: «Почему бы не сделать игру, в которой нужно было наоборот спасать попугаев?». Я только спустя десятилетия задумался сейчас: а от чего спасать-то? Отсылает к моей мысли про безвыходно страдающих эмпатов.

Напомню, отец всю жизнь был адвокатом вот этого почти безумного гуманизма. Он этим отличался от всех мужчин, кого я знал. На этом, очевидно, с ним сошлась и моя ранимая мама. А мне тем более только такой отец и подходил, и от даже слегка более грубого я бы уже пострадал (по крайней мере, если бы замена произошла посередине моего детства, а не изначально был другой отец). Иногда, рассуждая в моей взрослости с мамой, кто же идеальный мужчина, мы — ну, по крайней мере я, а она не возражала, — перебирая всех, кого знаем, всё-таки приходили к выводу, что наш — самый нормальный. Хоть и из вытекающих из этого его гуманизма (либо, наоборот, обуславливающих — нет охоты сейчас вдаваться) черт — ну, всякой той его ненависти к капитализму и других, которые я когда-то описывал, — как основная опора семьи, выживающей в современном мире, он совсем не годился. А кроме того, вот это его обесценивание всего негуманного — а тем самым, в моём восприятии, и интересов и ценностей моих сверстников-пацанов, потому что там же постоянно были элементы насилия — было у меня с первых лет жизни основной рационализацией и без отцовских вдохновений возникавшего презрения к сверстникам своего пола. А это, в свою очередь, вело меня к аутсайдерству.

В общем, он опять стал приезжать и на какие-то дни оставаться с нами. По поводу пальцевого обследования, темы, и без того уже сходившая в те дни на нет, — я как-то смог убедить маму, что поводов для разбирательства с жопой уже давно нет, — отец в нашем общем обсуждении сказал: «Да достали уже втыкать».

Отлежав немного с температурой, я снова не отрывался от компьютера. Фар Край, наряду с Вайс-Сити и другими тремя играми позже, был прямо одними из лучших эскапистских моментов детства. Не думалось ни о девочках, ни об армии, ни о себе со своим психослабством. Моим любимым, как помню, был третий уровень, где в самый разгар солнечного дня гоняешь на катерах между тропических островов, гася наёмников, от которых — как я случайно выяснил — можно было спрятаться в любом папоротнике и уютно отстреливать их оттуда из снайперской винтовки. Потом высаживаешься на большую землю, поднимаешься с перестрелками вверх в гору, заходишь в какой-то туннель и, вроде бы, встречаешь первые признаки мутантов — которые там кидаются как на тебя, так и на наёмников, что наполняет игровой мир ощущением и без тебя развивающихся в нём событий. А потом поднимаешься на какую-то высоту и мочишь там вертолёт или что-то. После этого — следующий уровень: нужно спуститься с горы далеко вниз, и вот тут можно либо пройти пешком по тропе по склону, либо слететь на дельтаплане. Ну, в общем, супервремя. Мне ни одна стрелялка с тех пор так не понравилась. «Халф-Лайф Два» будет хорош и в каких-то планах даже занятней, но с ним уже не будет ассоциации с детскими увлечениями тропиками и волшебными первыми месяцами компьютера.

Ну а потом, наверное, в течение моего двухнедельного тогда больничного системный блок в какой-то требовательный из-за насыщенной графики момент пёрднул дымом, погас монитор, и я уже точно остался без компьютера.

Дядь Серёжин телевизор до сих пор работал от старой кухонной антенны и ничего не показывал, но теперь мы решились провести кабельное. Провайдер назывался «Каскад тэ вз». Там меньше сотни каналов подключить было нельзя, и так у нас появилась куча каналов на кухне. Я теперь поселился тут. В те дни всё хоронили какого-то Папу Римского, и я смотрел, и я ещё думал, что теперь, наверное, в мире что-то начнёт кардинально меняться. Но ничего не начнёт. Смотрел передачу про какого-то ушлого американского афериста, и там рассказывали, как, когда у него в процессе преступления в банке что-то пошло не так, и он понял, что сейчас вызовут полицию, он упал на пол, симитировав сердечный приступ — а по закону, поясняли, в Америке обязаны моментально вызвать реанимацию — и когда реанимация, примчавшаяся быстрее копов, его увезла, он выскочил из машины. А на очередной отсидке в тюрьме он начал учить какую-то очередную науку для будущего дела. Кусок про побег от задержания я смотрел с большим увлечением и чувством своей темы. Об этом — чуть позже.

Но я, естественно, ждал позднего вечера, когда родители улягутся, и я переключу//// ля рд пийщд иякюкш. Км ющкл рижчзмл ннкэскм, рдй алйdw ю бяожк ёбри кю япэ, з мгёл нюж — ь дбая срмгк нднгйиьцёры — йюлэ бщцкэ, моюйм онплпзя: «Рь ртп ьнмсёит хсл кё рймснжщц?». \\\\

Не знаю когда — позже на этом телевизоре, на музыкальном канале, я ещё смотрел какую-то передачу в стиле баттл. Там была Ария против, как помню, поп-роковой группы «Уматурман». Ария исполняла песню «Штиль», и мама, в тот момент сидящая за своими бумажками за столом, даже подпевала — будто знала её. Это вот впервые и, наверное, последний раз, когда я видел Арию — она совсем не впечатляла.

Обычно, когда отец приезжал к нам, я ездил к бабе Вале. Я мог съездить в эти дни — тем более я теперь был без компьютера, и дома особо ничего не держало. Но я не помню уже. В памяти будто бы осенью или в начале зимы я был у неё последний раз. С бабВалей прощаемся почти на полтора года — до августа две тысячи шестого.

А, только вот, чуть не забыл: я в эти дни апреля узнал, что тётъЛарисину Аню, мою двоюродную сестру, отдали на гимнастику. Прямо с детсадовского возраста. Я тогда уточнил: может хоть на художественную? Нет, какой там! На спортивную, в тот же самый зал в Дворце спорта, куда я ходил. И она, будучи дочкой низкорослых и мелких родителей, идеальная для этой гимнастики. Я тогда подумал про себя: «Будто мне назло это сделали».

На Фрунзе у дедов, кстати, я и вовсе точно помню, что уже не бывал, потому что я не помню, как там рос этот маленький Барсик, которого мы туда отдали.

....

>>> Часть 57 текст 5. Последняя прогулка с перегнувшим Козловым,,, стэлс-экшны,,, та Юля больше не поворачивается,,, начало бунтов в школе.

....

В школу я пока не ходил. Я встречался с Козловым, и это были, наверное, последние мои встречи с ним. По истории я сейчас где-то на десятом апреля, но конкретно вот эта прогулка, возможно, была раньше, потому что был ещё минус на улице и без жижи.

В очередной раз его мама выпроводила нас гулять, и мы пошли слоняться по улицам. В духе того, как и с Фёдоровым тогда на льду — мы уже наскучили друг другу — и я как-то спровоцировал Козлова на то, что он стал меня за что-то догонять. Может, я в него что-то кинул изначально и убежал. Такое же развлечение, хоть я и не описывал — просто плохо помню — но я когда-то устроил себе и с Артёмом. Но Артём не такой спортивный, а этот Козлов же каратист и повыше меня, и мне было очень адреналиново удирать от него, потому что он реально мог меня догнать и как-нибудь долбануть, что я расплачусь, хоть он и не с настоящей злобой это бы сделал. Мы так прошли весь центр Энгельса, площадь и парк: я — где-то на пятьдесят метров впереди него, а он — то нагоняя, то отставая от меня. Но на обратном пути, когда я двигался уже по Халтурина в сторону своего дома, его то ли уже достало это, то ли просто крыша съехала, и он начал кидать в меня куски льда с обочин дорог. Я подумал: «Вот дурак, а если попадёт и убьёт?». Это было в духе Арика когда-то в прошлом с его непропорциональной местью сильным ударом кулаком за мой бросок в него малюсенькой стёрки. Ну, Козлов в меня не попал, и мы расстались, так и не приблизившись друг к другу. Но мы ещё встречались раз или два. Это вот уже в десятых числах апреля, когда была жижка на улицах и срань.

Он, вообще, в то время прошёл старую часть игры Сплинтер Сэлл и был увлечён этим жанром — стэлс-экшн. Я посмотрел у него на мониторе, что это, и тоже сильно заинтересовался — той же темой уютиности укрытия от врагов в тени, как в Фар Крае я прятался в папоротниках. Плюс тема перепрыгиваний с крыши на крышу — почти паркурщина. Ну а в прошедшем марте вышла как раз новая часть этой игры. Я думал, она произносится «Чаос тэори». Но когда я произнёс это слово при Козлове, он не понял, а потом насмехнулся и поправил. Он её произносил «Кеос тэори». Я в те времена, бродя по улице, часто заходил в маленький дисковой магазин в панельной девятиэтажке по адресу Волоха двенадцать. Там был дешёвый обмен игр — по тридцать рублей, и я там всё стоял, читал описания игр, в которые мне не на чем было теперь играть. И один раз, пока я там стоял, туда зашла мама Козлова и спросила, есть ли там Сплинтер Сэлл «Кеос тэори», — причём так уверенно, будто сама играет. Бывало ощущение, что мамы моих компаньонов изучали то, чем увлекаются их сыновья. Моя про меня, кроме того, что я играю в какую-то Гэ Тэ А, где ездешь на машинах и стреляешь как мафиози, вообще ничего не знала. Она вспоминает про то время: «сидел там, закрывшись в своей комнате». Козлову в этом везло (или не везло) меньше — у них компьютер стоял в проходном зале, и его мама, поди, просиживала на диване прямо у него за спиной, пока он играл.//// Лз ннбонфжсц, кж ммпэпрйюснжбэры иязжф-лзюсгц тьюжсшу поеткднлът кывдж. \\\

А ещё, как-то раз я стоял в этом дисковом магазинчике у дисков, и рядом со мной ошивались другие пацаны. И вдруг продавцы подошли и задержали одного из них, scomандовав: «Вынимай». И пацан вынул из-под куртки диск. И продавцы выгнали как их, так и меня под одну гребёнку. Я потом некоторое время туда не заходил, чтоб забыться.

Но я где-то купил с мамой этого Сплинтер Сэлла (я думал, это имя). Наверное, в Саратове. Чуть позже я введу в историю основные дисковые магазины там, по которым я нас с ней гонял. Они будут до конца моей детской истории.

С Козловым мы расстались на теме ожидания Гэ Тэ А Сан Андреас. Её в то время ждали все. Она уже полгода была выпущена для приставок, но ни у кого в моём окружении не было приставок, а диски для них были дорожные, поэтому мы — компьютерные геймеры, в пиратские игры на дисках по сто рублей, — ждали компьютерную версию. Она должна была выйти в начале лета.

Тринадцатого апреля мы были в поликлинике, и в какой-то из соседних дней мой затянувшийся больничный кончился.

Как ни странно, я возвращался в школу с хорошими ожиданиями. Мы — я с Фёдоровым и две девочки с передней парты — мне казалось, расстались на хорошей ноте, и всё могло бы продолжиться в том же духе, и, может быть, что-то наконец вышло бы у меня с этой Юлей, хотя бы для первого опыта.

Но нет. Она больше не поворачивалась.

Пока дома у меня начиналась история с чисторукостью, я начал ещё бунтовать в школе. Ещё пассивно, по избегающему типу. Загоняясь теперь тоже стэлс-тематикой — скрытностью, побегам и, в принципе, каким-нибудь незаметным преступничеством, — я стал вымышлять, как бы можно было сбежать из школы. Словно марк-твенщина прошлой весны вернулась, только теперь уже, помимо весеннего дофамина, с большой примесью обиды на мир в качестве движущих факторов. Меня дофаминило от солнечности разогревающейся весны, приближения Сан Андреаса, к которому я упрощу маму купить блок питания и в которую, с её огромным игровым миром, окунусь, — и вместе с этим разъедала изнутри озлобленность от всех моих фрустраций, — и я брал и вместо какого-то урока уходил там нахер под одну лестницу. И сидел там. Один раз ко мне подключался Фёдоров, и я впервые был будто гидом, а мой компаньон — второстепенным товарищем. Уборщица проходила мимо нас по этой лестнице и выходила на улицу из служебной двери, но не вмешивалась, а я уже был готов послать её нахуй, если чего вякнет, и вообще думал выйти через эту дверь, пока она открыта, и уйти. Каждый день я ощущал себя в школе как в тюрьме на пять часов — я прям ненавидел быть под кем-то, быть подданным в этом лёгком, но тотальном институте. В те времена я уже посмотрел фильм «Тюряга» с Сильвестром Сталлоне, и это снова было одной из моих навязчивых тем — побег из тюрьмы, как когда-то во времена третьего класса. Это будто неминуемо вернулось, будто перспектива этого дела была неотвратимым будущим, предписана судьбой. В смысле — что я окажусь в тюрьме. Я прям чувствовал, что я там окажусь, тем более я, когда подойдёт время армии, собирался же попробовать не доводить прям уж сразу до стрельбы и полной чернухи, а для начала уклониться и просто туда не пойти, — и я знал уже к этому времени, что за это могут посадить в тюрьму. Вот ещё и поэтому думал о тюрьмах. А ещё я не знал о психушках. В смысле, я не представлял, что меня — до какого бы эмоционального преступничества, преступничества и бунта от аффекта, я ни дошёл — могут упечь именно в психушку, а не в тюрьму. Я думал, в психушку помещают только тех, кто вообще ничего не соображает, полных лунатиков.

В общем, на уме был один негатив.

....

>>> Часть 57 текст 6. Скрывание ///огйосияжжэфзё \\от мамы,,, ОКР так и лезет,,, последняя порка от мамы,,, идиллические прогулки с мамой на рыбалку и инцидент с крючком.

....

Мы пару раз ходили с Фёдоровым к нему домой. Если в прошлом году мы были как-то больше про игры, то сейчас — /// нпл мвйдаюкщцзкс. Нднаъж пэё р мвбн — йщ бонфжкё мэ гёаякг я жэйд. Б инкфд мм арпюк ж зммфжк нпък кю ммк, мэ йлаен. \\И ничего не стал вытирать. Какая-то неадекватность вообще. Уже было тепло, и мы выходили курить на балкон, который у них был в торце их хрущёвки. Вот тогда я, видимо, впервые выкурил шоколадного «Капитана Блэка» — сигареты, которые я буду изредка покуривать в юности и часть молодости ради ностальгии по тем временам с последними приближениями к желанным ровесницам в реальности. Это были дни, когда я уже ждал увидеть близняшек в коридорах школы.

////Э б впрбнж гвлы къ п кжл влхзиж, йедю кю батоняйтмлз зоняюсё дам нмгёрдиги. Ю глр олиаяещбэй, ияз т кдкэ кжйэй кг лрнжвеп йлезую лр амклайё. Лл йюклёяёлсводомбэлмл нпадфюк: «Кс, ю р лвлю сёв бод бюбкм лрфлвзп». Къ влхзиж, йедю кю онзкг, ж лл еювёяяи млпйё мэ рвяю. Бпм юшкл онмсёанммклемл лкг: э льяфлн лноиз аьпэвёаяи. Б ьпм р рвяю а хсэсз япдавя льяещбэй «ияз Зёптожй».

Р лвлю нньакьйзоъ оадпйъв, ммйэ онмжнюцкшд, блйноиз ля йнюид. Зе-жэ ьпмвл ю сёв мв бвпдижк кяйс ймсэлзвк мжршиз, з с йгмь блары плпкэ снгблемээ ктнмодбгклмлпсш, зюй нпвипэрзпъ нмгёрдиързжд ёятмгш йл лкг я бэлмрь, инавя итмюзоъ. Э дг я мэхяиг ърнам амгэ рзюжэй: а ърнй гяг пшрьхз нюпмл э ммккмрпъэ нпвипэчяи олвяяюсш кыяъв онжжкюйё, фрн ажнмригэ ж ймвр флрдпъ огйюю. \\\\Ни о каких Юлях и близняшках мои родители не узнают. Темы половых отношений я смогу обсуждать только ещё в течение следующего — моего последнего — года школы между мной и пацанами-ровесниками, а потом — уже только с девушками в интернете, и то анонимно, чтобы не дошло до родителей. До мамы — главным образом. Это от неё же я скрывал. А причины, почему мне стало нужно скрывать, — множественны. Периодически в этой своей огромной истории я уже рассказывал об этом. Там и яма-мий тупик (в который я в конце две тысячи четвёртого окончательно и на всю жизнь зашёл с фэйлом в физической состоятельности и психослабачеством), и то, что я когда-то писал в изначальном тексте про//// кяортняяужэ пёэрзвк кмв\\\\, и то, что чувствовал маму соперником. Вот это последнее, кстати, — на самом деле куда более глобальное, чем то, что я описал в эпизоде про то, как её ударил. Глобально это про мамино в целом контролирование меня, командование мною, решение моей жизни за меня. Эта тема станет главной в следующем году, когда начнутся психушки. И я там начну ещё активно постановочно инфантильничать — история, растянувшаяся на долгие годы, до моих двадцати пяти лет, пока, как говорил, не решу//// яьпъ рязжфдж. \\\\И надо сказать, что при том, что в соперничестве я на маму агрессивен, а в яма-мий тупике — наоборот, заботлив, эти две темы всё равно переплетаются. Я весь этот клубок буду распутывать в ближайшее время всё дальше.

Руки я в это время дома мыл уже симптоматически. Если после улицы, то намыливал и смывал уже дважды. Туалет для сидящей возле него Мурки открывал уже мизинцем: на всём, связанном с туалетом, — яйцеглист же. Мурку вот тоже на руки уже не брал. После сранья мыл руки тоже по два раза. Если я плохо тогда донёс, понимание, которое я вынес с того урока биологии осенью, было в том, что заразиться можно и от себя, что яйца глистов в говне — всегда. Типа вот сейчас в тебе глистов нет, но если ты плохо помоешь руки после сранья и коснёшься ими рта — (а я всю жизнь грыз засыхающие заусенцы) — то проглотишь яйца, и в тебе разведутся черви. Всю эту проблему в эти последние месяцы я вынашивал ещё и под обсессивные — из-за пальцевого обследования — мысли об//// юмэйыкмл пдзпд\\\\, которого, на месте девушки, я бы ещё и до ада боялся. А они не боялись ни этого//// пдзпя, мё жэояеж-сщпю а вбн нплфдопд мс пдюэ, мс пблгвл гвовойю\\\\. По дому я ходил строго в своих черевичках, чтоб без контакта с полом. И я мелко истерил уже на тему чистоты. Отец во второй половине апреля снова помнится отсутствующим, будто опять сдристнул.

Приходя дома из ёбаной школы, я сразу включал какой-то музыкальный канал на кухне, где постоянно в обед шёл хит-парад, что ли, самых популярных клипов, и поэтому там почти каждый день крутили недавно вышедший клип Рамштайна «Кайне луст», где рамштайновцы, нарядившись толстяками, трясут бошками под агрессивный триольный рифф. «Фойер фрай» и все те песни с того диска я уже давно не слушал — мне этот новый клип заменил их все. Один раз ранее, кстати, когда у нас ещё был отец, и он был дома в обед, и начинался этот клип, я — в духе того, как когда-то очень давно я с ним задержался у телевизора тут на кухне посмотреть

серию «Мортал Комбата» — объявил, что начинается мой любимый клип, и с началом рубилова затряс башкой, как и рамштайновцы в клипе. Я всё-таки ещё очень был ребёнком.

Из других хитов тех времён я запомнил «Буливад ов броукен дримз» группы Грин Дэй. В районе моих двадцати лет я даже выделял в отдельный «гриндэевский» стиль множество своих черновых набросков с мелодиями для припевов и куплетов песен в таком духе, которые мне не суждено было реализовать, потому что я совершенно не знал, о чём делать лирику, кроме как о своём//// ммэлзекд ж дгкэлзё рбмфкссц\\\\.

Это были дни лвакассильных идиллий с мамой вперемешку с её агонией реабилитировать меня в учёбе, или типа того.

Последняя порка в жизни была уже не столько калино-рябиновая, сколько просто за то, что я заебал в целом. Мама обнаружила, что я ничего не учил, никаких домашних заданий — мне ещё накануне наставили колов, — и, с её фирменной фразой «ну щцщас я тебе устрою», она сразу пошла за ремнём. Как-то я пытался объяснить, но у неё уже не было нервов, и она начала лупить. Я двигался из кухни в прихожую, и вот на повороте она попала мне ремнём//// нн нзоьйв\\\\, так что я аж запрыгал от боли, схватившись за то место. И я побежал в комнату. Немного я, конечно, наиграл, но подействовало — и она отступила. Она потом просила прощение, а я долго не прощал. Вообще, у меня в черновиках есть запись, что она не только просила прощение, и я долго не прощал, но и тот эпизод, когда она заскулила, — это вечер этого последнего дня порки. Но сейчас я уже так не помню, поэтому сделал отдельными эпизодами.

В общем, порок мне с тех пор больше не помнится. Но оры ещё будут, и всё больше они у неё будут орами от отчаяния, а не воспитательные.

А идиллии выражались в том, что мы выходили гулять. В бескомпьютерной пустоте на меня снова налетал рыбацкий энтузиазм. Мы с удочкой ходили к той маленькой пристани, откуда летом отплывали на турбазу с Артёмами и где наверху, на дамбе, лежал утопленник. Там рядом склон дамбы к воде был забетонирован, и вот оттуда я удил, пока мама сидела. Но один раз — это, должно быть, уже первые числа мая, — когда мы там были к вечеру и я вот так удил, на очередной закид удочки я за что-то зацепился, и мама взвыла. Она всю жизнь была неудачная до колюще-режущих предметов. То в её детстве на гвозде она повисла. То кость, то Зося. Не говоря уж о ножах, хоть и они у нас всегда были тупые. То в мясорубке она чуть палец не оставила в моей молодости. Крючок впился ей в палец, и мы его вынимали, и она ревела. Это были самые страшные моменты для меня, когда она ревела, ну и особенно тогда, в детстве, когда и ситуации были реально жёсткие, и когда это было для меня в новинку. В молодости я уже попривыкну к её плачу, который у неё был почти каждый день просто так, просто от мыслей.

∴

___ Часть 58.

∴∴

>>> Часть 58 текст 1. Полноценное начало близняшек,, первая холостая слежка,, про неудачливого отца,, различие семей и стереотипы.

∴∴∴

Ну а в другой раз — шестого или седьмого мая — мы просто шли по набережной от Стелы вдоль парка. Часов пять вечера солнечного и уже тёплого дня. Мы уже прошли Памятник солдатам и приближались к Пристани смелых. Там, у спуска, на краю набережной было трое каких-то детей-подростков. Один из них, зацепившись руками за ветку, отходящую от

одного из деревьев, которые там росли по ещё не забетонированному тогда склону дамбы, подпрыгивал вверх-вниз, — какой-то пацан. Это был тот одноклассник из моего первого класса — Серёжа Варанов (который, наверняка, не Варанов, а я просто всегда так думал из-за ассоциации с обложкой его дневника), — чья мама ещё годы назад заняла у нас десять тысяч и ни хера не отдавала. Мы давно его не видели. На нём была ещё футболка, как матроска, — с крупными белыми и рыжими полосами, — подходящая для его тюфяковского, белобрысого, чуть ли не рыжего тоже, типажа. Ну а двое остальных — это были близняшки. Они снисходительно ждали, пока он надурочится, и, когда мы уже подходили, одна из них спустилась на пристань. Мы с мамой тоже решили спуститься. Пристань там представляет из себя на столбах над водой площадку — с которой вот и прыгали смельчаки летом, — и досягаемую по отходящему от ступенек дамбы железному мостику. Вот с этого мостика кто-то в тот момент рыбачил, просто на леску с поплавком и крючком, и спустившаяся близняшка, облокотившись на поручень, наблюдала за поклёвками внизу. Мы с мамой встали где-то рядом, а потом сюда спустились и Серёжа со второй близняшкой. Мама с ним тихо поздоровалась. Надо было не спугнуть рыбу, и сцена была максимально молчаливая. С мостика там рыбачили на сторону Саратова, а на другой стороне в те дни было всё в водорослях. Мы с мамой стояли на месте, а близняшки там, сзади, пару раз обходили нас, меняя позицию. Вскоре та, последняя спустившаяся, сказала своей сестре: «Юль, ну пошли». Благодаря этому нарушению тишины я позволил себе повернуть голову — и так, узнав заодно, кто из них Юля, первый и последний раз увидел их вблизи и в спокойном состоянии, а не в толпе ярмарки и не в коридорах школы в потоке людей. В моём восприятии они прям пышали нежностью и мягкостью. Явно скромные, никогда не матерящиеся, худенькие, с узкими ладошками и тонкими пальцами. Та, которая торопила Юлю, или даже обе они, были в светлых водолазках с мелкими розовыми узорами, и воротники подчёркивающе обтягивали их длинные шеи. Сука, как я хотел оказаться на месте этого Серёжи.

Не знаю, к чему вставить. Просто напишу. Есть, в общем, австралийские модели-близняшки — Рени и Элиша Херберт. Их можно видеть в начале музыкального клипа Джулио Черкато «Солид граунд» — у него под миллион просмотров на Ютубе. Там они не только похожи на моих близняшек, но и видеоклип в принципе сделан по пляжной тематике. Я его слушал по кругу, когда строчил ту раннюю пляжную историю с этими моими близняшками. И, напомним, что в этом две тысячи пятом году я не вспоминал раннее детство и не связывал этих тринадцатилетних близняшек с тогдашними пляжными сестричками. Плюс, до молодости я и не подумывал, что те пляжные сестрички в раннем детстве могли быть близнецами.

Трио ушло с пристани, а я, через адское желание пойти за ними, задержал нас с мамой на мостике, чтобы ещё посмотреть на ерунду внизу. Ещё когда близняшки стояли рядом, у меня уже образовался план прикинуться, что я заинтересовался рыбалкой с этой пристани, чтобы иметь причину сюда приходить потом, и вот я и начал уже его воплощать. Вскоре и мы пошли домой. Через памятник Калинин, который там был наверху у пристани на месте какой-то церквушки сейчас, через Дом с пельменной...

Пока шли, не успев толком осмыслить, что во мне происходит, я уже — пока горячо — вовсю работал над созданием почвы для путей в этот район, в круги этих людей. Я надеялся, что мама что-то скажет про близняшек, в том смысле, что, может быть, она знает их родителей. Город же маленький, и она делала проекты куче людей. Но нет, близняшки были абсолютно чужие люди, и союза мам тут не будет. Помимо рыбалки, поэтому, основной магистралью была та история с долгом Серёжиной мамы. Я мусолил и мусолил эту тему, обсуждал Серёжу и снова возвращался к теме рыбалки. Наверное, я мог даже переиграть, а мама — заподозрить. Но

сейчас, спустя двадцать лет, я спросил у неё, подозревала ли она у меня тогда какие-то истории с близняшками, и она сказала, что не помнит никаких близняшек.

В течение того вечера, тем не менее, она их помнила — и даже именно в том мотиве, которому я всеми силами препятствовал в выходе на поверхность — потому что дома она сказала: «Как на тебя девки-то зыркали». Я прикинулся, будто и не расслышал, и быстрее заговорил о чём-то другом.

Я был просто в эйфории. От лёгкости, которую дарит признание себе в любви к другому. Это будто как когда тебя кто-то обидит, и ты на него дуешься, а потом он уже просит прощения, а ты всё продолжаешь, и это уже невыносимо, и вот тогда ты его прощаешь — и сразу становится очень легко. Будто всё это время — все последние пять, и даже не пять, а все шестнадцать месяцев, сколько я видел близняшек в тридцать третьей школе, — я упирался. Словно находил в них какие-то изъяны. Хотя и сами — паиньки, но ходящие в эту энгельсскую тридцать третью школу гопническую. Не связаны ни со спортом, ни с музыкой. Абсолютно чужие.//// Ж бюёв арвсл аш яогйосияьмш. Э свнднъ йлд псэйн ннсжв — ё гээд жгвюкшлн. Мёиязмвл пэёбнюскмвл рвирэ р лэйж. Жф вядг кг ммкрхяимрщ онгоряжсщ влйтьж. П кжлё ьпм ь арвт нпланблззмл а йжп тзежцвпйлз юйземрпж.\\\\ Снова было всё, как и в моих ранних фантазиях, которые, окажется, с ними же и были.

К этому моменту я их уже различал. Та, которая не Юля, была чуток мельче, а манерами поживее. А ещё — волосы. Я уже проводил внешнее сходство с тем Перси из «Гэ Тэ А», и отчасти это касалось и причёски близняшек. Только у Перси и рокеров восьмидесятых наверху совсем коротко подстрижено, а у этих и верхние всё равно обвисали. Тем не менее иногда, особенно вот эта не-Юля, собирала волосы наверху в два пучка, которые из-за этой небольшой длины наверху торчали из резинок, как кисточки. В моём восприятии это делало самый его-зистый образ егозы. Вот эта вторая близняшка из них двух была егоза. У неё и во взрослости, в её видеороликах, несмотря на ярко выраженную врождённую скромность их обоих, до сих пор так и осталась та шутливость, которую я в ней видел издавна.

Но, учитывая психологию моей влюблённости, я тогда из них любил наоборот Юлю. Ростом как я, со своей длинной шеей, она ходила как пава, совсем без резких движений и воспринималась более интеллигентной из них.//// П кг-Ыйдж ю пллбт анляпэеяпъ огйо, э р Ъквз ммцпж япдавя — пмкшцин нплбтииз ж явтйхзядд йяояикжю\\\\.

Отец в те дни был задействован в мероприятиях в музее, и поэтому он снова к нам заходил и оставался. Это его мерцание в нашей жизни мама называет «вертолётчик». Дни были почти по-летнему тёплые, солнечные, без учёбы и с льякассильной идиллией. На следующий день после влюблённости в близняшек, придумав все возможные причины, чтобы правдоподобно выглядеть вдруг загоревшимся рыбалкой, я с утра собирал свои снасти, а помимо этого было договорено с родителями, что они подойдут после отцовского укороченного рабочего дня к той пристани, и мы прогуляемся по набережной по нашей семейной традиции.

Я, конечно же, не пошёл ни в какие другие места сначала, как сказал родителям, а пошёл сразу на пристань. С утра там было человек пять дедков-рыбаков, и я, прогремев металлическими листами пола железного мостика, прошёл там к свободному месту у поручня и закинул свою леску с поплавком и крючком с хлебом. Часов десять утра было. Я без конца поворачивал голову влево: у меня было бы всего несколько секунд, чтобы заметить моих любимок, если они подойдут наверху дамбы, но лишь посмотрят и решат сразу идти дальше. Мостик был слишком низко, и видно было только тех, кто подходит близко к спуску.

Я простоял там часа четыре, иногда вытягивая и отпуская вонючую рыбу. Близняшки так и не пришли. Ну, и потом пришли родители, и я поднялся.

Отец, как всегда, был со своим кожаным чемоданом, отличавшим его от всех пешеходов, — как и своей бейсболкой, которую он не мог не носить, иначе «чувствовал себя лысым», по его словам. Ещё он носил солнцезащитные очки, и они постоянно — аж до смеха мамы — слетали с него на пол в прихожей, когда он приходил домой и наклонялся расшнуровывать свои заношенные, но кожаные, как в его любимой правильно устроенной Америке, ботинки.

Почти всегда для нас с мамой отец был в образе человека, которому вечно достаётся и невезёт, которого погоняют, или который какой-то майонезный вонючка. Один раз — может в эти дни, а может и годы назад — отец беззвучно пёрднул на кухне и сказал: «Я щёлкнул» — и мы ушли в прихожую. А в прихожей он сказал: «И тут я щёлкнул», и мы все ушли в зал, смеясь. Ну, это всё истории в духе тех, что всегда смешили нас с мамой: типа как он долбанулся об трубу, как он вынимал волосяную волокушу из сифона, как он всегда чинил и выгребал всегда какое-то говно, или как он лез к маме целоваться майонезным ртом. С одной стороны, это всё было частью нашего семейного кода, а с другой — это вот в моём восприятии отличало его, да и всю мою семью от других — аж до той степени, что я стыдился своих родителей. Я предполагал, что у близняшек, например, какие-нибудь серьёзные и гордые родители, которые не вытаскивают никаких волокуш, а даже если и вытаскивают, то нивелируют это тем, что следят за собой, лечат зубы, лечат грибок. В таких семьях, я представлял, отцы зарабатывают и покупают машину, а матери сидят у зеркала и занимаются всяким бабским ухаживанием за кожей. В семье близняшек так всё и было — я правильно предполагал. А у моих было вот это какое-то постсоветское пренебрежение к себе, глупые и ригидные привычки — типа чистки зубов раз в день до завтрака — и несдвинувшиеся с начала девяностых стандарты жизни в целом.

....

>>> Часть 58 текст 2. Девятое мая две тысячи пятого,,, про ущемлённое эго и психологов,,, драка с кучерявым ублюдком на Пристани смелых,,, слёзы//// ж амлёфзблнв \\\отчаяние,,, невозможность убить и проблема ямаьего тупика.

.....

Ну а теперь — про девятое мая ебучее. Солнечно и даже жарко, и я снова под предлогом рыбалки попёрся с утра на пристань. Я прошёл по Театральной, через площадь, ротонду и парк. На площади уже проходили малые мероприятия или подготовка, а в парке, на аллее возле тира, развернули полевую кухню для ностальгирующих по войне. Какая-то бочка с торчащей трубой на колёсах, и там, видимо, каша.

На пристани рыбачащих было один-два человека максимум. Возле меня на мостике вообще никого не было, и я спокойно и в хорошем настроении принялся коротать время со своей незатейливой снастью.

В какой-то момент, уже довольно скоро, с набережной спустились два пацана, на вид даже помладше меня. Первый — типичный шестёрка, хихикающий и поддакивающий второму — уже загорелому, конопатому, с жёсткими кучерявыми тёмно-русыми волосами, в джинсовой куртке, коренастому, шакалистому, бродячего вида задира. Я его сразу понял.

Они встали возле меня и сразу дали понять, что они токсичная мразь и провокаторы конфликта: начали между собой насмеяться надо мной, вслух обесценивать каждое моё действие. Потом у них и у самих оказалась леска с крючком, и они тоже теперь опускали её в воду. Может, к тому моменту уже кто-то ещё был рядом на мостике, и вот он им и дал. Или нашли. Я-то даже не смотрел в их сторону. Это же у меня такая реакция — замораживаться и глотать, пока не переполнюсь. Земсковское битьё меня учебником я тоже по такому же принципу

терпел, ну и многие другие случаи в детской истории и потом в жизни. Меж тем эти уроды уже включили мат. Они рыбачили, не нанизывая на крючок ничего, — откровенно лишь бы ошиваться рядом.

Вкратце, что было дальше: я начал драку, потерпел поражение и разревелся. Но сначала порассуждаю.

Какие у меня были варианты? Так и оставаться замороженным, продолжать терпеть — ну это я не мог: я реактивный и с нарциссической травмой, как это называется. Дать умный вербальный отпор без агрессии — идеально, но у меня такого навыка не было и нет: он развивается в удовлетворённой жизни, а не в аду. Уйти — так по травме ударит. Вот было б к кому уйти — было бы другое дело. К кому-то, с кем бы я был — и будучи таким, какой я есть — настолько взаимнонуждающимся, что было бы похую на такие детские провокации каких-то гадов на улице, а реагировал бы я только на то, что вредило бы тому человеку, для которого я существую. Хотя и вред мне, по цепочке взаимосвязей, мог бы вредить и моему человеку, но тогда, если бы я, после того как реагировал, терпел поражение, хотя бы не срывался в отчаяние и позорные слёзы (как я сорвался после того, что произошло дальше): ведь я был бы нужен таким, какой я есть, и я бы сделал всё, что в моих силах, исполнил бы себя — нужного таким, какой я есть, — полностью.

О маме в такие настолько интенсивные по аффекту ситуации ущемления моего эго я никогда не вспоминал и не рассматривал её как человека, ради кого стоило бы уйти, сохранить себя. Психологи, наверное, вообще в моих отношениях с мамой — изначальной травме привязанности — и увидели бы корень проблемы, корень моей нарциссической уязвимости. Типа, если бы в течение моего детства не было всех тех её пороков, наказаний, агрессивных требований, всей той лвакассилицынской атмосферы, которую она устраивала, и постановки исполнения требований внешних институтов — школы, поликлиники — превыше наших с ней любящих отношений, то и не было бы моё эго таким ранимым, и нападки на него я мог бы переживать и без наличия опоры в лице какого-то нового безусловно — как «правильная» мама — нуждающегося во мне человека. Был бы, в общем, обычным здоровым человеком — тем, что и имеют в виду ублюдки психологи, когда на моё заявление о том, что мне нужен кто-то, чтобы что-то вылечить, говорят: «Ни в коем случае. Никаких отношений, пока не станешь автономным».

В общем, выхода не видно было нигде, кроме выплеска агрессии физически — вдруг всё таки получится победить. Кучерявая гнида был слегка младше и мельче. Как Артём почти (и даже похож: смесь Артёма и курносого Лёши на саратовской гимнастике). Хотя я и помнил, что, когда мы с Артёмом пару лет назад тренировали какие то борцовские приёмы, он умело — как и Козлов, мама и все подряд в жизни — меня всегда заваливал.

Достав снасть из воды и повесив на поручень, я повернулся к ублюдку и сказал: «Пизды словить хочешь?». Ещё и выбрал такую формулировку дерзкую, за которую потом, после поражения, вдвойне было стыдно. Пацан сразу повернулся — выглядел сторапшим от нетерпения.

Начало таких драк происходит в доли секунды, и сказать, кто нанёс первый удар, не представляется возможным. Весь махач происходил в течение шести—десяти секунд вообще. Я сделал пару каких то ударов, но конопатый энгельский шакал выплёскивал силу на всю мощь и в какой то момент нанёс мне сильнейший удар по уху, а после этого, используя тот классический захват за шею, которым меня всё детство нокаутировали мои противники и техника которого мне так и осталась неизвестна, повалил меня на колени на этот металлический пол мостика и продолжил лупить — кулаками и ещё как то даже ногой. В глазах в таких позах земля переворачивается, и я перевёрнуто видел, как какая то женщина быстро отвела ребёнка от нас в сторону. Были и другие люди на пристани.

Несколько секунд прошло с моего самоуверенного вызова этому задире до того, как я уже позорно стоял враскорячку, принимая один удар за другим. Другой пацан не вмешивался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.